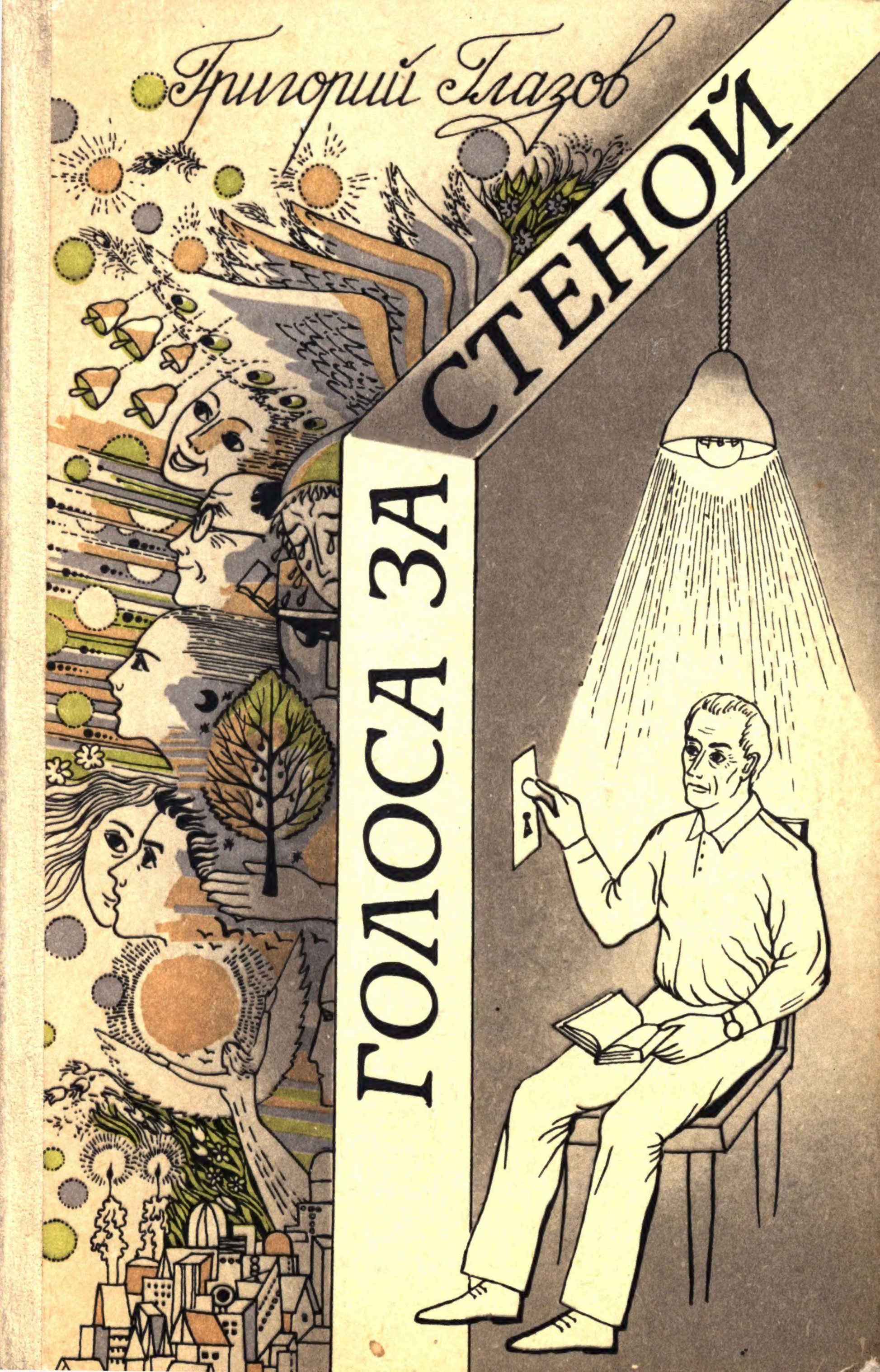
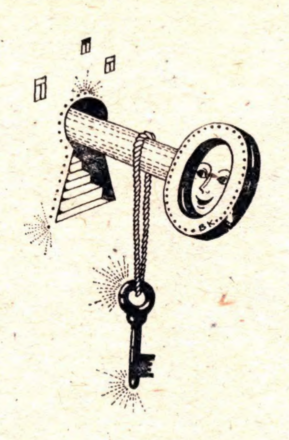

Григорий Глазов
ГОЛОСА ЗА СТЕНОЙ

1983

ГРИГОРИЙ ГЛАЗОВ. ГОЛОСА ЗА СТЕНОЙ

Тайна Тестомесов
Город Сутулых Людей
Дверь во все стороны
Мой сосед Коноплёв
Портрет на конкурс

Григорий Глазов

ГОЛОСА ЗА СТЕНОЙ

Маленькие повести

Художественное оформление
Виктории Ковальчук

ЛЬВОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАМЕНЯР»
1984

Р2
Г52

Новая книга современного русского писателя состоит из повестей, в которых действуют как реальные, так и сказочные герои. Произведения утверждают мысль, что человек не одинок, его окружает жизнь, требующая от каждого из нас высоты душевного полета, доброты, честности, справедливости и мужества в борьбе со злом.

Рецензенты:
В. Ф. Лысенко, В. А. Добряков

Г $\frac{4702010200-029}{М214(04)-84}$ 40.84

Часть первая

СВЕТ В КЛАДОВКЕ

Осень в этом году началась рано. После первых дождей небо очистилось, синева его стала густой и холодной. Неподвижно висело растрепанное высокими ветрами перистое облачко. Было много солнца, но тепло его стало скупым. И

хотя каштаны за окном еще не растеряли свою листву, она уже светилась по краям желтыми подпалинами. Это обожгли ее неурочные ночные заморозки...

Утром за завтраком Андрюша с сожалением думал, что теперь до весны не придется играть в футбол: поле на школьном дворе запятнали непросыхавшие лужи. Разве что еще удастся покататься на велосипеде...

— Андрей, ешь, картошка остынет,— прозвучал голос отца.

В воскресенье завтрак обычно готовил отец, за столом сидели все вместе: мама, папа, бабушка и Андрюша. Вставал отец рано и, покуда все спали, возился на кухне. Он умел и любил готовить. Осенью, в пору обилия овощей, он делал острую икру из синих баклажанов, приправлял ее помидорами, пек в духовке картошку. Она получалась рассыпчатая, вкусная, с румяной корочкой. В тостере отец поджаривал сухарики и намазывал их, еще горячие, сыром «Янтарь».

Так было и в этот раз.

— Ну, как икра? — улыбнулся отец.

— Вкусно,— жуя, сказал Андрей.

— Перцу много,— отозвалась бабушка.— Вы, наверное, специально, чтобы я не могла есть.

Мама выразительно посмотрела на отца. Это значило, что он не должен вступать с бабушкой в спор, иначе завтрак будет испорчен.

— Хорошо,— сказал отец сдержанно,— в следующий раз я вообще перчить не стану, каждый будет сыпать себе в тарелку столько, сколько любит.

— Ему тоже не надо,— кивнула бабушка на Андрюшу.— Для молодого организма это вредно.

Возражать никто не стал.

— В кладовке опять всю ночь горел свет,— продолжала бабушка.— Я вставала в шесть утра пить лекарства.

— Я его не зажигал,— пожал плечами отец.

— Но вы же ложились позже всех.

Отец действительно всегда шел спать последним. И по заведенному порядку проверял все краны, гасил на кухне и в ванной свет. Если же уезжал в командировку, эти обязанности выполнял Андрюша.

История со светом была давней. Много раз бабушка, которая обычно раньше всех выходила по утрам на кухню и заглядывала в кладовку, обнаруживала горевшую там всю ночь лампочку. Много раз пытались выяснить, кто же все-таки оставляет свет, но конкретный виновник не был найден. Поэтому косвенно, по мнению бабушки, им становился

зять, то есть отец Андрюши, поскольку спать он ложился позже всех...

— Ладно,— сказал Андрюша.— Теперь я прослежу за этим делом. Просто уже любопытно.

После завтрака отец ушел в гараж. Надо было долить дистиллированной воды в аккумуляторные батареи, зачистить окислившиеся за лето свинцовые контакты и снять с сидений чехлы — бабушка обещала их выстирать.

Мама села за проверку тетрадей: два ее шестых класса писали вчера сочинение. Андрюша любил иногда заглядывать в эти тетради, сравнивать сочинения, какие пишут у них в классе и в той школе, где работала мама.

Бабушка отправилась на кладбище красить оградку на могиле дедушки.

В квартире наступила тишина. Уроки Андрюша сделал еще вчера, в субботу, вернувшись из школы. Не зная, чем себя занять, он открыл ящик письменного стола. Там лежало много ненужного, как мама говорила, хлама, который выбрасывать Андрюша все же не позволял. Он считал, что кое-что еще может пригодиться. Например, двояковогнутая линза от старого бинокля. Или обрывок гитарной струны. Как-то бабушке понадобилось разрезать кусок стирального мыла. Нож в него не шел — увязал. Тогда Андрюша вспомнил об этой струне. Попробовал — получилось: кусок мыла был быстро и аккуратно разделен. Хранилось в ящике еще немало всякой всячины. Но сегодня ничто не вызывало Андрюшиного интереса, видимо, потому, что не нашлось никакого конкретного дела, к которому он мог бы применить ту или иную вещь из своего хозяйства.

«Конечно, хорошо бы пойти на пустырь и пострелять пустой консервной банкой,— подумал Андрюша, но вспомнил, что нет карбида.— Или разжечь бы костер и выплавить из кабеля свинец... Нет, все-таки в воскресенье скучно... Хоть бы кто-нибудь позвонил»,— он посмотрел на телефон.

Он бы и сам не прочь позвонить Севке, но вчера они поссорились. Причина ссоры была старой, как и их дружба: что бы Андрюша ни предлагал, Севка все отвергал или подвергал сомнению. «Не получится»,— говорил он по любому поводу. Или: «Фантазер ты, Андрюха».— «Но хоть попробовать надо,— настаивал Андрюша.— А ты все заранее знаешь, да?» — «Может, давай наделаем шороху»,— сказал Севка. «Какого шороху?» — «Ну, подожжем газеты в почтовом ящике у соседей».— «И что?»— усомнился Андрюша. «А ничего, будет шорох,— сказал Севка.— Или отца боишься?»— «А ты подожги в своем ящике»,— предложил

Андрюша. «Зачем в своем? Это не интересно»,— возразил Севка. «А мне чужие не интересно».— «Значит, такой ты?»— спросил Севка. «Никакой я. Обыкновенный»,— ответил Андрюша. «Ну и валяй»,— Севка повернулся и ушел...

Андрюша прошелся вдоль книжных полок. «Как это люди насочиняли столько?— не в первый раз удивился он.— В них все разговаривают и задают уйму вопросов. А в конце становится ясно, что и почему».

За неделю у Андрюши обычно накапливались свои вопросы. Возникали они, как правило, вечером, когда он уже лежал в постели. Но не успевал подыскать на них ответы, потому что незаметно засыпал. А вопросы эти не задашь ни приятелям в школе, на классному руководителю Ивану Петровичу, ни даже родителям. Не потому, что Андрюша не доверял этим людям. Просто он не смог их точно сформулировать, они походили больше на ощущения, нежели на прямые вопросы. Действительно, почему, например, ему вот не захотелось поджигать чужие газеты, а Севке захотелось?.. Или: почему бабушка и папа об одном и том же, ясном для Андрюши, имеют разное мнение?.. Вот и у него со Светкой Шаргородской так же получается. Светка считает, что она права, Андрюша — что он. Разве так может быть?.. Но ведь так и есть в действительности. А вот — почему так?..

Хлопнула входная дверь, вернулась бабушка. Андрюша слышал, как она прошла в свою комнату.

Андрюша побежал на кухню, открыл дверь в кладовку. Там горел свет. Ну, дела!.. На полках стояли банки законсервированных перцев, огурцов и помидоров. На гвоздях висели золотые венки лука, несколько красных стручков горького перца, связка пахучих сушеных грибов. Стоял особый запах осени. Сквозь узкую вертикальную форточку-щель виднелся кусочек синего неба. Андрюша присел на маленькую скамеечку и задумался. Его душа требовала чего-то необычного, хотелось совершить что-нибудь интересное, но ничего не придумывалось.

В это время за стеной щелкнул выключатель, и свет в кладовке погас, отворилась дверь и просунулась голова бабушки.

— Ты что тут делаешь? — спросила она.

— Банку с гвоздями ищу,— ответил Андрюша.

— Зачем тебе?

— Линолеум на пороге задрался,— нашелся Андрюша.— Ты сама споткнулась там, чуть не упала. Прибить надо.

— Ну, прибей, прибей, хозяин мой маленький,— обрадовалась бабушка.— Только гляди, банку с огурцами не опро-

кинь,— голова ее исчезла, бабушка, видимо, забыла, что ей понадобилось в кладовке.

Щелкнул выключатель, зажегся свет. Это бабушка по привычке надавила клавишу. Андрюша улыбнулся. Он понял сейчас, почему лампочка оставалась зажженной на ночь, за что бабушка ругала всех. Но что поделаешь,— бабушке семьдесят два года, и ее бы очень обидело, укажи Андрюша или кто-либо другой из домашних на ее оплошность. Тем более этого не следовало сообщать при папе, решил Андрюша. Папа не удержится: использует этот факт в каком-нибудь очередном конфликте с бабушкой, что, конечно, испортит маме настроение.

И тут внезапно какая-то мысль словно обожгла Андрюшу, он заспешил к телефону и набрал Севкин номер.

— Что делаешь? — спросил Андрюша, будто никакой размолвки между ними и не произошло.

— Задачка по алгебре не получается,— тоскливо ответил Севка.— Я ее и так и эдак, а с ответом не сходится. Слушай, а в ответах бывают опечатки?

— Все бывает... Еще и не такое. Выйти можешь? Есть дело.

— Какая-нибудь чепуха? — усомнился Севка.

— Не, честно.

— Мать не пустит.

— Придумай что-нибудь. Задачку я тебе объясню.

— Попробую. Подожди у телефона...

После уговоров и обещаний Севка отпросился у матери на часок. Он прибежал к Андрюше запыхавшийся, потому что в этот «часок» входило и время на дорогу в оба конца.

— Что за дело? — спросил Севка.

Андрюша рассказал ему, что кто-то зажигает по ночам свет в кладовке. О бабушкиных промахах он, конечно, умолчал.

— Идем глянем,— решительно сказал Севка.— Может, проводка не в порядке, где-нибудь замыкает?

Андрюша отверг это предположение, да и сам Севка убедился, что выключатель и провода в порядке. Он посмотрел на форточку-щель.

— В нее тощий кот едва пролезет,— сказал Севка.— А может, кто-нибудь из домашних по забывчивости?..

— Нет,— сказал Андрюша.

Севка оглядел полки, вышел на кухню и устроился на табурете.

Прошло несколько минут. Андрюша из кладовки не появлялся. Подождав еще немного, Севка заглянул туда и

увидел друга сидящим на корточках и произносящим какие-то слова.

— Ты чего? — удивился Севка.

— Тише, не мешай,— Андрюша приложил палец к губам.— Не видишь, что ли?

— Что?

— В углу под полкой.

— Ничего не вижу. Что там?

— Он.

— Кто?

— С которым я разговариваю. Ты что, и голоса его не слышишь?

— Нет...— опешил Севка.

Он все еще всматривался в угол под полкой, но ничего не обнаружил. До него доносились лишь вопросы, которые Андрюша задавал кому-то. Судя по всему, разговор происходил серьезный.

Ошеломленный, Севка притих. Заметив это, Андрюша повеселел и, уже не обращая внимания на друга, продолжал разговор.

— Как вас зовут? — спросил Андрюша.

— У меня нет имени,— последовал ответ.

— Как же можно без имени? — удивился Андрей.— Даже у Карлсона, который жил на крыше, и то было имя. Не могу же я звать вас карликом.

— Пожалуй... Я бы даже обиделся. Потому что это внешний признак. А по внешним признакам ни о ком судить нельзя. Это часто приводит к роковым ошибкам... Мы совершим с вами необычайное, как в сказке, путешествие. Разумеется, необычайное для вас. Поэтому можете, как в сказке, сами придумать мне какое-нибудь имя. Впрочем, можем все это решить проще. Какой месяц вы любите больше всего?

— Май,— подумав, ответил Андрюша.

— Почему?

— Весна, уже тепло, и мы начинаем играть в футбол на школьном дворе.

— Вот и зовите меня Май...

Андрюше показалось, что голос Мая, интонации и многие слова напоминают ему отцовские. Поразмыслив, он не нашел в этом ничего предосудительного и спросил:

— А почему вы обращаетесь ко мне на «вы»? Я ведь еще школьник.

— Потому что я имею в виду не только вас. Вы, так сказать, представитель множественного числа. Имея дело с вами, я одновременно общаюсь с сотнями других ребят,— на этот раз голос Мая стал тоньше, он был похож на голос

Андрюшиной мамы, которая у себя в школе к ученикам девятых и десятых классов обращалась на «вы». Это удивляло и смешило Андрюшу.

— Когда же мы отправимся в путешествие? — спросил Андрюша и оглянулся на Севку. Тот все еще недоуменно хлопал глазами.

— В ноль часов минус два, плюс четыре, плюс семь и так далее,— сказал Май и выжидательно посмотрел на Андрюшу.

Андрюша задумался. Фраза Мая напоминала ему задачку из журнала «Веселая география». Ее однажды на урок принесла Евдокия Захаровна, преподававшая у них географию.

— Я же вам объяснил, что одновременно общаюсь со многими ребятами,— сказал Май.— Скажем, в Москве ноль часов. Но кто-то живет в Варшаве, Свердловске, Хабаровске и других городах земли. Разве вы не знаете о существовании поясного времени? — спросил Май так, как спросила тогда Евдокия Захаровна.

— Знаю! — засмеялся Андрюша.

— Какие еще будут вопросы?— обратился к нему Май.

— Вы-то пролезете в эту форточку, а как же я? Она очень узенькая, я даже голову сюда не просуну.

— Это относительное понятие — «широкое—узкое». Что-то же для вас является широким, а для кого-то узким. Вы помните Гулливера? Как по-разному выглядел перед ним мир в стране лилипутов и в стране великанов. Но вам нет необходимости уменьшаться в размерах. Достаточно стать на табуретку, глянуть в форточку и увидеть, как огромно небо, и вы почувствуете себя за пределами кладовки,— на этот раз Май будто повторял слова учительницы литературы Клавдии Федоровны.

Ответы Мая внушали доверие и какие-то надежды. Правда, оставались некоторые сомнения, но Андрюша побоялся выяснять, чтобы не выглядеть невеждой. Он решил, что еще представится случай кое-что уточнить у отца или у мамы. Однако имелся один вопрос, который очень хотелось задать, но Андрюша не был уверен, что Май сможет ответить, а ставить его в неловкое положение не хотелось. Дело касалось локаторов, их возможностей, о которых он однажды беседовал с отцом. В частности, могут ли они улавливать на своих экранах тайные мысли.

И все же Андрюша не удержался:

— У меня еще один вопрос,— обратился он к Маю.— Если во время путешествия мы будем пересекать границы государств, нас могут обнаружить локаторы?

— Нам не придется пересекать границы, потому что они будут в нас самих, в нашем представлении. Это во-первых. Во-вторых, меня вообще нельзя засечь, поскольку я не материален, то есть в известном смысле вымысел, фантазия. Каждому человеку я вижусь иным. Таким, каким вы меня видите, я существую лишь для вас, потому что не существую вообще... А теперь прощайте. Встретимся здесь же в ноль часов московского времени...

Вскоре Андрюша и Севка сидели на кухне. Андрюша подробно передал приятелю разговор с Маем.

— Так ты думаешь, это он зажигает свет в кладовке? — спросил Севка, все еще недоверчиво глядя на Андрюшу.

— Кто же еще?

— А почему же я слышал только твои вопросы и не видел его самого? — Севка сощурил глаз.

— Потому, что ты не верил, что такое может быть,— нашелся Андрюша.— Если и дальше будешь сомневаться, то никогда вообще не увидишь и не услышишь его... Как хочешь, а я отправлюсь с ним,— твердо сказал Андрюша и осторожно глянул на Севку.

— Ладно,— вздохнул Севка, подавляя в себе последние колебания.— Всякое бывает. Я согласен,— решился он, вспомнив, что постоянные заносчивые сомнения уже не раз подводили его, а тут подвернулся такой необычный случай! Стоило ли рисковать — отнекиваться только потому, что считал Андрюшу невероятным фантазером...

— Значит, в двадцать три пятьдесят пять жду тебя у нашего подъезда. Не опоздай, смотри!

— По рукам! Все остальное — мухи!— весело сказал Севка и двинулся домой.

Поздно вечером, когда телевизор уже был выключен, Андрюша ушел к себе в комнату. В верхнем ящике письменного стола он нашел свою заветную тетрадь — словарик, придуманный отцом. Андрюша записывал в нее все незнакомые слова, какие слышал или встречал в книгах, затем брал соответствующий том Большой Советской Энциклопедии, отыскивал эти слова и узнавал их значение. Со временем Андрюша так привык к своему словарику, что обходиться без него уже не мог.

Перелистав тетрадь, Андрюша положил ее на стул. Там лежала его школьная форма, выглаженная бабушкой и приготовленная на завтра. Раздевшись, он юркнул под одеяло.

Минут пятнадцать он читал свою любимую книгу «Мифология. Верования и легенды греков и римлян», которая всегда находилась под рукой вместе с «Атласом мира».

Чтение было прервано стуком в дверь — это мама напоминала, что пора спать. Андрюша дернул шнурок выключателя настенной лампы. Комната погрузилась в полумрак. Все предметы как бы сдвинулись со своих мест, прижались к стенам и углам. Из окна дома напротив долетал свет. Вскоре и он погас. И лишь мягкое лунное сияние холодно поблескивало на покрытом лаком паркете. Чуть слышно постукивал маятником-балансом будильник на столе. В доме воцарилась тишина. Но в такую пору Андрюша обычно вслушивался, как в квартире просыпались отдыхавшие днем звуки: сонно булькала на кухне вода, устало скрипнула паркетина, вздохнула со звоном пружина дивана в столовой. Все эти шорохи, скрипы, позвякивания, бульканье возникали сами по себе, без участия человека. Предметы как бы начинали жить отдельной, своей жизнью, занимавшей Андрюшу. «Почему так?— удивлялся он, открывая слипающиеся веки и стараясь не заснуть. Чутким ухом он улавливал какой-нибудь прежде не знакомый звук и пытался угадать его происхождение.— Интересно, а какие звуки по ночам в квартире Светки Шаргородской? — подумал Андрюша. — Неплохо бы и ее взять в наше путешествие. Но Севка не согласится...»

Незаметно для себя Андрюша лег на правый бок, лицом к стене,— только так обычно и засыпáл. И хотя сейчас ему казалось, что спать вовсе не хочется, все же он остался лежать в этом положении...

Трудно сейчас точно установить, как это произошло: то ли во сне, то ли наяву, то ли на грани между сном и явью. Только Андрюша хорошо помнит, что голос Мая внятно произнес: «Пора». Причем голос этот раздался не в комнате и не за окном, а в самом Андрюше. Будильник показывал двадцать три часа пятьдесят минут. Через пять минут должен прийти Севка. Лунный свет все еще поблескивал на паркете. Андрюша тихонько оделся и, держа ботинки в руке, вышел в коридор. Чтобы не шуметь, он не стал вызывать лифт, а, натянув ботинки, сбежал вниз с пятого этажа. Севка стоял уже в подъезде. Они поднялись в квартиру и на цыпочках двинулись к кухне. У Севки за плечами был рюкзак.

— Что у тебя там? — шепотом спросил Андрюша.

— Самопал на всякий случай. Спички, свеча и два бутерброда: один с колбасой, другой с маслом и сыром. Пойдет?

— Пойдет. Надо еще «Атлас мира» и мой словарик. Все может пригодиться.

— Пресной воды бы захватить.

Наконец все было уложено, и они направились к кладовке.

— Слушай, а может, все это лепу́ха? — перед самой дверью вдруг засомневался Севка.

— Ты опять? — разозлился Андрюша и распахнул дверь. В кладовке горел свет. И тогда Севка решительно шагнул следом за Андрюшей.

Едва уместившись, они оба влезли на табурет, глянули в черный провал форточки. Оттуда тянуло холодом осенней ночи. Они увидели темное небо, исколотое дрожащими звездами. Оно было пугающе плотным и вместе с тем манящe глубоким и беспредельным от сияния миллиардов звезд. Одна звездочка желтоватого цвета передвигалась по ночному небу. Андрюша понял, что это спутник. Внизу под ними виднелся город. Полз маленький, как игрушечный, трамвай, светящиеся точки фонарей очерчивали улицы.

Незаметно город начал удаляться. Становился все меньше и меньше. Сильнее подул ветер. И тогда Андрюша понял, что они летят, что стены кладовки остались где-то за спиной. Но это был странный полет. Андрюша не ощущал движения. Ему казалось, что он висит на месте, а мимо проносится пространство. Холода он тоже не чувствовал.

— Началось! — крикнул Андрюша, однако голоса своего не услышал.

— Ну и ну! — отозвался Севка, опасливо вертя головой по сторонам...

Часть вторая

ДВОРЕЦ

Приземлились они так же незаметно, как и улетели, — земля приблизилась, коснулась их ног и позволила опереться. Андрюша оглянулся. Вокруг белели наметенные ветром барханы мелкого как пыль песка. Над ними знойно дрожал воздух. Пустыня простиралась на все четыре стороны. Не было ни деревца, ни тропинки. Кое-где торчали лишь сухие искореженные ветки саксаула. Песок был очень похож на тот, какой Андрюша видел на пляже в Евпатории.

Они взобрались на вершину самого высокого бархана и вдруг увидели расположившийся на отдых караван. Двугорбые верблюды общипывали колючие низкорослые кустики и лениво жевали большими губами. Возле колодца, обложенного серыми камнями, расхаживали люди в чалмах.

Одеты они были странно: из-под белых бурнусов торчали расклешенные джинсы, прикрывающие босые загоревшие ступни. Каждый был вооружен: на одном боку кривая сабля-ятаган, на другом — колчан со стрелами и рядом — кобура с пистолетом. Но самое поразительное Андрюша увидел в небольшой пальмовой роще. В тени, которую отбрасывали широкие, истрепанные ветром листья, стояли столики, застеленные белыми скатертями. За каждым сидело по четыре человека. Это были люди разного возраста, бородатые и гладковыбритые, седые, с морщинистыми лицами, высушенными солнцем до пергаментного блеска, и юные, с легким пушком над губой. И одеты они были по-разному. Кто голый по пояс, в шароварах и чувяках с задранными носами, кто в белых, распахнутых на груди полотняных рубахах и тоже в шароварах, но заправленных в сапожки из тончайшей коричневой кожи. Общим же для всех было одно: запястья рук охватывали кандалы, прикованные к единой цепи. Столиков было восемь. Все тридцать два невольника жевали и пили. Но как! Вокруг них суетились официанты в высоких белых колпаках, белых жилетах, надетых прямо на голое тело, и в белых передниках. Официанты кормили невольников из ложечек яйцами всмятку, подносили ко рту на огромных вилках ломти сочного поджаренного мяса, поили прохладной водой из высоких, запотевших хрустальных кубков, добавляя туда малиновый сироп. Бабушка покупала такой сироп в гастрономе. Тому, кто отказывался есть, официанты силой открывали рот и вталкивали пищу, которую брали со столиков. Их было три, и над каждым висела своя надпись: «Белки», «Жиры», «Углеводы».

— Ну и чудеса! — воскликнул Андрюша.

— Как в зверинце, — засмеялся Севка. — В неволе, а кормят будь здоров.

— Ничего смешного тут нет,— раздался голос Мая.

Андрюша обернулся. Май выглядывал из-за ветки саксаула.

— Кто эти, в кандалах? — спросил Андрюша.

— Тестомесы. Они месят тесто в пекарнях всей страны. Без них не было бы хлеба. Но Правитель этого государства приказал переловить их, приковать к цепи и доставить в целости и сохранности. Чтобы ни единый волосок не упал с головы и никто не заболел.

— А зачем они ему? — спросил Андрюша.

— В том-то все дело, что пока никто ничего не знает. Известно лишь, что Правитель велел поселить их временно в лучших комнатах своего Летнего Дворца, приставить лучших лекарей, знаменитых поваров и самую надежную

охрану. Но вам предстоит раскрыть эту тайну. Если вы, конечно, проявите смелость, любопытство и достоинство.

— Проявим!— за двоих воскликнул Андрюша.

— Тогда отправляйтесь во Дворец!— сказал Май и исчез.

Ребята двинулись по караванной тропе к городу. День был знойный. Преодолевая усталость и жажду, они шли по пустыне. Вскоре на горизонте показалась городская стена. За ней виднелись остроконечные и куполообразные крыши домов, сложенных из белого, обожженного солнцем кирпича. У Главных городских ворот, окованных нержавеющей сталью, их остановил стражник. Он был в тюрбане и кольчуге, в левой руке держал щит, а в правой — винтовку.

— Кто такие? — спросил он.

— Гости Правителя,— выпалил Севка.

— Понятно,— сказал стражник и утер пот, текший из-под тюрбана.— Ну и жара! Покурить не найдется, ребята?

— Мы не курим,— ответил Андрюша.— Мы занимаемся спортом. Вот он хорошо бегает стометровку,— кивнул Андрей на Севку.

— Понятно,— снова сказал стражник.— А что такое стометровка?

— А у вас в городе в футбол играют?— спросил Севка.

— Это что такое? — опять не понял стражник.

— Как что? Футбол и есть футбол! — возмутился Севка.— По одиннадцать человек в команде, двое ворот на стадионе. Гоняем мяч от ворот к воротам.

— Понятно,— повторил стражник.— Не, у нас про такое не слыхали,— он распахнул перед ними ворота.— Проходите.

— Ну и чудак! Чайник какой-то!— засмеялся Севка.

Миновав туннель, они очутились в городе.

Базарная площадь встретила их шумом. Суетились лоточники, рекламируя свой товар, вопили зазывалы у ларьков. Истошным криком исходили на привязях ослики, нагруженные тюками.

— Как в кино,— сказал Андрюша.

— Ага! — согласился Севка.— Куда двинем?

— Во Дворец.

— А где он? Ты знаешь?

— Спросим.

Они пересекли площадь, полюбовались фонтаном, в котором плавали диковинные пестрые рыбы, потом направились к широкой улице, выложенной цветными плитами. Если смотреть по ней вдаль, казалось, что это не плиты, а сплошной длинный ковер. На углу стояла старуха и тор-

говала семечками. Она была ужасно похожа на ту, что продает семечки в их городе у входа на стадион «Буревестник» в дни футбольных матчей.

— Скажите, пожалуйста, как пройти к Дворцу Правителя? — спросил у нее Андрюша.

— Один ноль,— ответила бабка и засмеялась.— А забьют с углового... Семечки, милые, жарила в духовке. Да не на газу, а на углях... В самом конце Дворец-то, в самом что ни есть. По этой красоте идите,— указала она на цветные плиты.

— А бабка с футбольным образованием,— хмыкнул Севка, когда они уже шагали к Дворцу.— Выходит, стражник у Главных ворот соврал, что тут про футбол и не слыхали.

— Тут вообще много странного,— серьезно ответил Андрюша.

Дворец возник перед ними действительно в самом конце улицы. Многоэтажное здание из стекла и бетона. Стекло оказалось непрозрачным, поэтому невозможно было разглядеть, что делается внутри. Вдоль фасада цепочкой стояла охрана.

Они поняли, что здесь проникнуть во Дворец не удастся. Решили обойти его, посмотреть, что делается с тыльной стороны. Но оказалось, что со всех четырех сторон здание абсолютно одинаковое — строго квадратное. Понять, где фасад, где бока, а где тыл, не представлялось возможным. Охрана опоясывала Дворец тоже замкнутым квадратом.

— Как же проникнуть? — спросил Андрюша.

Севка пожал плечами.

И тут возле афишной тумбы Андрюша увидел Мая. Он вроде наблюдал за ним, сидя на стебельке травы, росшей меж цветными плитами тротуара.

— Не получается? — спросил Май.

— Нет,— откровенно признался Андрюша.

— Оно и понятно. Для того, чтобы что-нибудь получилось, надо очень хотеть этого.

— А мы очень хотим,— обиженно ответил Андрюша.

— И вместе с тем сомневаетесь: получится ли? Вот она, ваша ошибка, ваша помеха. Пока не избавитесь от сомнений, не сможете преодолеть ни одного препятствия... Простите, мне пора,— и Май исчез, лишь слабо раскачивался стебелек, на котором он только что сидел...

— Мы должны туда попасть,— твердо сказал Андрюша.— Понимаешь, Севка, должны! А иначе зачем было отправляться в это путешествие? Чтоб вернуться ни с чем? Или у тебя есть сомнения?

— Нет! — затряс головой Севка.— Погоди, я придумал!

Севка полез в карман и извлек оттуда горсть каких-то цветных резинок. Это были воздушные шарики.

— Надувай,— сказал Севка.

Шариков оказалось восемь. Они надули их, перевязали ниткой, которая завалялась в одном из Севкиных карманов, подбросили вверх. Теплый поток воздуха подхватил их и понес. Но путь шарикам преградил Дворец. Они раскачивались перед его окнами где-то на уровне пятнадцатого этажа. Тут-то стражники и заметили диковинные цветные пузыри. Задрав головы, они повернулись к ребятам спиной и, дивясь, стали разглядывать шарики.

Ребята воспользовались этим и быстро шмыгнули к железным дверям. Попробовали открыть, но двери не поддавались: они были невероятно тяжелы, да и петли их поржавели.

— Есть идея! — воскликнул Севка. Он достал из рюкзака бутерброд, снял с него масло и смазал петли.— Теперь давай поднажмем.

Они налегли, петли скрипнули раз-другой, и двери распахнулись. Ребята очутились в огромном мраморном зале. Он был залит белым светом, который лился из сотен трубчатых ламп, висевших на стенах. Андрюша понял, что оконные стекла здесь сделаны из светофильтров, поэтому свет наружу отсюда не проникал. Зато улица была видна хорошо. Народу в зале было полным-полно. Все куда-то спешили, появлялись и снова исчезали. Никому не было дела до других, никто ни с кем не останавливался, не разговаривал. У одной из стен стояла стремянка, на ней восседал седобородый старец и вешал картину в золоченой раме. Картина была Андрюше знакома — «Аленушка» художника Васнецова. У другой стены на такой же стремянке сидел рыжебородый, он что-то малевал на холсте, тоже вставленном в золоченую раму, но что — понять было невозможно. Краски, едва он наносил их кистью, тут же исчезали, и холст опять становился чистым.

Ребята подошли к седобородому.

— Скажите, пожалуйста, — обратился к нему Андрюша,— что делает этот человек? — и кивнул на рыжебородого.

— Аллах его знает, мальчики,— пожал плечами седобородый.

— Кто он такой? — спросил Андрюша.

— Понятия не имею. Тут вообще никто никого не знает. Видите, сколько народу суетится? — и он указал на снующих по залу людей.— Сотни три, не меньше. Это чиновники Правителя. Такая у них работа.

— А почему петли на дверях у вас ржавые? — спросил Севка.— Дворец, а такой непорядок.

— Ими никто не пользуется, мальчики. Сюда можно попасть, ежели человек очень жаждет этого. За теми, кто входит сюда, двери закрываются один раз в жизни, поскольку выходить отсюда уже никто не хочет. Да и какой смысл? Харчи здесь казенные, работа не пыльная, знай суетись да помалкивай. После первых десяти лет на улицу уже не тянет, да и противопоказано: свежий воздух, ветерок и прочее здоровью уже вредны. А помираем — нас на лифте прямехонько в крематорий... Ну, гуляйте себе, ребятки, веселитесь, а мне некогда. Второй месяц уже картину вешаю, а сроку осталось всего две недели...

Слушая седобородого, Севка с трудом сдерживал смех. Андрюша старался быть серьезным, хотел понять, куда же это они попали.

— Смехота, Андрюха! — качал головой Севка.— В классе расскажи — не поверят. Рыжебородому-то с виду лет тридцать, не больше. Во дает! Он похож на нашего слесаря-сантехника из домоуправления. Его так все и зовут: «товарищ Шабашник». Мама говорит, что без рублевки в зубы с места не сдвинется.

— Пойдем на разведку,— сказал Андрей.

И они двинулись по Дворцу. Их удивляло бесконечное количество коридоров и закоулков, множество дверей, на которых висели надписи: «Комната Дураков», «Комната Доносчиков», «Комната Сочинителей Ненужных Бумаг». На одной двери не было никакой надписи. Они остановились. Снаружи торчал ключ. Севка хотел было вытащить его, чтобы заглянуть в замочную скважину, как вдруг она заговорила:

— Я — Замочная Скважина. Прошу вас, не трогайте ключ. Мне больно, когда его трогают. Каждый норовит вынуть его, чтобы заглянуть, повертывают, царапают меня и причиняют боль. Вы просто входите.

Ребята переглянулись. Андрюша взялся за дверную ручку. Вдруг наверху, на незамеченном ими раньше табло красным светом вспыхнули слова: «Запретная комната. Любимые герои Правителя».

Но это не остановило Андрюшу, ему не терпелось раскрыть тайну Тестомесов, поэтому он решительно распахнул дверь.

В комнате сидели люди и громко разговаривали, похоже, спорили. Они не обратили внимания на вошедших ребят. На подоконнике устроился человек в белом хитоне. На ногах у него были сандалии, ремешки их вились вокруг

щиколоток. Он щурил свои маленькие глаза, ковырялся в носу и хихикал.

— Что ваши подвиги против моих! — говорил он, обращаясь к остальным.— Я сжег одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской еще в 356 году до вашей эры! Понимаете — до вашей! Я сделал это в день рождения Александра Македонского. Жители Эфеса приняли решение предать мое имя забвению. Дудки, ничего не вышло у них,— снова хихикнул он.— Я, Герострат, и поныне в памяти людей!..

— Ну и какой толк? — отозвался мрачный детина огромного роста в красном камзоле и в красном колпаке.— Я пытал Джордано Бруно. Привязывал его к столбу и поджигал хворост в костре, на котором сгорел этот еретик. А толку-то что? Сжигать надо не храм, а идеи.

— Все вы мелкота,— загоготал человек в солдатской форме цвета хаки, в каске и с автоматом. Руки его лоснились от ружейного масла и были темны от пороховой гари. Я участвовал в уничтожении отряда Эрнесто Че Гевары. Собственноручно всадил в него очередь из этой штуки,— похлопал по автомату.— А этот сеньор тоже маху не давал,— кивнул он на элегантно одетого мужчину в светлом костюме, при галстуке с золотой булавкой, который молча жевал жвачку.— У него в руках побывал Виктор Хара и тут же остался без рук,— оскалился он, довольный своей шуткой.— Чик-чик — и нет кистей, больше не будет бренчать на своей гитаре. Не так ли, сеньор?

Жевавший улыбнулся.

— Ну и компания! — шепнул Севка.— Дать бы им по глазам из самопала,— и он потянулся к рюкзаку, где лежал его самопал, заряженный сухими вишневыми косточками.

Но Андрюша удержал его руку.

— Не нужно Севка. Будет много шуму, а толку никакого. Все испортим. Ведь наша главная задача — узнать тайну Тестомесов. Помнишь, что сказал Май? Идем отсюда,— но прежде чем уйти, он записал в свой словарик: «Выяснить, кто такие Герострат, Че Гевара и Виктор Хара...»

Они еще долго петляли по коридорам Дворца, пока не наткнулись на дверь, выходившую во внутренний двор. Там стоял деревянный флигель с вывеской «Прочие». Поднявшись по невысокому крылечку, они вошли внутрь и очутились в большой светелке. Посредине стоял стол, горели три свечи, а вокруг сгрудились люди и о чем-то негромко говорили. Вскоре Андрюша и Севка поняли, что это те, кто обслуживает Дворец,— Столяр, Аптекарь, Конюх, Кни-

готорговец, Электрик, Зеленщик, Переплетчик и Садовник. Все они были связаны с внешним миром, поскольку этого требовала их профессия, и хорошо знали, в каких заботах пребывает народ. Сейчас у них было что-то вроде тайного собрания. Каждый выступал и с гневом говорил о том, что в городе не выпекают хлеба, народ возмущен. Причина тому одна: все Тестомесы схвачены, скованы одной цепью, их пригонят сюда сегодня вечером и запрут в Летнем Дворце. Временно. Пока для них будут строить отдельный Дворец-Изолятор. Но зачем все это и что предпринять — никто толком ничего сказать не мог.

— Освободите Тестомесов, устройте им побег,— вмешался в разговор Севка.

— А вы кто такие и откуда? — спросил Книготорговец, разглядывая ребят.

— Мы здесь по делу,— ответил Андрюша.

— Из СССР,— добавил Севка.

— Мы не знаем такой страны,— сказал Аптекарь.

— Как не знаете? — возмутился Севка.

— Видите ли,— заговорил Столяр.— У каждого, кто попадает в этот Дворец, по приказу Правителя отнимают многие слова, которые начинаются на «С» и на «Р».

— Вам нужна Революция, чтобы завоевать Свободу,— сказал Севка.

— А что это такое — Революция, Свобода? — спросил Зеленщик. Руки и одежда его пропахли землей и овощами.

— Мы же объяснили вам,— обратился Электрик к Андрюше,— что не понимаем значения многих слов на «Р» и «С». Эти слова у нас украдены и заперты в Книге Главного Предсказателя.

— Чтобы эти слова вернулись к нам, они должны исчезнуть из Книги Главного Предсказателя,— промолвил Переплетчик.— Но как это сделать, мы не знаем: Книга хранится в тайнике. Главный Предсказатель очень хитер и верно служит Правителю.

— А где живет Главный Предсказатель? — спросил Андрюша.

— На двадцать седьмом этаже,— сказал Электрик.— Туда идет специальный лифт. Дверь в кабинет Предсказателя обвешана сигнальными устройствами. Постороннему туда проникнуть непросто.

— Понятно,— кивнул Севка.

— Попробуем помочь,— сказал Андрюша.— Но нужна будет и ваша помощь,— обратился он к Электрику.— Если вас станут вызывать на двадцать седьмой этаж для ремонта лифта, не ходите.

— Постарайтесь сачкануть,— разъяснил Севка.

— Что такое «сачкануть?»— не понял Электрик.

— Придумайте что-нибудь и откажитесь. Например, что у вас вирусный грипп. Здесь ведь все боятся простуды, сквозняков, свежего воздуха. А гриппа, наверное, и подавно.

— Еще как!..

Они пробыли во флигеле с полчаса. Из разговоров выяснили, что раз в неделю Предсказатель спускается лифтом на нулевой этаж в покои Правителя. Там он читает ему предсказания на очередные семь дней...

В одном из закоулков Дворца на первом этаже Севка и Андрюша обнаружили железную дверь с надписью «Щитовая. Высокое напряжение. Опасно для жизни». И все же они открыли ее. Там было множество рубильников, контактных панелей с включенными предохранителями и электроприборами.

План действия созрел быстро.

Часть третья

ТАЙНА ТЕСТОМЕСОВ

Лифт плавно спускался с двадцать седьмого этажа. Это был персональный лифт Главного Предсказателя — человека хитрого, завистливого, невероятно любопытного, но и трусливого. Росту Предсказатель был очень маленького, лицо худое. Черная козлиная бородка задиристо торчала кверху. Был на нем длинный полосатый халат и шелковый белый тюрбан — одежда, в которой он всегда являлся к Правителю...

На двадцатом этаже кабина лифта внезапно остановилась, погас свет. Предсказателю стало страшно. Он подумал, что это козни Главного Массовика, с которым враждовал. Для такого опасения были основания. Посидев минуту-другую в темном неподвижном лифте, Предсказатель нашел кнопку аварийного сигнала. Он проклинал в душе коварного Массовика, вовсе не зная, что лифт остановил Севка. Тем временем Севка, выключивший и щитовой рубильник, несся вместе с Андрюшей на двадцатый этаж. Вот когда им пригодились натренированные ноги и хорошо поставленное дыхание!

Не без труда ребята вызволили Предсказателя из остановившегося лифта.

— Где Электрик? — пискнул Предсказатель.

— Болен. У него вирусный грипп,— сказал Севка.

При слове «грипп» Предсказатель в страхе отшатнулся.

— А вы кто такие, мои спасители? — спросил он.

— А мы никто,— засмеялся Андрюша.

— Так оно и есть. Вас я в моих книгах не видел,— промолвил Предсказатель.— К Правителю я уже опоздал сегодня из-за этой задержки.— Что вы умеете?

— А все,— ответил Андрюша.

— Пойдем ко мне,— предложил Предсказатель и стал подниматься по лестнице на двадцать седьмой этаж.

Ребята, перемигнувшись, двинулись за ним.

Предсказателя, конечно, смущало, что эти двое ни разу не упоминались в его книгах. Уж не подосланы ли они Главным Массовиком? Хотя, с другой стороны, они все же его выручили. И один из них сказал, что умеют всё. Может, удастся использовать их в борьбе с Главным Массовиком!?

Борьба эта шла давно. Правитель до безумия любил всякие игры. И Главный Массовик подставлял ему всё новые и новые, за что Правитель осыпал его всякими милостями и почестями. Предсказатель ревниво относился к этому, завидовал. Он всячески хотел оттереть Массовика, скомпрометировать, отобрать его должность себе. Борьба шла с переменным успехом. Сейчас, в связи с делом Тестомесов, Предсказатель был в великой милости у Правителя. Еще небольшое усилие, казалось ему, и он свалит Массовика...

Наконец они достигли двадцать седьмого этажа. Предсказатель как-то странно согнулся, и стальная дверь распахнулась. Они вошли в круглую комнату, где стены были обиты черным бархатом. На полке лежали две толстенные книги, запертые винтами. Высились мягкие кресла. Поблескивал металлом видеоскоп, нацеленный на экран. Стояла тахта с неубранной постелью.

— Это мое рабочее место, — сказал Предсказатель.— Располагайтесь. Будем знакомиться.

Ребята уселись в кресла.

— Можете задавать вопросы,— хитро предложил Предсказатель. Он рассчитывал, что по вопросам незнакомцев узнает их истинные намерения.

— У нас вопросов нет,— сказал Андрюша.— Наверное, вы хотите о чем-то спросить, если позвали к себе.

— Логично,— ответил Предсказатель.— Вы знаете, что это?— указал он на видеоскоп.

— Да. У нас такой в школе есть,— кивнул Андрюша.— На уроках литературы пользуемся. А вам-то он зачем?

— О! У меня дела посерьезней!— хвастливо воскликнул Предсказатель.— По Главной Книге вычитываю предсказания, переношу их на кинопленку, а затем показываю на экране Правителю,— он открыл ящик, в котором лежали круглые коробочки с диафильмами.

— А может, все это «липа»? — усомнился Севка.

— У меня «липы» не бывает, — обиделся Предсказатель.

— Тогда угадайте, как сыграет в этом сезоне «Спартак».

— Одну минуточку,— Предсказатель встал, вытащил из ящика гаечный ключ, открутил гайки на болтах, скреплявших толстенную книгу. Затем раскрыл ее, полистал и изрек:— В этом сезоне «Спартак» вылетит из высшей лиги. Возвратится в следующем, когда вылетят «Карпаты» и «Крылышки». Я не знаю, что такое «высшая лига», «Спартак», «Карпаты» и «Крылышки», но так здесь написано.

— Чепуха! — махнул рукой Севка.— «Спартак» не может вылететь!

— Поживем — увидим,— усмехнулся Предсказатель.

— Скучно у вас тут,— поднялся Андрюша.— Пойдем, Севка.

— Но, видно, Предсказателю не хотелось, чтобы они уходили. Он надеялся извлечь какую-нибудь пользу от своих гостей.

— Что же вы спешите? Может, поиграем во что-нибудь? Вы какие-нибудь игры знаете?— с надеждой спросил он.

— Мы много игр знаем,— ответил Андрюша.

— Покажите, покажите! — запричитал Предсказатель. Глаза его блестели.— Я так люблю игры!

— Некогда нам. В другой раз,— отмахнулся Севка, а сам подмигнул Андрюше, мол, старикашка завелся.

— Хотите, я вам тоже покажу что-то интересное? — подпрыгивал Предсказатель.— Видите эту авторучку? К ней подсоединен шланг. Он питает ручку специальными секретными чернилами. Только такими чернилами я могу записывать все предсказания и все слова в свои книги. Эти чернила никто не может подделать, резинка их не стирает. У меня их полный бак на крыше. Он наполняется раз в сто лет. Оттуда чернила и поступают по этому шлангу прямо ко мне!

— Подумаешь — чернила! Мы все теперь пишем «шариком»,— пожал плечами Севка.

— Ну покажите какую-нибудь игру! — взмолился Предсказатель.— Мне это так необходимо.

— В другой раз как-нибудь. Может, завтра. До свидания...

Ребята вышли и пустились бегом вниз по лестнице.

Запыхавшиеся, они остановились на первом этаже за огромной колонной. Андрюша наклонился завязать болтавшийся шнурок туфли и у самой ноги увидел Мая.

— Вы поняли, в чем дело? — спросил Май.

— Не очень,— откровенно признался Андрюша.

— Он хочет выведать у вас какие-нибудь игры, чтобы развлекать Правителя и заслужить его расположение. Тут с Предсказателем конкурирует Массовик. Учтите это. И действуйте,— Май исчез.

— Старикашка у нас на крючке. В обмен на игры мы у него вытянем все тайны!— весело сказал Севка.

— Рано радуешься,— ответил Андрюша.— Он хитрющий.

Они слонялись по огромному мраморному залу, заглядывали во все его уголки, обсуждали, что же делать дальше. Среди снующих по залу вроде бестолку людей Андрюша вдруг приметил двоих, которые все время попадались ему на глаза.

— Севка, по-моему, за нами шпионят,— сказал он.

— Кто?

— Эти двое,— указал Андрюша на здоровенных, одинакового роста и в одинаковых серых костюмах мужчин, державших руки в карманах.

— Проверим. Идем сюда,— Севка свернул за угол и двинулся по пустынному коридору, в конце которого была закрытая дверь, а перед нею — круглый стол и два кресла.— Садись, Андрюха. Доставай листок бумаги и ручку — будем играть в «крестики-нолики».

Ребята сыграли уже три партии, когда в противоположной стороне коридора показались двое в серых костюмах. Они приближались ровными шагами, тяжело стуча подковками черных ботинок.

— Что вы здесь делаете, огольцы? — спросили двое одновременно и одинаковыми голосами.

— Играем в «крестики-нолики»,— спокойно ответил Севка и как ни в чем не бывало поставил в клеточку очередной крестик.

Серокостюмники переглянулись.

— А нам можно поиграть с вами? — спросили они одновременно и одинаковыми голосами.

— В эту игру играют только двое,— ответил Андрюша, подмигнув Севке.

— Научите нас,— попросили серокостюмники.

— А почему бы нет! — воскликнул Севка.

«Пусть эти шпики ввяжутся в игру,— подумал он,— потом их тягачами не растащишь. А мы тем временем исчезнем». И он начал объяснять серокостюмникам правила игры.

Объяснял Севка долго, но никак не мог им втолковать что к чему. «Ну и балбесы! — подумал он.— Как неживые».

В этот-то момент и раскрылась дверь, возле которой они сидели. Из нее показался огромного роста человек в двухцветной — красное и белое — клоунской блузе, заправленной в двухцветные — белое и красное — шаровары. Серокостюмники вскочили и вытянулись по стойке «смирно», а он заорал на них басом:

— Вы что здесь делаете, негодяи? Шпионите за мной?! — глаза его выпучились. Широченные кустистые брови зашевелились, как усы у рассерженного кота.— Марш отсюда! — гаркнул он.

Серокостюмников как ветром сдуло.

— Я — Главный Массовик,— назвался человек.— Эти двое шпионили за вами,— загоготал он.— Их приставил к вам Предсказатель, этот столетний карлик. Кроме пакостей он ничего в своей жизни не придумал... Чем вы тут занимались, ребятишки?

— Обучали их игре в «крестики-нолики»,— сказал Севка.

— Напрасно! Обучите меня, и я отвечу на любой ваш вопрос. Не говорите, что у вас нет вопросов! У каждого самого умного или самого глупого человека есть вопросы. Один вопрос — в обмен на одну игру. Вот мои честные условия.

— Хорошо,— обрадованно согласился Андрюша.

Через десять минут они обучили Массовика игре в «крестики-нолики» и в «морской бой». Он был в восторге, хлопал себя огромными ручищами по разноцветным шароварам и кричал от радости:

— Ну! Теперь держись, бездарный карлик! Я утру твой длинный нос! Задавайте вопросы, ребятишки, задавайте!

И Андрюша решил рискнуть, хотя Севка, предостерегая, толкнул его под столом ногой.

— Дверь в жилище Предсказателя имеет секретный замок,— сказал Андрюша.— Как туда проникнуть?

— Проще простого! — захохотал Массовик. — Мне об этом проговорился сам Правитель, когда я научил его играть в «жучка»... Так вот, этот негодяй отпирает замок

кончиком бороды: вставляет в скважину, щекочет там колесики и шестеренки. От этого они начинают подергиваться, шевелиться, раскручиваться, пружина сжимается, втягивает внутрь язычок замка — и дверь распахивается. Понятно?

Ребята кивнули.

— Следующий вопрос?

— Про Тестомесов нам интересно... История какая-то непонятная,— замирая, сказал Андрюша.

— О-о-о! Величайшая тайна! Речь идет о жизни и смерти Правителя! Но вам я доверяю, вы славные ребятишки. Вы поможете мне обскакать этого хитрющего карлика, и тогда Правитель размажет его по стене!.. Слушайте же. В своей книге Предсказатель вычитал, что жизнь нашего обожаемого Правителя зависит от жизни Тестомеса: если умрет Тестомес, спустя час умрет и наш Правитель. Но в этой идиотской книге не было сказано, о каком именно Тестомесе идет речь. И тогда было принято решение схватить всех, построить им специальный Дворец. Одним словом, всячески оберегать их жизнь. Иначе — понимаете, что может произойти... Они должны жить как можно дольше, и тем самым продлится жизнь нашего Правителя.

— А сами Тестомесы согласились на это? — спросил Андрюша.

— А кому нужно их согласие?— засмеялся Массовик.— Этот карлик и сейчас торчит у Правителя, нашептывая ему очередную пакость.

— Ну и порядочки! — удивился Севка.

Пообещав Массовику еще с пяток новых игр, ребята попрощались. Они бродили по вестибюлю, не зная, что предпринять дальше.

— А чего нам тут еще околачиваться?— пожал плечами Севка.— Тайну Тестомесов мы узнали. Ну и что?

— Как — что?! — удивился Андрюша.

— А так! Пусть сами решают, что им делать.

— Но они-то сами как раз и не знают. Понятия не имеют, за что их схватили и свезли сюда. Кормят, поят, а весь народ из-за этого живет без хлеба, пекарни закрыли.

— Слушай, Андрюха, ведь Правителю нужен всего один Тестомес, тот, от которого зависит его жизнь. А как мы узнаем, кто он, если даже Предсказатель не знает. Может, нам потолкаться среди народа, выведаем чего-нибудь?

— Пустое дело,— сказал Андрей.— Ты что, забыл, что Предсказатель отобрал у них слова на «С» и на «Р» и запер их в своей Книге?

— Ну и что?

— А то, что объясниться с ними мы не сможем. Что

мы им втолкуем, если они не понимают слов «свобода», «союз», «стремление», «равенство», «революция», «решительность»?

— Есть идея!— воскликнул Севка.— Поехали на двадцать седьмой этаж к этому ученому чайнику!

— Его сейчас нет. Массовик же сказал, что он у Правителя.

— В этом и заключается моя идея. Как открыть его конуру, мы уже знаем. Возьмем эту книженцию и выскребем оттуда все слова на «С» и на «Р». Усек?

— Как-то не очень красиво получается, вроде мы взломщики,— усомнился Андрей.

— Эх ты! Мы идем освобождать слова «свобода» и «революция» из тюрьмы! Понял? Вперед, мушкетеры!..

Они быстро зашагали вдоль зала к лифту. Возле одной стены Севка заметил маляра, который тусклой серой краской по красивому мрамору малевал зачем-то панель. Оказавшись за его спиной, Севка схватил кисть, торчащую из ведра с чистой водой, и сунул ее за пазуху. Весь свой дальнейший план он изложил Андрею подробно, коротко и по-деловому.

Часть четвертая

ВПЕРЕД, МУШКЕТЕРЫ!

Выйдя во внутренний двор, ребята направились к знакомому деревянному флигелю, где была надпись «Прочие». В полутемном коридоре отыскали дверь с табличкой «Аптекарь». Постучались, вошли. В светлой комнате пахло травами, настойками. На просторных стеллажах и столах стояли колбы, реторты, баллоны из тонкого стекла. К ним были подведены такие же стеклянные змеевики. В баллонах и ретортах что-то булькало, пузырилось, клубился легкий светлый дымок.

От стола к столу ходил розовощекий человечек в белом халате и в белом колпаке. Он сдвинул толстые очки в роговой оправе на лоб и, чуть прищурившись, подносил горящую спичку к фитилю спиртовки. Заметив ребят, улыбнулся:

— Входите, молодые люди, входите! Мы ведь уже с вами знакомы. Присаживайтесь,— он указал на круглые вертящиеся табуреты.— Каковы же ваши впечатления о нашей стране?

— Неважные,— откровенно признался Севка.

Андрюшу смутила такая прямота приятеля.

— Что ж, вы не ошиблись,— согласился Аптекарь.— Но что поделаешь,— он развел руками.— Мы не можем ничего изменить, потому что не можем ничего придумать.

— А вот мы придумали,— гордо сказал Севка.— Мы хотим возвратить вам слова на «Р» и на «С». И тогда вы поймете, что вам нужно делать.

— Не получится,— печально улыбнулся Аптекарь.

— Не получается у тех, кто ничего не делает,— возразил Севка.

— Так что же вы придумали? — спросил Аптекарь.

— Нам нужен какой-нибудь химический состав, который обесцвечивает чернила,— сказал Андрюша.— Сможете изобрести?

— Изобретать его нет надобности,— ответил Аптекарь.— Вы просто плохо знакомы с великой наукой — химией. Все, что вам нужно, уже давным-давно существует.

Он отошел к высокому дубовому шкафу с множеством ящиков. На каждом из них были написаны какие-то формулы. К стыду своему, Андрюша ни одной из них не знал. Порывшись в ящичках, Аптекарь извлек оттуда два пузырька.

— Вот это,— указал он на пузырек с темными мельчайшими кристалликами на дне,— марганцовка. А этот белый порошок — щавелевая кислота. И то и другое надо отдельно растворить, скажем, в пятидесяти граммах воды. Затем следует смочить необходимое место сперва марганцовым раствором, потом — раствором щавелевой кислоты. И чернила исчезнут. Надеюсь, что вы употребите это для дела благородного?

— Честное слово! — воскликнул Андрей.

— Я верю вам. Честное слово — самый дорогой и надежный залог. Берите эти пузырьки. Желаю удачи. Прощайте.

Поднявшись в лифте на двадцать седьмой этаж, где жил Предсказатель, ребята остановились перед дверью, переглянулись.

— Ну что? Давай? — спросил Севка.

Андрюша кивнул. Севка выщипнул из малярной кисти несколько щетинок и хотел было вставить их в замочную скважину, когда дверь вдруг открылась. На пороге стоял Предсказатель. Ребята растерялись.

— О! — воскликнул Предсказатель.— Дорогие гости! Как хорошо, что вы пришли,— хихикнул он.— Входите.

Они вошли.

— А я на вас обижен,— сказал Предсказатель.— Я

слышал, что вы показывали новые игры моему большому другу Главному Массовику. Почему же меня обошли? Мне вот сейчас опять идти к Правителю, а с чем? Новых игр нет,— переводил он взгляд с Андрюши на Севку.

«Сейчас важно спровадить его отсюда,— подумал Севка.— Но как?»

Андрюша, как будто прочитав его мысли, сказал:

— Ладно, я вам покажу одну интересную игру.

— В обмен на что? — осторожно спросил Предсказатель.

— А ни на что. Так просто.

— Так не бывает. Я вам за это разрешу полистать мою Главную Книгу Предсказаний. Хорошо?

— Хорошо,— притворно-равнодушно согласился Андрюша.— Дайте, пожалуйста, лист бумаги и карандаш. И себе возьмите. Готовы? Так... Пишем слово...— он задумался.— Ну, например, «закономерность». Написали? Из букв этого слова нужно образовать новые слова. Только имена существительные в именительном падеже и в единственном числе. Понятно?

Предсказатель кивнул.

— Выиграет тот, кто придумает больше слов.

— Прекрасно! — подскочил Предсказатель.— Я готов.

— Начали! — скомандовал Севка.

Предсказатель резво застрочил, глаза его лихорадочно блестели. Андрюша же, подперев щеку ладонью и покусывая карандашик, не спеша выводил новые слова.

Спустя какое-то время Предсказатель отложил карандаш.

— Я закончил,— сказал он.— Больше не получается.

— Ладно,— согласился Андрюша.— Читайте.

— Нет, вы первый! Вы первый!

Андрюша начал читать: «зарок», «кора», «конь», «река», «окно», «камень», «закон», «кон», «мера», «кость», «сон», «рост», «торс», «торос», «озон», «скот», «ток», «кот», «корт», «крот», «рак», «кран», «смена», «роза», «зерно», «сан», «оса», «номер», «ремонт», «корм», «мать», «масть», «нос».

«Да, натянул Андрюха нос старикашке,— подумал Севка.— Молоток! Тридцать три слова!»

Предсказатель сидел мрачный.

— Читайте,— предложил Андрюша.

— У меня всего десять,— пробурчал Предсказатель и начал читать: — «рок», «мор», «мерзость», «корь», «месть», «стон», «арест», «казнь», «смерть», «мрак».

— Ну и словечки! — покачал головой Севка.— Действительно, сплошной мрак.

— Но игра очень хорошая,— промолвил Предсказатель.— И я вам благодарен. Пойду к Правителю, вот обрадуется! На полдня этой игры хватит. А такое редко бывает.— Он встал, снял с полки толстенную книгу, открутил гаечным ключом болты и протянул Андрею.

— Это Главная Книга Предсказаний. Держите, она очень тяжелая. Полистайте, пока я вернусь. Если что не поймете, позже объясню. Она — свидетельство моего величия и моих успехов. Пока! — махнул он рукой и вышел, недобро сверкнув глазами...

— Чего будем делать? — спросил Севка.— Химичить?

— Давай,— сказал Андрюша и отложил Главную Книгу Предсказаний.— Если останется время, мы ее потом посмотрим.

Севка засуетился — откупорил пузырьки, набрал в каждый немного воды и стал взбалтывать. Кристаллы марганца медленно растворялись, будто пускали струйки фиолетового дыма. Постепенно вода становилась похожей на школьные чернила. Щавелевая кислота растворялась бесцветно.

Тем временем Андрюша, обнаружив на полке Книгу Изъятий из Памяти, перелистывал ее. Там были вписаны имена каких-то людей, важные события в их жизни, знаменательные даты, дни веселых праздников и карнавалов. Страницы были толстые, как картон, тяжелые. И вся книга была тяжелой. Андрюша понял: это потому, что Предсказатель похитил у людей так много главного и запер в этой книге все, что люди должны знать и помнить.

Наконец он обнаружил то, что искал. Это была страница с похищенными из человеческой памяти словами. Они были расположены в алфавитном порядке. Он быстро отыскал слова на «Р» и на «С», среди которых были «решительность», «революция», «равенство», а также «свобода», «совесть», «Советский Союз», «смелость» и многие другие.

— Есть! — воскликнул Андрюша. — У тебя готово, Севка?

— Готово! — подошел Севка с пузырьками.

Он оторвал от носового платка две полоски, одну смочил раствором марганцовки, другую пропитал щавелевой кислотой и сделал все так, как советовал Аптекарь. На их глазах порозовевшая от марганцовки бумага стала светлеть, буквы блекнуть, словно в тумане, и вскоре вообще исчезли. Бумага стала совершенно чистой, будто к ней чернила никогда и не прикасались.

— Вот это да! — восхищенно прошептал Севка.

— А ты думал! Химия, Севка,— великая наука.

Таким образом они обработали еще несколько страниц, записи на которых показались им важными. И тут Андрюша сказал:

— Слушай, а не зря ли все это? Ведь старик сумеет все восстановить по памяти. Он может даже вписать сюда и наши имена, чтобы их забыли. И никто о нас ни знать, ни помнить не будет. Мы с тобой вроде исчезнем. И есть мы, и нет нас.

Севка задумался. Слова Андрюши смутили его: значит, все их усилия напрасны?

В задумчивости они сидели какое-то время перед опустевшими страницами, откуда только что вызволили и вернули людям важные слова и понятия, без которых жизнь человека лишена смысла. И вдруг Андрюша сказал:

— Ты помнишь, за что тебе снизили оценку по поведению? Во второй четверти.

— Ну, помню,— не сразу ответил Севка.

— За что?

— Сказал же тебе: помню! Карбида я тогда насыпал в чернильницу Клавдии Васильевне.

— И она не могла выставить оценки в журнал: чернила разложились и не писали,— уточнил Андрюша.— Ты еще дал честное слово на собрании, что больше не будешь.

— Мне от отца тогда здорово влетело. Его завуч вызывал... Ну и что с того? Чего это ты вспомнил? — нахмурился Севка.

— А что, если насыпать карбида в бак с чернилами этому старику? Ведь бак заполняется раз в сто лет!

— Вот это будет шорох! — подскочил Севка.— И старик останется безработным на столько лет!

— Только где достать карбид?

— Достану! — заходил Севка по комнате.— Соображать надо стратегически,— повеселев, потирал он руки.— Я пошел. Жди меня тут,— он вывалил из рюкзака все, что было, и, перекинув его через плечо, выскочил из комнаты...

Двор был залит солнцем. Щурясь, Севка огляделся по сторонам и двинулся к хозяйственным постройкам, за которыми виднелись башни кранов. На строительной площадке стояли шум и грохот. Сотни людей, как муравьи, сновали по огромной территории. Одни укладывали перекрытия на бетонные опоры, другие прокладывали трубы канализации. Вертелись бетономешалки. Гудели сварочные аппараты. Это срочно возводился по приказу Правителя Дворец-Изолятор для Тестомесов.

Побродив по стройке, Севка подошел к газосварщикам. Они варили арматуру: в руках держали резаки, из которых

с шипением било сказочной красоты синее пламя. Лица их были прикрыты защитными масками с синими стеклами. Наблюдать за их работой Севка мог бы часами.

— Тебе чего, малый? — спросил его высокий человек в комбинезоне.

— А вы кто? — поинтересовался Севка.

— Бригадир.

— Значит, я к вам.

— Ко мне? От кого?

— Мне нужен карбид, с килограммчик. Во Дворце Правителя поломался лифт, рельса лопнула,— с ходу сочинил Севка.— Там сварщики работают, а у них карбид кончился. Вот меня и послали сюда.

— Шустрый ты, однако,— сказал бригадир.— Давай свой мешок. Два куска хватит? Тут поболее килограмма... Слушай,— оглянулся он по сторонам.— Какие там, во Дворце, слухи ходят насчет хлеба? Не слышал ничего? Сколько времени уже без хлеба сидим! Говорят, Тестомесов зачем-то переловили и заперли в Летнем Дворце Правителя.

— Скоро все будет в порядке,— неопределенно ответил Севка.— Так и скажите всем. До свидания,— подхватив потяжелевший рюкзак, он заспешил во Дворец, сел в лифт и нажал кнопку последнего этажа. Загудев, лифт потащился вверх. Вот уже промелькнул двадцать седьмой этаж, где в комнате Предсказателя в тревожном ожидании сидел Андрюша.

Наконец лифт остановился. Севка вышел на площадку, где никаких дверей уже не было, лишь на потолке темнела квадратная крышка люка. К ней вела железная стремянка. Это был ход на крышу. По стремянке Севка добрался до самого верха, сильно уперся руками в крышку, пытаясь откинуть ее, но она не поддавалась. Он уперся в крышку плечом, но безрезультатно. Севка взмок от усилия, глянул вверх и только сейчас увидел в крышке маленькую замочную скважину — люк был заперт. Рушились все планы. Хитрющий Предсказатель все предусмотрел. Севка готов был зареветь от обиды, он представил себе лицо Андрюши, к которому явится сейчас и сообщит, что ничего сделать не смог. Но не это главное. Хуже всего, что все их труды оказались бессмысленными.

Севка слез со стремянки, сел на нижний прут и задумался, с тревогой понимая, что время движется, а оно сейчас не их союзник.

Горестно вздохнув, Севка еще раз окинул взглядом стремянку и крышку люка, и тут его пронизала мысль. Он бросился к лифту, торопливо нажал кнопку спуска, зашептал:

«Быстрее! Быстрее!» Не без страха он думал о том, что ему предстоит сделать.

Когда лифт достиг первого этажа, Севка выскочил и побежал во внутренний двор. Он несся вдоль здания. Наконец увидел то, что искал: аварийную пожарную лестницу. Она начиналась у самой земли и шла отвесно вверх на такую высоту, на которую Севке взбираться еще не приходилось.

Было ли ему страшно? Да, было. Но все же он шагнул к лестнице и поставил ногу на первую перекладину.

Поначалу Севка взбирался довольно легко. Он все время внушал себе, что лезет не вверх, а лестница лежит на земле и он идет по ее перекладинам. Старался вниз не смотреть, не оглядываться. Вскоре стали болеть руки. Он уже не знал, на уровне какого этажа находится. Ему казалось, что лестница бесконечна. Рюкзак за плечами с каждым метром делался тяжелей. Пришлось сделать две передышки. Во время второй Севка все же заставил себя глянуть вниз. Холодные мурашки забегали по спине. Земля была невероятно далека. Знакомый деревянный флигель казался спичечным коробком. «Что сейчас делает Андрюха?— подумал Севка.— Эх, видел бы он, где я! Ладно, чего уж там»,— сказал он вслух и двинулся дальше...

Сколько прошло времени с начала его восхождения, он не знал. Борт крыши возник перед лицом внезапно. Еще несколько перекладин — и нога Севки уперлась в крашенную суриком жесть.

На крыше в разных местах торчали высокие, с человеческий рост, кирпичные дымоходы. Севка был уже возле одного из них, когда раздался какой-то хлопок и возле лица что-то жутко свистнуло. Севка бросился плашмя на крышу, дополз до дымохода, залег за ним, прислушался, потом осторожно выглянул. Крыша была как огромный стадион, и в другом конце ее Севка увидел человека с винтовкой. Он что-то кричал и махал угрожающе рукой, затем поднял винтовку к плечу. Он, видимо, потерял Севку из виду, водил головой по сторонам. Севка достал из кармана зеркальце, которым дома пускал зайчиков на балкон противоположного здания, где жил рыжий жирный кот. Острый лучик солнца попадал коту в глаза, он дергал мордой и начинал чихать...

Когда стрелок обнаружил высунувшуюся голову Севки и начал было целиться, Севка, поймав зеркальцем солнце, послал его белую слепящую иглу в глаза стрелку. Тот, не понимая в чем дело, зажмурил глаза и, опустив винтовку, начал их протирать. Этого было достаточно, чтобы Севка успел юркнуть за другой дымоход. Так, пригнувшись, пере-

бегая от одного кирпичного прикрытия к другому, он скрылся от стрелка...

Путешествие по крыше продолжалось долго. Наконец на противоположном ее скате Севка набрел на бочку с водой. Рядом стоял ящик с песком. Возле него лежали лопата и тяжелый пожарный багор. Севка сел на ящик, огляделся и тут же увидел огромный прямоугольный бак из нержавеющей стали.

«Он!» — вскочил Севка и подбежал к баку.

На одной из сторон его была застекленная вертикальная щель с нанесенными делениями, которые указывали уровень жидкости. Бак был почти полон. Сверху он был наглухо закрыт стальным листом, над ним чуть возвышалась круглая крышка, очень похожая на ту, какой задраивают иллюминаторы на кораблях.

Отвинтив барашки, Севка откинул крышку, извлек из рюкзака карбид и опустил его в горловину. Булькнув, карбид ушел на дно. Через какое-то время над поверхностью секретных чернил появились серые пузыри. Они лопались, шипели, образовывая пену. Севка захлопнул крышку и туго завернул барашки.

«Ну вот! — весело подумал он.— Дело сделано». Но радость омрачилась мыслью, что спускаться надо будет снова по той же длиннющей пожарной лестнице. А прежде чем добраться до нее, придется миновать стрелка, тот, наверное, стережет его. Вздохнув, Севка пустился в обратный путь, но вдруг остановился, глянул под ноги и стал метр за метром исследовать крышу. Через некоторое время нашел то, что и рассчитывал найти: квадратную крышку люка. Это ее он, стоя на стремянке, не мог сдвинуть, потому что она оказалась запертой.

Севка схватил тяжелый пожарный багор, несколько раз с силой вонзил его в щель между крышкой люка и крышей. Щель расширилась. Тогда он поддел крышку, навалился на багор. С хрустом выскочил из паза язычок замка, и, взвизгнув петлями, крышка откинулась. Севка юркнул в люк, по знакомой стремянке спустился вниз. Через минуту он уже был в лифте и вскоре вбежал в комнату на двадцать седьмом этаже, где его с нетерпением ждал Андрюша.

— Ну что? Чего так долго? Вечно ты куда-нибудь завеешься,— недовольно сказал Андрюша.

— Подожди! — Севка открутил кран и стал жадно пить из тугой струи. Вода стекала по подбородку на шею, за воротник, но он не замечал. Напившись и отдышавшись, плюхнулся в кресло и начал рассказывать Андрюше о своих приключениях.

— Эх, если б наши в школе знали, где я побывал! — воскликнул в заключение Севка.— Кто бы еще так смог?!

— Ладно тебе хвастать! Кончай. Чего дальше-то делать будем?

— Передохнем малость и двинем во флигель. Проверим результат нашей работы: вернулись ли к ним слова на «Р» и на «С». Потолкаемся среди народа, послушаем, а там видно будет. Пусть они своих Тестомесов теперь вызволяют... Слушай, давай хоть перелистаем этот блокнотик,— кивнул Севка на возвышавшуюся Главную Книгу Предсказаний, о которой вовсе забыли.

Андрюша взял со стола огромную книгу в переплете из верблюжьей кожи весом килограммов в шесть. Края переплета были окантованы позолоченным металлом. Бумага в книге выглядела странно — толстая, негнущаяся, воскового цвета, буквы на ней как бы проступали изнутри темными контурами.

Ребята прочитали несколько страниц. Всё это были предсказания, относившиеся в основном к жизни Правителя: когда и какой болезни ему остерегаться; какой доход принесут его казне отнятые у соседнего государства сочные земли; какая будет погода в этом году и как она скажется на урожае хлопка на плантациях Правителя. Что же касается жизни его подданных, то им в этих предсказаниях были посвящены самые мрачные и самые грустные строки: одним была уготована тюрьма, другим — смерть на строительных работах в пустыне. Там Правителю вздумалось возвести высоченную башню — с нее он намеревался наблюдать лунное затмение, предсказанное еще пять лет назад. Третьим по предсказанию предстояло погибнуть через два года во время наводнения. Деньги, собранные народом для строительства плотины, Правитель истратил на свадьбу дочери-горбуньи...

Так, листая страницу за страницей, они добрались до того места, где речь шла о Тестомесах, то есть о тайне жизни и смерти Правителя. Эта страница была толще прочих, но ребята, не обратив внимания, готовы были перевернуть ее, чтобы читать дальше. И в этот момент раздался голос Мая. Он сидел на водопроводном кране, из которого с большим интервалом падала маленькая капля. Май подставлял под нее ладошку и мыл свои маленькие башмачки.

— Вы торопливы и невнимательны,— сказал он, приступая ко второму башмачку.— Разве вы не заметили, что эта страница толще других вдвое? А почему? Знаете ли вы о том, что в древности строители добавляли в раствор яичный белок? Он обладает высокой клейкостью. Поэтому и по

сей день швы между камнями или кирпичами в старинных зданиях так прочны... Так вот: каждое утро Предсказатель съедает на завтрак пару сырых яиц с кусочком брынзы. Однажды во время завтрака он читал книгу Предсказаний. И тут на ней проступили сведения о Тестомесах и судьбе Правителя. Предсказатель доедал в это время второе яйцо. Он был потрясен открывшейся ему тайной, тем, что жизнь и смерть Правителя зависят от кого-то из этих Тестомесов. Однако прочитать дальше ничего не успел: в этот момент вспыхнул световой сигнал, срочно требующий его к Правителю. Он испугался, и ложка, полная яичного белка, выпала из рук, содержимое ее расплескалось по непрочитанной правой странице. Предсказатель очень спешил, захлопнул книгу, запер ее винтами, спрятал и понесся к лифту. В суматохе забыл о пролившемся на книгу белке. Между тем страницы, сжатые винтами, склеились, и все, что осталось непрочитанным, так и прошло мимо Предсказателя. А теперь вы разъедините страницы и узнайте то, чего не узнал он...

С этими словами Май юркнул в горлышко крана и исчез.

Перочинным ножичком Андрюша осторожно разъял склеенные страницы и был удивлен: они совершенно не пострадали. Странная бумага этой книги, видимо, обладала свойством вечно сохраняться и не подвергаться порче.

Ребята прильнули к правой странице и среди прочего прочитали следующее: «...росту этот Тестомес высокого, глаза серые, волосы темные, лет ему двадцать, на подбородке слева родинка, живет он в селении Оазис Цапли, крайний дом у оливковой рощи. И зовут его Юнал. Жить он имеет право столько, сколько пожелает жить Правитель, ибо Правитель умрет спустя час после смерти Юнала».

Так до конца открылась им тайна Тестомесов. Потрясенные, они какое-то время сидели молча. Затем Андрюша сказал:

— Надо немедленно идти во флигель. Предсказатель может возвратиться сюда в любой момент. Нельзя, чтобы он застал нас за чтением этой страницы. Ведь он так и не доискался, какой именно Тестомес им нужен. Вставай, Севка, надо сматываться.

— Но это так оставить ему нельзя,— указал Севка на раскрытую книгу.— Попробуем наделать шороху,— Севка достал коробок спичек, чиркнул, поднес горящую спичку к краю страницы, но бумага не загоралась. Он извел еще несколько спичек — результат был тот же.— Да-а, хитрющая бумага,— покачал он головой и в раздумье обвел глазами комнату. Взгляд его остановился на холодильнике. Севка подбежал к нему, распахнул дверцу и сразу же увидел

в гнездах ее с десяток яиц.— Сделаем ему омлет из одного яйца,— засмеялся он.— А то он больно шустрый.

Андрюша понял.

Севка надбил яйцо, желток вылил в раковину, а белок — на раскрытые страницы, захлопнул книгу, стянул ее винтами и водрузил на место.

— Все, Андрюха, ходу!..

Когда они подошли к флигелю, там уже толпилось много людей. Стоял шум голосов. Но в этом галдеже отчетливо слышались слова «свобода», «революция», «равенство», «смелость», «республика», «решимость», «совесть». В центре толпы ребята увидели уже знакомых им Аптекаря, Столяра, Конюха, Книготорговца, Электрика, Садовника, Зеленщика, Переплетчика.

Андрюша и Севка переглянулись, довольные, улыбнулись друг другу.

— Они еще не всё знают,— шепнул Андрюша приятелю.

Постепенно шум стих. Люди смотрели уже на Столяра. Видимо, он считался самым авторитетным. Это был коренастый смуглый человек с широкими скулами. Высокий его лоб был вкруговую перехвачен ремешком, чтобы волосы не падали на глаза и не мешали во время работы. Рукава рабочей блузы были закатаны по локоть. Сильные мускулистые руки покрыты загаром.

Андрюша и Севка протиснулись к нему. От его длинного фартука, на котором белело несколько мелких стружек, пахло древесиной. Стоя на перевернутой тележке Зеленщика, Столяр говорил народу:

— Теперь все мы знаем, что нужно делать! К нам вернулось понимание главных слов в жизни. Но этого еще недостаточно. Надо действовать. Мы создали руководящий Комитет Важных Поступков. Это наш штаб. Разработаем план и сообщим его вам. Собирайтесь все завтра после захода солнца на пустыре, что возле Ненужного болота. А сейчас расходитесь, чтобы не привлечь внимания стражи.

Когда все разошлись и остались только те, кто вошел в Комитет Важных Поступков, Столяр соскочил с тележки и бросился пожимать ребятам руки.

— Спасибо вам,— весело говорил он.— Все поняли, что это вы нам помогли. Мы уже кое-что о вашей стране знаем. Прежде всего собираемся освободить всех Тестомесов. Потом будем готовить восстание против Правителя и всех его дармоедов.

Ребята поняли, что настал момент, когда надо сообщить Столяру и его товарищам тайну Тестомеса Юнала. От этого многое зависит.

— Есть одно дельце,— сказал Севка, отзывая в сторону Столяра.

— Да вы говорите при всех,— сказал Столяр.

— Это чрезвычайно секретное сообщение,— засомневался Севка.

— Тут все свои,— возразил Столяр.— А если вы боитесь, что ветер донесет эту тайну до ушей стражников или шпионов Правителя, идемте тогда в мою мастерскую, там нам никто не помешает.

Мастерская его помещалась рядом с флигелем в полуподвале, где стоял большой верстак. На полках аккуратно были разложены рубанки разных размеров, стамески, долота, сверла. Пахло свежей сосновой стружкой и столярным клеем. Андрюша с завистью смотрел на инструмент, на тиски, на струбцины. Он подумал, что хорошо бы и у себя завести такую вот мастерскую и научиться делать все своими руками.

Когда все расселись — кто на верстаке, кто на подоконнике, кто на выструганных досках — и в ожидании уставились на Севку, тот кивнул Андрюше, мол, говори ты.

И Андрюша поведал им тайну, связывающую жизнь Тестомеса Юнала и Правителя.

Известие это всех потрясло. Сидели притихшие. Наконец Столяр сказал:

— Многие из нас знают Юнала.

— Очень начитанный молодой человек,— сказал Книготорговец.

— Его отец тоже был Тестомесом. Он умер в прошлом году. Юноша приходил ко мне за лекарствами,— вспомнил Аптекарь.

— Да-а, сложное положение,— задумчиво произнес Столяр.— Чтобы умер Правитель, Юнал должен погибнуть.

— Зерно гибнет в земле, чтобы дать новые всходы,— сказал Зеленщик.

— Оно-то так, однако человек — не зерно,— возразил Электрик.— Не станем же мы убивать Юнала, чтоб издох Правитель.

— Мы должны все рассказать ему. Пусть сам решит, как быть,— сказал Столяр.

— А если Юналу понравится та жизнь, которую уготовил ему Правитель,— ешь, спи, плюй в потолок, но только живи? — спросил Садовник.

— Все равно мы должны будем освободить остальных Тестомесов и готовить восстание,— сказал Конюх.

— И все-таки без Юнала мы ничего решить не сможем. Сейчас главная задача — пробраться в Летний Дворец,

отыскать его и поговорить с ним. Вы поможете нам пробраться в Летний Дворец?— спросил Столяр у ребят.

— Поможем,— откликнулся Андрюша, хотя еще не очень ясно представлял, как это сделать.

— Только приготовьте фосфора побольше,— сказал Севка Аптекарю.

— Сколько угодно,— пообещал Аптекарь.

Поздно ночью, когда всюду погасли огни и светила лишь огромная желтая луна, похожая на головку жирного сыра, Андрюша и Севка тихо шли через дворцовую площадь. Возле сквера с фонтаном, изображавшим раздувшуюся жабу, изо рта которой вылетала струя воды, они остановились.

— Жди меня здесь,— сказал Севка, а сам закинул за спину пустой рюкзак и двинулся по узенькой улочке.

Андрюша опустился на скамейку. Сюда долетали брызги воды из фонтана и, как горошины, рассыпались на пыльном камне.

На одной из таких горошин и возник Май.

— Вы довольны своим путешествием? — спросил он Андрюшу.

— Очень,— ответил Андрюша.— Еще бы освободить Тестомесов и узнать, как поступит Юнал: захочет ли помочь народу освободиться от Правителя?

— Всё впереди,— неопределенно сказал Май.— Но учтите, уже три часа ночи, понедельник. Скоро мы покинем эту страну. В восемь вам уже надо идти в школу.

— Я забыл, что сегодня понедельник,— вздохнул Андрюша.

Капельки воды постепенно впитывались в пыль, и вскоре Май исчез.

Через какое-то время вернулся Севка. Рюкзак его был набит чем-то тяжелым.

— Смотри,— Севка присел на корточки и раскрыл рюкзак.

Андрюша увидел металлические кругляшки размером с рубль.

— Это я на стройке насобирал среди металлолома,— сказал Севка.— Сейчас будем серебряные монеты клепать,— подмигнул он.— Усек?

Андрей кивнул.

В банке, которую принесли с собой, был фосфор. Они принялись натирать им кругляшки. Закончив работу, затянули тесемкой рюкзак и двинулись к Летнему Дворцу. Там, спрятавшись в кустах, их должны были ждать Столяр и его друзья.

Улицы были пустынны. В тишине слышалось, как дале-

ко за городскими стенами свистел ветер, гнавший песок с бархана на бархан.

У входа в Летний Дворец, где временно содержались Тестомесы, стояли два стражника.

— Стой! Пропуск! Кто такие? — окликнули они ребят.

— К вам мы,— весело сказал Севка.— Зарплату и премию принесли от Правителя за верную службу.

— А почему ночью? — удивились стражники.

— Чтобы вы видели, как красиво сияют эти монеты при луне,— ответил Андрюша.

— Глядите,— и Севка развязал рюкзак.

Натертые фосфором, кругляшки излучали серебряный свет, казавшийся в лунных лучах золотым.

Стражники ахнули, присели и, толкая друг друга, начали набивать кругляшками карманы.

— Не спешите, успеете,— давясь от смеха, сказал им Севка.

Это была условленная фраза. Услышав ее, из-за кустов тихо вышли Столяр с товарищами. Они быстро заткнули кляпами рты стражникам, связали им руки и ноги, отволокли в кусты. Ключами, снятыми с их поясов, отперли двери и бросились во Дворец. Через полчаса все Тестомесы были освобождены. Они покинули свои камеры — роскошные комнаты, где стояли широкие кровати с белоснежными постелями и столы, ломившиеся от обилия самой вкусной и калорийной пищи.

— Идите по домам,— сказал им Столяр.— Приготовьте много теста, чтобы испечь побольше хлеба народу. А перед заходом солнца приходите на пустырь возле Ненужного болота... Но я что-то не вижу среди вас Юнала.

— Он живет на десятом этаже в башне,— сказал самый старый Тестомес. У него была длинная седая борода и совершенно лысый череп, покрытый розоватой кожей в веснушках.— Мы соскучились здесь. От спанья, жратвы и безделья околеть можно. Это за что же нас сюда упрятали? У Правителя, наверное, излишек еды?

— Там, на пустыре, мы расскажем вам, в чем дело, за что такие милости посыпались на ваши головы,— сказал им Столяр.— А теперь побыстрее отправляйтесь по домам...

Комната, в которой жил Юнал, находилась в самой башне, застекленной со всех сторон. Когда Столяр, Андрюша и Севка вошли в нее, Юнал спал. Он, видимо, ничего не слышал, что происходило на нижних этажах, и удивился внезапному появлению ночных гостей.

— Не зажигай света,— предупредил его Столяр.— И так видно.

И действительно, комната была залита лунным сиянием. В ней можно было разглядеть богатое убранство: мебель блестела от лака, в застекленных шкафах стояла дорогая посуда, а на овальном столе у стены было полно всякой снеди.

Андрюша и Севка разглядывали Юнала. Он стоял у окна, высвеченный лунным светом. Это был юноша лет двадцати, узколицый, с серыми грустными глазами. Сильные, перевитые мышцами руки его были скрещены на груди.

— Мы пришли к тебе по делу,— сказал Столяр.

— Я знаю вас,— ответил Юнал.— Вы — Столяр. Я был у вас однажды, когда у нас рассохлось корыто для замеса теста,— улыбнулся Юнал.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — спросил Столяр.

— Понятия не имею.

— И не поинтересовался, почему тебя поместили сюда, заперли и кормят как на убой?

— У кого ж я мог узнать? Меня схватили, заперли здесь, сказали, что по приказу Правителя.— Юнал нахмурил темные брови.

— Ладно, расскажу тебе, потому что от тебя многое зависит,— и Столяр поведал Юналу, какими нитями связана его жизнь с жизнью Правителя.

По мере рассказа лицо Юнала мрачнело. Он то вскидывал глаза на Столяра, то переводил взгляд на Андрюшу и Севку. Когда Столяр умолк, Юнал спросил:

— А почему вам было не убить меня сразу, спящим? Все бы решилось само собой.

— Мы не убийцы, Юнал,— ответил Столяр.— Благодаря этим ребятам,— он указал на Андрюшу и Севку,— к нам вернулись понятия Свободы, Равенства, Справедливости, Решимости. Разве это обошло тебя стороной?

— Нет, они и ко мне пришли, эти понятия. Я принадлежу к тому же народу, что и вы.

— Вот и решай, как быть.

Юнал провел ладонью по высокому лбу, пригладил черные курчавые волосы, задумался. Потом сказал:

— Есть несколько путей избавиться от Правителя. Например, выброситься мне из этой башни и погибнуть. Или пойти во главе восставших и нарваться на пулю жандармов.

— В тебя стрелять не будут. Прикажут в Тестомесов не стрелять,— сказал Столяр.

— Если так, то кому, как не мне, проще всего проникнуть во Дворец и захватить Правителя,— подумав, ответил Юнал.

— У тебя есть еще один выбор: остаться беззаботно жить в этой комнате в сытости, праздности и безделье,— сощурив глаз, схитрил Столяр.

— Вы хотите сказать, что и от этого умирают? — усмехнулся Юнал.

— Да. Но это бесславная смерть,— кивнул Столяр.

— На когда назначено восстание? — спросил Юнал.

— Свое решение ты должен сообщить нам сегодня перед заходом солнца. Мы соберемся все на пустыре возле Ненужного болота,— сказал Столяр.— А сейчас надо уходить отсюда. Мы и так задержались.

Юнал окинул взглядом комнату, подошел к постели и достал из-под подушки белый, накрахмаленный высокий колпак, какие надевают Тестомесы во время работы.

— Это я возьму с собой,— сказал он и натянул колпак на свои курчавые черные волосы.

— Прощайте, друзья,— сказал Столяр ребятам.— Спасибо вам за все. С остальным мы управимся сами. Не так ли, Юнал?

Юнал ничего не ответил и вышел вслед за Столяром.

Наступила тишина. Андрюша и Севка подошли к окну, распахнули его. Теплый ветер, дувший из пустыни, обвевал лица. На ночном небе звезды стали тускнеть, луна уменьшилась, приближался рассвет. В чистом воздухе терпко пахло осенними цветами. Город еще спал. Но где-то уже закричал петух, залаяла собака.

— А как ты придумал этот фокус с фосфором? — спросил Андрюша.

— Я вспомнил, что у отца есть часы-хронометр. У них светящиеся стрелки и цифры, покрытые фосфором. А обрезки-кругляшки я видел на строительстве, когда ходил за карбидом,— Севка вытащил из кармана руку, разжал пальцы, и Андрюша увидел кругляшку.— Эту взял на память.— Севка подбросил круглую железку на ладони, а потом покатил ее по паркету.

— Осторожно! — вдруг раздался голос Мая.— Вы чуть не раздавили меня этим колесом,— увернувшись от кругляшки, он вскочил на плинтус.— Уже светает. Я за вами. Пора в обратную дорогу.

— Но мы же не знаем еще, что решил Юнал!— огорченно воскликнули ребята.

— Он поступит так, как поступили бы в этом случае вы,— сказал Май.

Друзья переглянулись.

— Это точно? — недоверчиво спросил Севка.

— Абсолютно!

— Знаете, как бы мы поступили? — горячо заговорил Андрюша.— Мы бы...

— Не спешите с ответом,— перебил его Май.— Сперва хорошенько подумайте. Для этого у вас будет время. А сейчас — пора!

Сквозь открытое окно сюда, на десятый этаж, долетел проснувшийся птичий щебет. На крышах зданий, мокрых от росы, в спокойной воде каналов еще лежал лунный свет. Но где-то далеко, за городскими стенами, у самого горизонта, темное небо прорезала бледная зеленовато-голубая полоса.

Руки у ребят стали легкими как крылья. И вот уже комната в башне отступила и уплыла вниз. И уже где-то далеко под ними лежал этот странный город с ниточками улиц и спичечными коробочками домов, а звезды и луна стали ближе. Потоки воздуха — то холодного, то теплого — касались их лиц. И вскоре все исчезло. Было только бездонное небо и огромное пространство впереди.

— Слушай, Андрюха!— крикнул Севка, захлебываясь свежим ветром.— А нам в классе поверят, что мы были в этом путешествии?

— Ты-то веришь? — отозвался Андрюша.

— Верю!

— Это самое главное! — крикнул Андрюша.

И в этот момент из-за горизонта высунулся край раскаленного диска. Это выходило Солнце нового дня.

Около полуночи втроем они вышли за город. В темноте поднялись на высокий холм, поросший соснами. Хотя время было позднее, над морем еще догорала лиловая полоска заката, тонкая как щель. Казалось, среди ночи кто-то приоткрыл там дверь своего жилища. А в жилище том, в печи, обуглившись, дотлевали дрова. И свет этот приглашал заблудившегося и уставшего путника к чужому, но гостеприимному очагу.

Сильный ветер пригибал верхушки сосен.

Город спал. Спала река, разделявшая его. Но в черной густой ее воде, как светляки, дрожали огни. Это на мачтах рыбацких судов раскачивались фонари.

На башне старинной ратуши двенадцать ударов колокола возвестили, что начались новые сутки. Три человека повернулись лицом к едва проступавшим очертаниям башни. Последний удар колокола умолк. В ночной тишине остался только шум ветра, метавшегося в кронах деревьев. Начал накрапывать дождь. И тогда один из троих, которого звали Учитель, сказал:

— Здесь мы расстанемся, дети. Вы отправитесь по своей дороге жизни уже как самостоятельные люди. Вы кончили мою Школу Высоты и Риска, и теперь вы не просто хорошие акробаты и гимнасты, канатоходцы и жонглеры. Я учил вас смелости и доброте. Учил не бояться Высоты и Риска. Надеюсь, мне это удалось. Помните мое правило? Я не беру со своих учеников плату за обучение. Я беру с них клятву, что они будут учить безвозмездно своих учеников. И те, кого выучат их ученики, обязаны в свою очередь поступать подобно. И так — всю жизнь. А теперь прощайте...

— До свидания, Учитель,— ответили юноша и девушка. В темноте они отчетливо представляли себе его лицо: морщинки под добрыми голубыми глазами, две глубокие складки в уголках губ и высокий чистый лоб. Ветер шевелил длинные седые волосы, падавшие на воротник суконного сюртука.

Еще раз махнув прощально рукой, Учитель поглубже натянул шляпу с широкими измятыми полями и стал спускаться с тропинки, которая вела в город.

Юноша и девушка потуже завязали шнурки под воротниками плащей, накинули капюшоны и двинулись в путь.

У юноши было очень распространенное во всем мире имя. Правда, в разных странах его произносили по-разному: Петр, Питер, Петер, Пьетро. Имя же девушки вообще звучало одинаково у многих народов земли — Мария. Но в Школе друзья дали юноше свое прозвище: Метеор. Он заслужил его за быстроту и ловкость, когда работал под куполом цирка. И мы тоже впредь будем звать наших героев так же.

Было им по семнадцать лет. Оба родились и выросли в городе, где мостовые покрыты ровно подогнанными звонкими булыжниками. Здесь и по сей день по улицам проносятся легкие коляски, в которые запряжены лошади. И чтобы увидеть этих красивых животных, еще не надо ходить в зоопарк.

Метеор и Мария были близнецами. Родители их погибли во время наводнения, когда море прорвало дамбу и высокие волны ринулись в город по руслу реки. Вырастил и воспитал их Учитель. У него была самая знаменитая в городе и во всем крае Школа Высоты и Риска. Ежегодно два человека оканчивали ее. Но никто из выпускников не оставался в городе или в его окрестностях. Все уходили в иные, далекие места, где обязаны были демонстрировать свое высокое искусство и обучать ему других. Такова была воля Учителя. Таково было условие, на котором он принимал детей в свою Школу. Метеору и Марии выпало отправиться в Город Сутулых Людей, где им и предстояло начать свою самостоятельную работу. Путь лежал неблизкий и опасный. Но они твердо знали, что не нарушат клятву, данную при поступлении в Школу...

А дождь между тем становился все сильнее. Дорога, обсаженная вязами, шла вдоль незнакомых темных полей. Но Метеор и Мария не унывали. Они были молоды, ловки и сильны. Он нес за плечами мешок. Там было немного еды: хлеб, вареная говядина и сыр. Кроме того в мешке лежали их спортивные костюмы, канат, веревочная лестница и другие принадлежности бродячих артистов.

К утру они были уже далеко от родных мест. Рассвет застал их в роще, на берегу ручья. Дождь кончился. Солнце пронизывало ветви яркими лучами. На листьях дрожали дождевые капли. Поднимался туман. Стоял веселый птичий щебет.

Метеор и Мария расположились на залитой солнцем поляне, поросшей вереском и папоротником. На большом пне разложили свой нехитрый завтрак. Еду запивали водой из прозрачного тихого ручья.

— Нам далеко еще? — спросила Мария.

— Далеко.

— Но у нас не хватит еды.

— Это не страшно,— сказал Метеор.

— И денег у нас нет, чтобы купить.

— И это не страшно,— весело ответил он.— Заработаем.— И, разбежавшись, высоко подпрыгнул, сделал сальто и встал перед Марией.— Пора в путь, сестра.

Из леса дорога вывела их на широкое ровное плато. В густой траве росли ромашки, над которыми кружились бабочки. Солнце уже поднялось высоко, припекало. Прогретый воздух пах полынью и мятой. Но вскоре путь нашим героям преградил каньон. Плато обрывалось. Казалось, земля в этом месте треснула и разошлась. Широкая щель тянулась на многие километры вправо и влево. Стены

каньона были отвесны, уходили вниз метров на сто. И там, на самом дне, закипая пеной, шумела бурная река.

Метеор и Мария пошли вдоль расщелины, надеясь найти мост, но обнаружили лишь его остатки. В траве валялось несколько старых досок и длинных жердей, некогда служивших, видимо, перилами. Весь же мост рухнул в пропасть. Присев на краю обрыва и покусывая стебелек травы, Метеор стал раздумывать, как перебраться на противоположную сторону. Он понимал, что при всей их ловкости перепрыгнуть с разбега расщелину не удастся — слишком она широка. Глянул вниз, где далеко по каменистому руслу клокотала вода. И тут Мария воскликнула:

— Я придумала! Я придумала! Ты видишь тот валун? Положим на него доску. Получится что-то вроде качалки. Я стану на один край доски, а ты...

— Понял! — вскочил Метеор.— Ведь мы же в Школе делали такой номер! — но тут же осекся.— Понимаешь, какой это риск? В Школе, если ты не долетела до намеченной точки, то падала на арену. А здесь, если не долетишь хотя бы двадцать сантиметров...

— Другого выхода нет. Надо рискнуть. Я постараюсь долететь. Тебе нужно только посильнее прыгнуть на свой край доски. Ну же, Метеор! — подбадривала она брата.

И он согласился. Не без труда подволок поближе к обрыву высокий валун и положил на него доску. Мария встала на дальний ее край, вытянув вдоль тела руки. Метеор разбежался, высоко подпрыгнул и с силой обеими ногами опустился на поднятый край доски. От этого удара Марию подбросило вверх, и она полетела над пропастью.

С замершим сердцем следил он за парением сестры. «Ну, еще немножко, немножко...» — шептал Метеор и смежил веки, боясь увидеть момент приземления.

— Ура! Я здесь! — услышал он голос Марии.

Открыв глаза, Метеор увидел, что сестра сидит на корточках на противоположной стороне плато, в полуметре от расщелины.

Обрадованный, он помахал ей рукой и только сейчас подумал о том, как же он переберется к Марии. Если это ему не удастся, то они разлучены навсегда. Ведь и Мария вернуться уже не сможет.

Метеор огляделся по сторонам, и взгляд его упал на тонкую жердь. Длиной жердь была в два человеческих роста. Но этого оказалось мало, чтобы попытаться перейти по ней через пропасть. И тогда он вспомнил, как перепрыгивал высокий барьер с помощью шеста на занятиях в Школе. Жердь была, правда, не такой гибкой, как шест, но выби-

рать не приходилось. Главное, чтобы она не сломалась во время прыжка.

Метеор отошел на несколько метров назад, разбежался, оттолкнулся у самого края плато и взлетел вверх. Через считанные секунды он был рядом с Марией.

— Вот это прыжок! — радостно хлопала в ладоши Мария.

Взявшись за руки, веселые и довольные, они зашагали дальше.

Ни Метеор, ни Мария не подозревали, что все это время из-за кустов терновника за ними следил человек. На нем был камзол, высокие ботфорты и странная, как башня, шляпа. На боку в позолоченных ножнах висела шпага. Здесь же в терновнике паслась его лошадь под дорогим седлом. Заметив, как ловко молодые люди перебрались через каньон, Человек со Шпагой хитро ухмыльнулся. Недобрый блеск зажег его взгляд. Роста он был невысокого, грузен и при ходьбе припадал на одну ногу. Свистом он подозвал коня, ловко взобрался в седло и не спеша двинулся следом за юношей и девушкой. Конь его выглядел необычно — правый глаз был прикрыт кожаной нашлепкой.

Постепенно каменистое плато начало переходить в травянистую долину. Высокое полуденное солнце нещадно палило, а идти приходилось по открытой местности. Прошагав еще несколько километров, молодые люди заметили три росших при дороге клена. В их тени и решили передохнуть.

Сняв сандалии, Мария с наслаждением прошлась босая по траве. Метеор же лег навзничь, подложив под уставшие ноги походный мешок.

— Ты уверен, что мы правильно идем? — спросила Мария.

— Да,— ответил он.— Другой дороги я не видел. Вон, смотри,— и он указал вдаль. Там над дорогой вилась пыль за чьими-то шагами.

Это приближался Человек со Шпагой на своем одноглазом коне. Подъехав, спешился, вежливо поприветствовал молодых людей и, привязав коня к нижней ветке клена, снял седло.

— Далеко ли идете, юные путники? — спросил он.— И откуда?

Метеор рассказал, что идут они в Город Сутулых Людей, где им надлежит начать свою работу.

— Далеко,— покачал головой тот.— Но вам не миновать Города Темных Башен, уж я-то знаю эти края. Поэтому приглашаю вас передохнуть там. А пока давайте перекусим.—

И с этими словами он стал извлекать из переметных сум всяческую снедь: оленину, нашпигованную салом, жареных уток, копченых угрей, два круга кровяной колбасы и пышный хлеб с хрустящей корочкой, к которой присох обуглившийся капустный лист.— Угощайтесь,— сказал Человек со Шпагой.

Все трое принялись за трапезу, весело разговаривая при этом.

— Я помогу вам одолеть ваш неблизкий путь,— сказал погодя Человек со Шпагой.— Если на недельку-другую задержитесь у меня, вы сможете заработать приличную сумму и запастись хорошей едой.

— Каким образом? — спросил Метеор.

— Самым честным,— засмеялся Человек со Шпагой.— Своим трудом. Я видел, как ловко вы переправили ее,— он указал на Марию,— через пропасть. Мне нужно, чтобы вы обучили этому моих солдат. Я собираюсь завоевать Город Веселых Людей, но он сильно укреплен. Если вы научите мое войско этим акробатическим прыжкам, то я одержу победу. Я одену солдат в черное, на рукава прикажу нашить перья. Взлетая, солдаты будут похожи на черных неведомых птиц. Они одним махом станут переноситься через крепостные стены и наводить ужас.

Метеор и Мария переглянулись.

— А зачем вы хотите покорить этот город? — спросила Мария.

— Город Веселых Людей? — переспросил Человек со Шпагой.— Они слишком много веселятся.

— Что же в этом плохого? — удивилась Мария.

— Это опасно. Жители нашего города заражаются и начинают подражать им. А мы ведь Город Темных Башен. Нам не пристало веселиться. У нас можно этим заниматься лишь раз в год — в день рождения губернатора. А если всякий будет веселиться по любому поводу, то люди забудут, кто их губернатор. А это, согласитесь, невозможно.

— Не могу согласиться,— сказал Метеор.— Что же худого в том, что у людей появляется причина веселиться?

— Я должен завоевать этот нелепый город,— помрачнел Человек со Шпагой.— Иначе все вельможи, фабриканты, владельцы банков, мельниц и другие знатные горожане будут осмеяны веселящейся толпой каких-то ремесленников, землепашцев, рыбаков, бездельников-поэтов и семинаристов. Похоже, дело идет к тому,— нахмурился Человек со Шпагой.

— Тут мы вам помочь не сможем,— сказал Метеор.—

За угощение спасибо, но принять ваше предложение нам никак нельзя.

— Напрасно, юноша,— поджал губы Человек со Шпагой.

— Нас учили другому,— ответил Метеор.

— Припекает...— посмотрев на небо, сказал Человек со Шпагой.— А попить нечего. Вода у меня вышла. Дорога была долгая. Может, пойдете поищете ручей? Вы моложе, я к тому же еще и хромой,— обратился он к Метеору.

— Это можно, — сказал Метеор. — Пить действительно очень хочется. Только во что набрать воды?

— Возьмите мое кожаное ведро, оно приторочено к седлу. Идите все время по этой тропе...

Взяв ведро, походившее скорее на небольшой мешок, сделанный из толстой бычьей кожи, Метеор отправился искать ручей в той стороне, куда указал Человек со Шпагой.

Шел он долго. Тропа то терялась в траве, то вновь возникала, уводя его все дальше и дальше. Она часто петляла. И порой Метеор обнаруживал, что возвращается туда же, где только что был. Так прошел час, другой, но ручья не было. Вскоре тропа вывела его к тому месту, где оставались Мария и Человек со Шпагой, но уже с другой стороны.

Еще издали он увидел знакомые клены. Однако под ними — никого. Метеор подумал, что ошибся, но, приблизившись, убедился, что это — то самое место. Два часа назад он отдыхал тут с Марией в тени, здесь угощал их вкусной едой Человек со Шпагой. Следы их совместной трапезы были ясно видны. Более того, под одним из кленов стоял его и Марии походный мешок.

«Куда же они подевались? — растерянно подумал Метеор.— Что здесь произошло?» Он оглядел ровную долину, но нигде, до самого горизонта,— ничего, только зеленый ковер травы. Опечаленный, не зная, что и предпринять, Метеор сел под деревом, чтобы собраться с мыслями.

Так и сидел он, уронив голову на руки. Солнце пошло уже к закату. И тут Метеор услышал человеческий голос. Кто-то шел по дороге и весело пел невеселую песенку:

Все нескладно в этом мире:
Дважды два не есть четыре.
Мне беда и та — за плату,
На заплату шью заплату.
Умником слывет дурак,
Потому что он — богатый,
Потому что я — бедняк.
Но коль это не по нраву,
Тут на бога не пеняй:
Если бьют тебя по правой,
Левую не подставляй.

Вскоре к Метеору подошел человек в старом потрепанном камзоле, в избитых запылившихся сапогах. Через плечо его была переброшена палка, а на ней болталась котомка.

— Здравствуй, юноша,— сказал он, снимая палку с плеча.— Разреши присесть в тени твоих деревьев и отдохнуть?

— Пожалуйста, садитесь, отдыхайте. Деревья эти вовсе не мои, а тень вообще не может быть чьей-то,— ответил Метеор.

— Справедливо,— улыбнулся человек. Глаза его весело перебегали по одежде и лицу Метеора.— Похоже, ты не из наших мест. Слышал ли ты мою песню?

— Слышал. Забавная песня.

— Когда я у себя в кузнице бью молотком по нагретому железу или достаю из горна раскаленную подкову, я люблю сочинять песни. А пою их в дороге. Иначе дорога кажется длинной и неинтересной. Но такие песни только и можно петь в дороге, ведь в нашем городе у жандармов слишком длинные уши,— подмигнул он.

— Так вы кузнец?

Вместо ответа он показал большие сильные руки с черными трещинками на кончиках пальцев.

— Ну а ты, юноша, чем занимаешься и куда путь держишь?

— Иду я далеко, в Город Сутулых Людей. Но пока я искал воду, кто-то похитил мою сестру и путника, с которым мы познакомились.

Кузнец встал, походил под деревьями, сделал несколько шагов вдоль обочины, затем вернулся и сказал:

— А путник, с которым вы познакомились, роста был невысокого, верно?

— Верно,— удивился Метеор.

— Грузен, немного тяжелее меня? Верно?

— Верно, — еще больше удивился Метеор. — Вы что, встречали их?

— А к тому же он еще и хромой?

— Да! — вскочил Метеор.— И лошадь у него...

— Одноглазая,— закончил за него Кузнец.

— Где вы их встретили? Говорите скорее! Мне надо их догнать и освободить!

— Сядь, юноша,— сказал Кузнец.— Никого я не встречал в пути. Про все мне рассказали следы. Видишь, на самой нижней ветке кожица стерта. Это след поводьев. Значит, лошадь он привязал к самой нижней ветке клена. Потому как мал ростом. Отпечатки же его ботфорт намного глубже твоих и моих. Значит, он потяжелее нас с тобой. Но и его следы неодинаковы: один глубже, другой помельче.

Вот и выходит, что он припадает на одну ногу, хромает, значит. А лошадь его кривая на правый глаз: траву у обочины общипала только с левой стороны.

— Кто же их похитил, его и Марию? — спросил ошеломленный Метеор.

— А никто их не похищал, юноша. Здесь было только два человека: Мария твоя да хромой. Вот следы женских сандалий, а вот — тех самых ботфортов. Больше никакая обувь тут не отпечаталась. И выходит, что твою Марию умыкнул этот хромой. Я знаю в нашем городе лишь одного хромого, который ездит на одноглазом жеребце. Это наш Губернатор. Так-то...

И Метеор понял, что это так и есть. Он вспомнил, что Человек со Шпагой собирался покорить Город Веселых Людей. Обо всем этом юноша поведал Кузнецу.

— Все сходится. Чтобы заставить тебя обучать солдат взлетать с доски, как это умеете вы, акробаты, в залог он увел Марию.

— Тогда я должен идти в город! — воскликнул Метеор.— Я найду Губернатора! И клянусь, не выпью глотка воды, пока не освобожу Марию! — Он перекинул свой походный мешок за спину.

— Погоди, не горячись. Это не так просто. В город, конечно, надо идти. И Марию твою вызволить надо. Только сперва все следует обдумать,— сказал Кузнец.— Мы вместе пойдем. Поживешь у меня, авось что-нибудь придумаем.

И они отправились в путь. Кузнец нес на плече палку, на конце которой болталась котомка, и весело пел одну из своих песен:

Там, где пахарь,
Там и плуг.
Там, где спины,
Там и кнут.
Там, где деньги,
Там и плут.
Ой, ля-ля, ой, ля-ля,
Нет богатства, есть душа.
Ой, ля-ля, ой, ля-ля,
За душою — ни гроша.
Но не в этом, братцы, дело.
Важно, чтобы сердце пело,
Да была бы пара рук,
Да хороший рядом друг.

* * *

Прошла неделя, как Метеор поселился у Кузнеца. Он помогал ему в работе: подсыпал в горн угли, раздувал их мехами, бросал горячие поковки в бочку с холодной водой —

вода от этого шипела и пузырилась. Кузница была просторная, на темных от времени и копоти стенах висели на крючьях разные щипцы, молотки, цепи, тележные колеса, на которые Кузнец набивал ободья. Блестела старая, отглянцованная ударами молота наковальня. Все здесь нравилось Метеору: и этот труд, связанный с огнем и металлом, и сам веселый хозяин кузницы. Тревожила лишь судьба Марии.

По вечерам вдвоем они сидели в чистой комнате за ужином. Готовили себе сами. Кузнец с интересом слушал рассказы о городе, где родился и вырос Метеор, об Учителе и его Школе.

Соседи Кузнеца, прослышав о ловком подмастерье, приходили поглядеть на Метеора. Юноша прерывал на несколько минут работу и выходил к ним. В руках держал пяток остывших подков, затем подбрасывал их разом вверх, перехватывал одну за другой, и вновь они взлетали, догоняя друг друга. В воздухе подковы вычерчивали сложные фигуры. Казалось, они движутся без помощи его пальцев, появляясь откуда-то из-за его спины. И в заключение со звоном, как живые существа, оказывались вдруг разом нанизанными на его правую руку по самый локоть.

Все аплодировали Метеору, особенно ребятишки, а он, поклонившись, с улыбкой исчезал в кузнице. И вновь оттуда слышались сдвоенные удары молотов, а сквозь открытую дверь было видно, как рассыпаются искры и красные кусочки окалины.

За эту неделю Кузнец и Метеор узнали, что Человек со Шпагой держит взаперти в одной из башен девушку. Но в какой башне — никто не знал. В городе их было много: Губернаторская, Старшая, Узкая, Сырая, Безоконная и так далее. Некогда башни эти были зáмками враждовавших друг с другом вельмож. Ныне, окружая город, они составляли единое оборонительное кольцо.

— Я должен идти к Губернатору,— заявил однажды Метеор во время ужина.— Мое бездействие похоже на трусость.

— А он только этого и ждет,— ответил Кузнец.— Ты явишься и потребуешь освобождения Марии. И он вновь поставит тебе свое условие. Ты, конечно, откажешься. В лучшем случае он прикажет выгнать тебя из города, а Марию не отпустит. В худшем — он и тебя упрячет в какую-нибудь башню. Их у нас много.

— Что же делать?! — воскликнул юноша.

— В выигрыше всегда тот, у кого больше выдержки. Пусть хромой Губернатор поерзает в своем кресле, гадая, чего это ты не объявляешься, пусть засуетится. Несправед-

ливость всегда нетерпелива, все ей хочется побыстрей получить свою мзду. Еще чуток надо подождать, чтобы действовать наверняка.

Кузнец оказался прав, поскольку он был старше, опытнее, а значит, мудрее,— он лучше знал жизнь и людей.

Однажды во дворе раздался крик:

— Эй, Кузнец, где ты там?! Ну-ка сюда, да побыстрее.

Кузнец отложил молот и шепнул Метеору:

— Это из губернаторской канцелярии. Сиди тихо, чтобы тебя не заметили,— с этими словами Кузнец вышел.

Метеор приник к щели в дверях. Он увидел, как Кузнец подошел к высокому худому человеку в расшитом камзоле, высоких ботфортах и в шляпе в виде темной башни. Пришелец о чем-то грозно говорил с Кузнецом, а тот лишь согласно покачивал головой и щурил свои хитроватые глаза. Вскоре гость ушел.

— Ну вот, дождались,— сказал входя Кузнец, весело потирая руки.— Заказ я получил от самого Смотрителя Башен.

— Какой? — спросил Метеор.

— Отковать срочно решетку для единственного окна Губернаторской башни. Да не простую решетку. Узоры должны быть на ней: листья и лепестки роз. Я спросил посыльного, зачем им такая, а он говорит, чтобы люди не поняли, что в башне узник. Пусть, дескать, народ считает, что это Смотритель Башен делает для красоты. В старину там была такая же решетка. Вот он, вроде, и хочет восстановить все в прежнем виде. Так, мол, Губернатор приказал.

— Значит, Мария в Губернаторской Башне?— спросил Метеор.

— Выходит, что так.

— Но как туда проникнуть?

— А это мы узнаем, когда я побываю там,— подмигнул Кузнец.

— Каким образом?

— Мне ведь размеры снять надо, юноша. Решетку, да еще с узорами, на глазок не сделаешь,— весело сказал Кузнец.

Назавтра с утра он отправился в Губернаторскую Башню. У самого входа стоял часовой. Видимо, предупрежденный, он пропустил Кузнеца внутрь, но сказал при этом:

— Подымайся сразу наверх и делай там свое дело. Да не вздумай заглядывать в дверь, что в самом низу.

— Не заглядывать в дверь, что в самом низу,— повторил Кузнец.— Кто же туда будет заглядывать, если не велено?

Часовой закрыл за ним дверь и остался снаружи.

В темноте Кузнец разглядел площадку, с которой начиналась крутая как спираль лестница наверх. И еще он приметил одну-единственную дверь, выходившую на эту площадку.

«Сюда мне и запрещено,— понял он.— Значит, мне именно сюда и надо»,— он толкнул дверь и вошел.

Откуда-то сбоку шел свет. Кузнец свернул за угол и увидел небольшое помещение с каменным полом. Посредине стоял деревянный стол, в керамическом подсвечнике горела свеча. К столу была придвинута тяжелая грубая лавка. У серой заплесневелой стены стоял топчан. А на нем сидела девушка.

— Мария! — тихо позвал Кузнец, стоявший в тени.

Она вздрогнула, подняла голову, встала.

— Кто вы? — спросила Мария.

— Я друг твоего брата.

Кузнец приложил палец к губам.

— Как он? — спросила Мария тихо.

— С ним все хорошо,— шепотом ответил ей Кузнец.— Волнуется за тебя. Слушай меня внимательно. В этой башне есть единственное окно, на самой верхотуре. Мне велено сделать на него узорную решетку. Тебя потом переведут туда. Решетку я сделаю, но не глухую, а на петлях. Она будет открываться внутрь. В проеме я вобью крюк, на него ты привяжешь веревку.

— А где взять веревку?

— Она уже есть,— засмеялся Кузнец и, открыв свою холщевую рабочую сумку с инструментом, извлек со дна большой моток толстой пеньковой веревки.— Спрячь ее под матрац. Окно в башне выходит не в сторону города, а в сторону полей. Привяжешь веревку, а все остальное уже дело твоей ловкости. Ты этому обучена получше меня. Завтра в полночь мы будем ждать тебя во рву под башней. А теперь я пошел.

— Спасибо,— сказала Мария.— Передайте Метеору, что я все сделаю, как нужно, пусть не беспокоится.

— Ну и славно,— сказал Кузнец.— До скорой встречи,— и вышел.

Когда Кузнец, сняв размеры окна, вернулся домой, он рассказал все Метеору и заметил:

— Теперь дело за нами. Будем работать день и ночь, чтобы к утру поспеть. Раздувай горн!

И они приступили к работе. Метеор помогал Кузнецу всем чем мог: выхватывал щипцами из огня металл, разогревал заклепки, обрубывал заусеницы. Работали споро, толь-

ко и успевали, что утереть рукавом пот да хлебнуть воды из глиняного кувшина.

К утру следующего дня решетка была готова.

Метеор любовался ее узорами — гибкими веточками, на которых росли розы, окруженные листьями, и думал о том, как прекрасно металл и огонь подчинились воле и вкусу Кузнеца. Можно было бы только радоваться ее появлению на свет, если бы не зло, для которого она предназначена...

Умывшись и позавтракав, Кузнец завернул изящную решетку в рогожу и отправился в башню. Его не было очень долго, и Метеор начал волноваться. Вернулся Кузнец уже в сумерки.

— Случилось что-нибудь? — бросился к нему Метеор.— Почему так долго?

— Ты что думаешь, решетку поставить — раз чихнуть? Не так-то просто, юноша, ни в чем не люблю халтуры... А потом я должен был убедиться, что сестренку твою действительно переведут наверх.

— Перевели?

— Да... Теперь нам можно и отдохнуть...

Около полуночи они встали, освежили лица водой и двинулись в путь. К башне шли не через город, а пробирались огородами, полями.

На фоне лунного ночного неба Губернаторская Башня была хорошо видна. Вот и ров. Перед ним высокая крепостная стена из каменных глыб. А за ней — башня. У стены росли кусты бузины. Продравшись сквозь них, Кузнец и Метеор присели под стеной.

Ровно в полночь на Магистратской Башне пробили часы. Метеор глянул вверх — там, на огромной высоте, освещенный лунным сиянием, виднелся квадратик окна. Через какое-то время из него помахали чем-то белым, словно подавали сигнал, затем над головами Метеора и Кузнеца что-то прошуршало, и к их ногам упала веревка. Метеор взял ее за конец, отошел на десяток шагов, натянул и подергал — давал знак Марии, что они на месте.

Веревка дрогнула, и Метеор увидел, как, обхватив ее ногами, Мария заскользила вниз.

Мягко опустившись на траву, она бросилась к брату, обняла его, а потом поцеловала в щеку смутившегося Кузнеца.

— Надо быстрее уходить отсюда, пока темно,— прошептал Метеор.

—Э-э, нет,— сказал Кузнец.— Не худо бы еще замести следы,— он намотал веревку кольцами через локоть и весь моток швырнул через стену.— Пусть думают, что ты

спустилась по ту сторону,— подмигнул он Марии.— Там и искать будут. А теперь пошли.

Полевая дорога вывела их в лес. На серебристой от лунного света поляне они расположились передохнуть. Перекусили холодной говядиной, хлебом и редькой, густо присыпанной солью.

— Это вам на дорогу,— сказал Кузнец, подавая Метеору сверток с запасом еды.— А мне пора обратно. К рассвету надо быть дома. Да незамеченным.

— Большое спасибо за все! — воскликнули Метеор и Мария.— Добрый вы человек.

— Мне отец говорил: «Торопись на доброе дело, а худое само поспеет»,— засмеялся Кузнец.— Счастливого пути, молодые люди. Что бы такое подарить вам на память?

— А мы и так взяли, без спросу,— улыбнулся Метеор.

— Что? — удивился Кузнец.

— Вашу веселую песенку...

Выйдя с поляны на дорогу, они разошлись в разные стороны: Кузнец — к городу, а Метеор и Мария — своим путем.

* * *

В Город Сутулых Людей они пришли на рассвете. Солнце едва поднялось над горизонтом. Первое, что бросилось в глаза Марии и Метеору,— это одинаковой высоты дома: все одноэтажные. Маленькие оконца прикрыты жалюзи. За оградами росли низкие акации, на листьях их лежал слой дорожной пыли.

На длинной и скучной улице не встретили ни души. Так добрались до квадратной городской площади. Торчали плохо уложенные булыжники, о которые то и дело можно было споткнуться. Тут же находилась коновязь. Лошади, выпряженные из телег и фургонов, лениво жевали мягкими губами сено, брошенное под ноги, или лакомились овсом из мешков, подвязанных к мордам. По сторонам площади стояли домишки с вывесками. Это были магазинчики и лавчонки. Они и образовывали торговую часть города. Домишко с покосившейся и выгоревшей вывеской «Трактир и Гостиница «Тихий колокольчик» лепился в самом углу площади.

Метеор слегка толкнул дверь. Слабо звякнул колокольчик. Вошли, огляделись. В низеньком зале с плохо побеленными стенами и с трещинами на потолке стояло несколько грубо сколоченных столов, к ним были приставлены тяжелые табуреты,— и ни единого посетителя.

Из боковой двери, прикрытой занавеской, вышел пожилой сутулый человек в несвежем переднике. Голова его бы-

ла опущена. Он как бы смотрел на свои коричневые штиблеты с белесыми пятнами — следами изношенности.

— Что угодно гостям?

— Нам бы чего-нибудь поесть. Еще мы хотим снять у вас недорогое жилье,— сказал Метеор.

— Вчерашняя похлебка с бобами и бараниной,— предложил хозяин, не подымая головы.— Насчет жилья — тоже возможно: угловая комната свободна. Только задаток беру на десять дней вперед.

Метеор согласился, хотя понимал, что при этих условиях у них почти не останется денег. Но он и Мария надеялись, что, начав работать в этом городе, на пропитание заработают.

Позавтракав похлебкой и запив ее терпким напитком из шиповника, они поблагодарили и расплатились. Хозяин, сгорбившись, повел их темным и узким коридорчиком, и вскоре они подошли к какой-то двери.

— Это ваша комната,— сказал он и удалился.

Комната была скорее чуланом. У стен стояли две широкие лавки, прикрытые домоткаными одеялами, посредине — стол с плохо подогнанными суковатыми столешницами. У стола — два табурета. У двери висел рукомойник из позеленевшей меди, под ним таз из оцинкованного железа. Подслеповатое окошко выходило на небольшой захламленный двор.

— Прекрасная комната! — искренне воскликнула Мария.— У нас с тобой есть крыша над головой — это главное. Все остальное ерунда!

— Конечно, для начала совсем неплохо,— согласился Метеор.— Все остальное будет зависеть от нас. Да и что нам нужно?! — Он был рад, что Марию не обескуражила убогость их жилья.

После полудня, узнав у хозяина, где находится магистрат, они отправились туда. Надо было получить разрешение на выступления. Но прежде всего следовало отыскать подходящее помещение.

По дороге им попадалось уже много прохожих. Но странное дело — все они были сутулы и, как хозяин трактира, смотрели себе под ноги.

— У нас так ходят только те, кто наказан за дурные поступки,— заметила Мария.— А тут все такие. В чем дело?

— Узна́ем,— ответил Метеор.

Здание магистрата было очень длинным, но тоже одноэтажным. Мария и Метеор долго шли по коридору, наконец увидели дверь с табличкой «Разрешения и справки».

За широким письменным столом сидел сутулый человек

в очках и ножичком затачивал цветные карандаши. Сколько их, пятьсот штук или, может, вся тысяча,— сосчитать было трудно. Он едва выглядывал из-за этой разноцветной баррикады. Гора стружек тоже лежала перед ним.

— Я слушаю вас, молодые люди,— человек в очках отложил ножичек. Голову, однако, не поднял.

— Мы пришли из далеких мест,— сказал Метеор.— И хотим работать в вашем городе. Мы акробаты, жонглеры, гимнасты. Вы дадите нам разрешение?

— Разрешение я вам дам. Но из этой затеи у вас все равно ничего не получится.

— Почему? — спросила Мария, присаживаясь на краешек стула, чтобы как-то увидеть лицо человека в очках.

— Прежде всего потому, что у нас в городе все здания одноэтажные. А как я понимаю, вам необходимо помещение высокое. Кроме того, на ваши представления никто из горожан не пойдет. Они не привыкли поднимать головы и распрямлять спины. Да и едва ли возникнет интерес у них к вашему, как вы его называете, искусству.

— А разве в вашем городе нет театра и не бывает веселых ярмарок с шапито? — спросил удивленный Метеор.

— Нет. И не бывает,— ответил человек в очках.

— Почему? — поинтересовалась Мария.

— Потому что мы — Город Сутулых Людей. И никто не умеет и не станет задирать голову.

— Но почему все-таки? — не выдержал Метеор.

— Все по одной причине,— ответил человек в очках.— И ее вы узнаете в свое время.

— От кого?

— От меня же. А разрешение я вам дам,— с этими словами он подписал какую-то бумажку и не глядя протянул Метеору.

— Зачем же она нам, если выступать негде? — упавшим голосом спросил Метеор.

— Это всего лишь бумажка,— пожал сутулыми плечами человек в очках.— Она вам разрешает то, чего вы все равно осуществить не сможете. Почему же мне не дать ее?.. А пока прощайте. У меня много работы. Тут на несколько лет хватит,— и он кивнул на гору еще не заточенных карандашей...

Опечаленные, Мария и Метеор вышли из магистрата.

— Что будем делать? — спросила Мария.

— Не знаю, право,— сказал Метеор.

Так в раздумье они добрели до окраины, за которой начинался глухой пустырь, а за ним — поля.

В высокой траве валялись старые кирпичи. Из земли

торчали остатки фундамента каких-то строений. Полевые ромашки росли меж проржавевшей арматуры. Все вокруг говорило о том, что сюда давно никто не заглядывал.

— Смотри! Смотри! — вдруг воскликнула Мария.

Метеор глянул по направлению ее руки. Там, вдалеке, на холме, возвышалось цилиндрическое здание без крыши и без окон.

Сквозь сводчатые ворота Мария и Метеор вошли внутрь и очутились в огромной, как стадион, чаше. Она была замкнута сплошной круглой стеной, показавшейся им издали зданием. Сверху вниз к выложенному большими плитами кругу ярусами спускались скамейки. Всюду царило запустение, стены кое-где обвалились, штукатурка осыпалась, меж выбитых кирпичей пророс бурьян, в расщелинах выщербленных плит торчал папоротник. И над всем висел огромный круг голубого неба. Видимо, когда-то давно это был цирк или место, где давались театральные представления.

— Это то, что нам нужно,— прошептал Метеор.

— Но как все это восстановить, расчистить?! Разве мы вдвоем осилим? Нам целой жизни не хватит! — сокрушалась Мария.

— Мы должны это осилить,— твердо сказал Метеор.— Идем в город.

Всю дорогу Метеор молчал, и Мария поняла, что он что-то обдумывает, но спрашивать не стала. Миновали городскую площадь и трактир «Тихий колокольчик», прошли мимо станции, где останавливались почтовые кареты с рожком, намалеванным на дверцах, затем по каким-то переулкам подошли к мосту через реку. За ней снова начинался город. Они долго ходили по улицам и переулкам. Наконец остановились возле одноэтажного, с довольно высокими окнами дома, который располагался за узорной железной оградой. Металлическая калитка была распахнута. На фасаде дома висела большая табличка з надписью «Учебное заведение».

— Подождем немного,— предложил Метеор.

— Кого? — удивилась Мария.

— Тех, кто здесь учится.

— Хорошо, подождем,— покорно согласилась Мария, видя, что расспрашивать дальше не имеет смысла.

Через какое-то время зазвонил медный колокольчик, послышалось шарканье множества ног. Вскоре распахнулась дверь, с ранцами на спине стали выходить дети. Они были разных возрастов — малыши и старшеклассники, но странное дело — никто из них не спешил, не было ни одного бегущего. Спины были сутулы, а глаза устремлены в пол.

Правда, все это не так было заметно, как у взрослых жителей этого города, но все же...

— Странные дети,— сказала Мария. Она сказала «дети», хотя среди старшеклассников были и их ровесники.

Группа таких ребят и девушек стояла в стороне. Они о чем-то негромко и вяло разговаривали, вовсе не интересуясь двумя незнакомцами, которые с любопытством смотрели на них. И тогда Метеор подошел к ним.

— Здравствуйте,— сказал он.

Ему негромко ответили и стали разглядывать, будто только сейчас заметили.

— Вы не здешний? — спросил один юноша.— И эта девушка тоже? — кивнул на Марию.

— Да, мы впервые в вашем городе,— ответил Метеор.— Пришли сегодня на рассвете. А как вы догадались?

— Очень просто,— сказал юноша, с трудом поднимая голову.— У вас слишком ровная спина, и смотрите вы прямо перед собой или же вверх. В нашем городе такие люди всегда пришлые.

— А почему у вас все сутулые и смотрят только под ноги? — спросил Метеор.

— Не знаем. Так повелось давно, еще со времени наших дедов и прадедов. А голову поднимать ни к чему, смотреть-то не на что,— ответил юноша.

— Ну, а живете-то вы как? — спросила Мария.

— Один человек, побывавший в нашем городе, сказал, что живем мы скучно.

— Почему же так? — спросил Метеор.

— А нас никто не хочет веселить. И никто не знает, чем нам заняться.

— Разве кто-то должен это делать и знать, а не вы сами? — пожал плечами Метеор.

— А чем вы занимаетесь? — спросил юноша.

— Мы окончили Школу Высоты и Риска. В общем, мы акробаты, гимнасты, канатоходцы и жонглеры.

— Это, наверное, забавно? — спросил юноша.

— Конечно! — улыбнулась Мария.— Знаете, как люди любят веселиться, гляда на нас! Играет музыка, праздничное настроение, в цирке гул голосов. И все ахают, глазеют вверх, задрав головы. А мы высоко-высоко. Летаем там, аж дух захватывает. Чувствуешь силу, свое тело, ловкость!

— Наверное, хорошо вам. А нам вот никто не может ничего придумать,— сказал юноша.

— Няньку, что ли, ждете? Сами должны, сами,— засмеялся Метеор.— Ну, ладно. Для начала у меня есть одна

идея.. На окраине вашего города стоит полуразрушенное здание старого цирка. Знаете?

— Нет,— ответил юноша и оглянулся на своих друзей. Те тоже отрицательно покачали головами.

— Вы что, ни разу там не были? — удивилась Мария.

— Никогда. А что там делать?

— Ну и ну! — воскликнул Метеор.— Ладно! Мы хотим восстановить это здание и начнем давать там представления. А со временем откроем Школу Высоты и Риска. Наберем в нее смелых ребят и девушек, обучим их, и они тоже будут принимать участие в наших спектаклях. Но сперва надо отремонтировать арену, скамьи. В общем, навести там порядок.

— Можно попробовать,— сказал юноша.— Но непонятно — зачем? Зачем вам на огромной высоте ходить по канату, раскачиваться вниз головой, совершать всякие головокружительные прыжки? Ведь можно, сидя на земле, просто рассказывать людям, как все это происходит. И пусть люди все это видят в своем воображении. Вы только рассказывайте покрасивей.

Мария и Метеор расхохотались.

— Вы мороженое любите? — спросил Метеор у юноши.

— Люблю.

— Если бы вам всегда рассказывали, какое оно вкусное, но ни разу не дали попробовать, вас бы это устроило?

— Пожалуй, нет,— ответил юноша.

— Так как насчет моего предложения? Есть добровольцы? — спросил Метеор.

— Есть! — сказал юноша.

— Есть! — кивнула рыженькая девушка.

— Есть! — отозвалось еще несколько ребят.

Желающих помочь Метеору и Марии оказалось много. Может быть, скорее из любопытства: дескать, а что из этого получится? Но и такой поворот дела устраивал наших юных артистов.

— Надо бы развесить по городу объявления. А вдруг еще найдутся охотники поработать вместе с нами. Чем больше, тем быстрее мы справимся,— сказал Метеор.

— Хорошо. Объявления мы развесим.

— Значит, завтра после полудня встречаемся за городом,— сказал Метеор.— До свидания.

И они расстались.

К вечеру на заборах и стенах домов запестрели объявления. Они приглашали школьников старшего возраста принять участие в восстановительных работах. Никто не понимал, что это и зачем, но на следующий день к назначенному

времени у здания старого цирка собралось много народу. Одни пришли из любопытства, просто поглазеть. Другие, как и указывалось в объявлениях,— с кирками, ломами, лопатами и носилками.

Метеор был доволен. Радовалась и Мария. Выстроив всех, кто пришел с инструментом, Метеор объяснил суть своей затеи. К работе он допустил только тех, кому уже исполнилось четырнадцать лет. Все были разбиты на две бригады. Одну возглавил сам Метеор, другую — Мария. Из взрослых сюда явился лишь человек в очках, строгающий карандаши. Метеор мысленно так и прозвал его: Строгающий Карандаши. Он не вмешивался ни во что. Молча стоял и наблюдал какое-то время, затем так же молча исчез.

Работы начали с расчистки арены и амфитеатра, где располагались скамейки для зрителей. Но шло все как-то через пень-колоду, вяло и бестолково. Сутулость и неумение поднять голову мешали мальчишкам и девчонкам работать. Метеору и Марии приходилось налегать за троих.

Первые дни почти не дали результатов.

Потом несколько человек в обеих бригадах вообще не явилось.

Метеор и Мария побаивались, что с каждым днем таких спасовавших будет все больше и больше. Возвращаясь по вечерам в свою комнатку при трактире «Тихий колокольчик», они подсчитывали, что сделано,— итог получался невеселым. Уж очень медленно продвигались они к цели. И все же с наступлением нового дня отправлялись на стройку, исполненные надежды.

Через три недели появился первый успех: была приведена в порядок арена. Ребята и девчонки научились работать сноровистей. Дезертиров в бригадах больше не было, зато каждый день стали появляться новички-добровольцы: по городу уже прошел слух обо всем, что происходит тут. Пришлось даже создавать еще одну бригаду. Возглавил ее тот самый юноша, который был их первым знакомым. Метеор и Мария так и называли его между собой — Первый Знакомый.

Миновало еще какое-то время. Однажды поздно вечером Метеор, посмотрев по сторонам, воскликнул:

— Все! Конец! — и швырнул лопату: работа была завершена.

Вслед за ним все огляделись и поняли, что дело сделано. А Первый Знакомый, может впервые в жизни, поднял голову. Высоко над ним висело круглое небо. Было оно усеяно яркими звездами. Они заглядывали вниз, как в глубокий колодец. Там, на дне его, стояли ребята и девчонки, очень

уставшие, но довольные и счастливые: самим даже не верилось, что все здесь преображено их руками, их трудом.

И тут Метеор запел веселую песенку, которую слышал от Кузнеца из Города Темных Башен:

Нет богатства, есть душа.
Ой, ля-ля, ой, ля-ля!
За душою ни гроша.
Но не в этом, братцы, дело.
Важно, чтобы сердце пело,
Да была бы пара рук,
Да хороший рядом друг.

Песенку подхватили, с нею возвращались домой по вечернему городу. И люди, заслышав песню, высовывались из окон: что за диво в их городе?

Вскоре начали монтаж оборудования. Поскольку купола не было, решили, что им станет звездное небо. На самом верху стены, по ее внутреннему кругу, вбили крючья. На них по диаметру натянули несколько тросов, к которым прикрепили канаты и веревочные лестницы, трапеции и качели, установили множество светильников — огромные факелы. Они напоминали чаши и были наполнены специальным некоптящим маслом. Его в городе продавал в лавке заезжий купец. Деньги на это масло собрали, пустив шапку по кругу.

День премьеры был назначен на последнее воскресенье месяца. За два дня до открытия Цирка в городе уже висели многокрасочные афиши, изготовленные девушкой по имени Светлячок. Ее-то вообще звали Анна. Но она была рыженькая, с лучистыми карими глазами. Поэтому все называли ее не иначе как Светлячок. Она хорошо рисовала. Афиши изображали всякие невероятные цирковые номера. Девушка взялась и за художественное оформление здания. Единогласно приняли решение, что первое представление будет бесплатным. Пригласительные билеты распространяли те, кто участвовал в восстановлении Цирка. Вручили пригласительный и Строгающему Карандаши.

И вот наступило воскресенье, день премьеры. Выдался теплый звездный вечер. Стрекотали цикады. С полей ветер доносил запах перестоявшихся трав. Гирлянды полевых цветов украшали арену Цирка. Яркое пламя в чашах-светильниках освещало разноцветные бумажные фонарики. Оркестр — гармоника, три скрипки, барабан, труба и контрабас — играл веселые песенки. Оркестранты-школьники без особого труда разучили мелодии, которые напел им Метеор. Было торжественно, празднично и таинственно.

Кулисы — два красных бархатных полотнища — подраги-

вали от слабого ветерка. За ними стояли готовые к выходу взволнованные Метеор и Мария. От их первого представления зависело многое. Метеор и Мария облачились в свои лучшие костюмы. Он надел черную блузу с широкими рукавами, заправленную в черные узкие спортивные брюки, она — легкую белую блузу без рукавов и тонкую розовую пачку, напоминающую пачку балерины.

Стоя за кулисами, они ждали удара гонга. Ровно в девять часов это должен был сделать Первый Знакомый. И тогда они выбегут на арену, поклонятся публике, и под аплодисменты и музыку начнется представление.

В девять часов, однако, удара гонга не последовало. Не прозвучал он и через пятнадцать минут, и спустя полчаса. За кулисы вбежал взволнованный Первый Знакомый.

— Плохо дело. Полно свободных мест. Нет и трети зрителей,— он говорил так, будто повинен в том, что горожане не пришли на открытие Цирка.— Может, подождем еще минут пятнадцать?

— Нет,— решительно сказал Метеор.— Будем начинать для тех, кто явился. Они не виноваты, что другие не пришли. А мы и так уже запоздали с началом.

Через минуту раздался удар гонга.

Подпрыгивая и улыбаясь, из-за кулис выбежали Мария и Метеор. Они успели увидеть, что Цирк почти пуст. Но продолжали улыбаться для тех немногих, кто сидел на скамьях. Даже для Строгающего Карандаши, который сутуло, с низко опущенной головой скучающе устроился в первом ряду.

Заиграла музыка. Спектакль начался.

Сперва последовал каскад высоких прыжков и сальто, затем по двум свисающим канатам, ловко перебирая руками, они поднялись на трапеции. Высота была головокружительной. Повиснув вниз головой, Мария и Метеор неслись друг другу навстречу. Мария отпускала перекладину, стремительно падала вниз, но Метеор перехватывал ее за руки, и вдвоем они раскачивались, как огромный маятник. И снова, сделав сальто, Мария летела к своей колыхающейся трапеции, повисала вниз головой на перекладине. Потом по натянутой проволоке они шли друг другу навстречу, жонглируя горящими факелами. Фигурки их были невероятно высоко. Казалось, подброшенный ими факел может зацепиться за звезды на черном кругу неба.

Выступали они вдохновенно и, может, чуточку зло. Было обидно, что там, далеко внизу, на каменных скамьях, почти нет зрителей. А те, что пришли, с трудом поднимали головы. В этот вечер брат и сестра показали многое из того, че-

му обучились в Школе Высоты и Риска. Когда же по канатам спустились на арену, всего лишь несколько человек вяло захлопали в ладоши...

Представление окончилось. Гасли светильники. За кулисы утешить Марию и Метеора пришли их друзья, восстанавливавшие вместе с ними здание Цирка. Первый Знакомый и Светлячок видели, как огорчены Мария и Метеор. Мария готова была от обиды даже расплакаться. Но Метеор положил ей руку на плечо и постарался улыбнуться.

— Прекрасно! Восхитительно! — сияя глазами, воскликнула Светлячок.

— Не ожидал, что все это может быть так прекрасно. Ведь на такой высоте! — сказал Первый Знакомый.

Восхищались и остальные. Это было искреннее восхищение смелостью и искусством.

— Вы не унывайте,— сказал Первый Знакомый.— Увидите, что скоро свободных мест тут не останется. Народ повалит. Иначе не может быть.

— Спасибо, друзья,— ответил Метеор.— Я тоже верю в это...

Домой Мария и Метеор возвращались вдвоем. Уставшие, молча шли по тропинке, пробитой меж высоких трав. Было тихо. Взошла луна. Ее платиновый свет мягко ложился под ноги. Все еще трещали цикады и пахло ночными цветами, буйно росшими на лугах.

— Полный провал,— сказала Мария.— Что будем делать? В следующий раз вообще никто может не прийти. Не бросить ли нам все это? Разве их заставишь, если не хотят?

— Нет, Мария,— ответил Метеор.— Мы будем продолжать работать. Если отступим, все окажется бессмысленным: и годы нашей учебы, и все наше умение, и риск. Ведь каждую минуту мы рискуем сорваться с этой сумасшедшей высоты и разбиться. И все-таки лезем с тобой на самый верх, выступаем без понуждения, с охотой, потому что это же удовольствие для других. Я готов продолжать так каждый день, если будет прибавляться хотя бы по одному зрителю.

— Я тоже, но все-таки...— тихо сказала Мария и подняла голову, чтобы почувствовать горячим лбом прикосновение мягкого ночного ветра, дувшего с полей.

Когда подошли к трактиру, заметили у двери темную фигуру. Это был Строгающий Карандаши.

— Добрый вечер,— поприветствовал он их.— Я ждал вас. Как видите, я оказался прав. Ваша затея не удалась. Никто не пришел смотреть ваши кувыркания. Жители

нашего города никогда не поймут, зачем это, и не станут ходить. У нас головы вверх не задираются. Усилия ваши напрасны, потому что это никому не интересно. И не нужно.

— А что же им интересно? — тихо спросил Метеор.

— Просто́ жить,— ответил Строгающий Карандаши.

— Зачем? — спросил Метеор.

— Чтобы принимать пищу,— ответил Строгающий Карандаши.— Им ведь нужно много трудиться, нужны силы, чтобы заработать себе на питание.

— А питание нужно, чтобы работать. Так, что ли? Где же тут начало, а где конец? — спросил Метеор.— Не кажется ли вам, что так жить бессмысленно? В чем же радость их жизни?

— В том, что они живут.

— Этого мало,— покачал головой Метеор.

— Как видите, им достаточно. Большее их не интересует. Даже ваши кувыркания... Прощайте.— И с этими словами Строгающий Карандаши ушел.

— Похоже, все это прозвучало, как угроза,— сказала Мария, глядя, как удаляется сутулая фигура Строгающего Карандаши.

— Но мы ведь ничего плохого не сделали,— сказал Метеор.— Ладно... Идем отдыхать. И надо написать письмо Учителю.

Они вошли в трактир. Тихо звякнул колокольчик...

На следующий день повторилось то же самое — почти все скамейки в Цирке пустовали. И все же Метеор и Мария выступление не отменили. Ровно в девять Первый Знакомый ударил в гонг.

Так продолжалось две недели. И все это время они выступали перед горсткой людей. Но это уже не смущало ни Марию, ни Метеора. Они привыкли и были благодарны тем немногим, кто приходил. Ведь приходили люди, которым действительно было интересно. Потому все номера Мария и Метеор исполняли с таким вдохновением, будто при этом присутствовали тысячи зрителей...

Однажды за кулисы вбежали Первый Знакомый и Светлячок. Они были возбуждены, глаза их весело сияли.

— У нас радость! У нас радость! — закричали они.— Сегодня продано билетов на десять штук больше.

Это было приятное известие. Если, конечно, такое произошло не случайно. Но выяснится все лишь в последующие дни, подумали Метеор и Мария.

Билеты на спектакли продавались по очень низкой цене, чтобы они были доступны всем. Один билет в первых рядах стоил столько, сколько стоила свеча, которую горожане по-

купали для канделябров. А места в задних рядах стоили и того дешевле.

Из вырученных денег Мария и Метеор брали себе самую малую часть, столько, чтобы уплатить хозяину трактира за жилье и питание. Остальные деньги откладывали на будущее, если удастся открыть Школу Высоты и Риска. Ведь тогда придется покупать костюмы и уйму других вещей: скакалки, канаты, гимнастические стенки, маты, подвесные страховые сетки...

С каждым днем число зрителей росло. Метеор и Мария уже узнавали многих, кто приходил по второму и третьему разу.

В небольшом Городе Сутулых Людей жизнь была скучной и однообразной. Слух о невероятных трюках двух молодых людей, летающих под самыми звездами, переходил от соседа к соседу. Даже самые закоренелые домоседы, самые равнодушные и ни во что не верящие наконец не выдержали. Каждому захотелось хоть одним глазом увидеть, так ли зрелище, которое эти двое юных пришельцев называли незнакомым словом «искусство», интересно в действительности, или это россказни. И стоит ли тащиться за город в какой-то Цирк, разгибать спину и задирать голову.

В антрактах Метеор подглядывал за зрителями в дырочку, сделанную в красной кулисе, и с удовлетворением отмечал, что лица зрителей, освещенные качающимся пламенем факелов, веселы и довольны. А главное, что горожане почти свободно уже разгибали спины, подымали головы кверху, разглядывая трапеции и канаты, цветные фонарики и звездное небо.

Наконец наступил день, когда были проданы все билеты. Цирк был полон. Радость всколыхнула Марию и Метеора. В этот вечер они превзошли себя: на головокружительной высоте проделывали невероятные трюки, показывали каскад сложнейших и рискованнейших номеров. То и дело слышались охи и ахи зрителей. С замирающим сердцем они следили за всем, что происходило под звездным небом. Все это было похоже на сказку.

Аншлаги следовали один за другим. У кассы выстраивались очереди. Тропинка из города к Цирку уже превратилась в дорогу, и ее знал почти каждый горожанин. Встречаясь с Метеором и Марией на улицах, люди любезно приветствовали их, смотрели им прямо в глаза. Вскоре на спектакли стали приезжать даже крестьяне из окрестных хуторов и деревень. Повозки с лошадьми стояли чуть в стороне, на широком лугу, пока их владельцы развлекались в Цирке.

Настал час, когда Метеор сказал Первому Знакомому:

— Пора создавать Школу Высоты и Риска. Как думаешь, наберем учеников?

— Еще бы! — ответил Первый Знакомый.— Записывай меня первого.

— И меня, конечно,— подбежала Светлячок.

— А ты ведь почти такого же роста, как я, оказывается,— вдруг заметил Метеор, оглядывая Первого Знакомого.

— Почему бы нет! — воскликнул тот.

— Ну-ка, опусти голову и ссутулься,— попросил Метеор.

— Уже не получится,— засмеялся Первый Знакомый.

Желающих обучаться в Школе оказалось больше, нежели требовалось. Поэтому Метеор и Мария оставили только тех, кто был самым упорным, самым крепким, самым гибким, самым выносливым.

— Друзья! — сказал Метеор на торжественном обете приема в Школу, и громкий голос его облетел Цирк.— Мария и я научим вас всему, что умеем сами и чему научил нас Учитель. Мы ни с кого не будем брать за это денег, но платить вы обязаны всю жизнь: часть из вас останется здесь, чтобы доставлять людям радость, кто-то должен будет отправиться в незнакомые места. И там — также бесплатно и бескорыстно — обучать своих учеников тому, что переймете от нас...

В голосе Метеора Мария улавливала волнение, а в словах узнавала слова Учителя.

— Готовы ли вы принять такие условия и поклясться, что выполните их? — крикнул Метеор.

— Готовы! Клянемся! — раздалось в ответ, и эхо его взлетело к небу и понеслось по окрестным полям и лугам...

Занятия начали с обыкновенной разминки, физзарядки, но с каждым днем упражнения усложнялись. Работали со скакалкой, у гимнастической стенки, на бревне, учились балансировать. И часто можно было слышать указания Марии или Метеора:

— Головы выше! Осанка, осанка нужна!.. Следите за осанкой... Разверните плечи! Вот так! Надо дать легким свободно дышать. Светлячок, у тебя же красивая шея, держи ее ровней, выше. Вот, правильно!.. На гимнастической стенке ноги должны находиться под углом к торсу. Носки вытянуть. Еще, еще...

Так прошел год. С каждой неделей ученики Метеора и Марии делали все большие успехи. И к следующей весне была подготовлена программа в двух отделениях. Метеор и Мария, взволнованные, сидели в первом ряду среди зрите-

лей, а на арене выступали их ученики: сильные, ловкие, стройные юноши и девушки в ярких разноцветных костюмах. Этот вечер самостоятельного выступления был, по сути, экзаменом для всех.

Спектакль начался засветло, едва ушло солнце. Небо было чистым, голубым, с золотисто-бирюзовым отливом у горизонта.

Восхищенные горожане, задрав головы, следили за всем, что происходит на арене. Они были горды, что это их земляки так смело и красиво раскачиваются на трапециях, перелетают от одной к другой, ходят по канату, катятся по арене внутри металлического обруча. И когда спектакль окончился, зрители аплодировали стоя.

После выступления юные артисты, переодевшись, отдыхали, и Первый Знакомый сказал:

— Все мы благодарны вам, Мария и Метеор, что научили нас любить Высоту и не бояться Риска. А наши горожане, благодаря вашему искусству, перестали быть сутулыми и научились смотреть вверх. Высота в искусстве — великое дело. Оттуда,— он протянул руку к звездам,— открывается даль и вся красота Земли, о которой мы прежде и не подозревали. Прекрасные леса, зеленые поля и луга, серебристые реки и озера. Человек не может жить, видя только то, что у него под ногами. С помощью высокого искусства он познает красоту, искусство воспитывает в людях доброту и уважение друг к другу. Еще раз спасибо...

Может, речь Первого Знакомого звучала излишне торжественно, но слова его были искренни и — что важнее всего — соответствовали истине.

Обо всем этом Метеор написал Учителю. В ответном письме тот похвалил своих воспитанников. Судя по всему, писал Учитель, задача Марии и Метеора в Городе Сутулых Людей выполнена. Первый Знакомый — юноша, видимо, надежный. Мария и Метеор могут оставить его вместо себя в Цирке. Сами же должны вернуться домой и принять руководство Школой, потому что старость и болезни уже не позволяют Учителю работать.

О письме Учителя они рассказали Первому Знакомому и всем остальным. С грустью те согласились, что Мария и Метеор должны вернуться на родину. Брат и сестра уже начали собираться в дорогу, когда произошло событие, которое трудно было предусмотреть.

Однажды поздним вечером Метеор сидел в своей каморке и ждал сестру. Мария ушла в трактир за ужином. Задумавшись, Метеор смотрел на невысокое пламя свечи и прихлебывал из стакана настойку шиповника. Он любил

наблюдать за огнем, в особенности когда горел костер. Но и в маленьком язычке этого пламени, державшемся на тонком черном стебельке фитиля, тоже была своя прелесть. Пахло душистым воском. И хорошо мечталось. А в мечтах Метеор уже видел обратную дорогу домой и веселые улицы своего родного города.

Вернулась Мария. На старом деревянном подносе она принесла глиняные миски с тушеной телятиной, несколько ломтей хрустящего крестьянского хлеба и миску с салатом, приправленным уксусом.

Едва они закончили ужин, как в дверь постучали.

— Войдите,— сказала Мария.

На пороге стоял маленький сутулый человечек с болезненным серым лицом — Строгающий Карандаши. Марии и Метеору странно уже было видеть сутулых людей. Почти все горожане за последнее время выпрямились, ходили с поднятыми головами и веселыми лицами. А Строгающий Карандаши все еще был сутул.

— Добрый вечер,— сказал он.

— Садитесь,— Метеор уступил ему табурет, а сам пересел на лавку, служившую постелью.

— Если помните, я обещал рассказать вам кое-что из истории нашего города,— начал Строгающий Карандаши.— Знаю я об этом мало, но то, что знаю, объяснит вам главное... Так вот, много веков назад на этой земле родился человек, которому суждено было стать хозяином нашего города. Человек этот позже так и получил прозвище Хозяин. Он был очень маленького роста, почти карлик. К тому же богат и властен. И являлся родным братом основателя Города Темных Башен. Как все маленькие люди, он терпеть не мог ничего высокого. Это было ему неприятно и недоступно. И однажды Хозяин приказал всем горожанам ходить только склонив головы и глядя под ноги. Непокорных он укорачивал — отрубал головы. Он полагал, что те, кто ходит выпрямившись, с поднятой головой,— гордецы и презирают все, что у них под ногами.

— Но это же неверно! — возразила Мария.— При чем здесь рост и осанка? Все дело в характере человека.

Но Строгающий Карандаши не обратил внимания на ее слова. Он продолжал:

— Кроме того, Хозяин велел разрушить все высокие дома и строить только одноэтажные. А чтобы у людей не возникло желание поднимать голову, закрыл все увеселительные места, запретил проводить ярмарки и карнавалы. Из века в век, из поколения в поколение наши горожане вырастали сутулыми, хотя давно уже никто из них не знал

и не догадывался, почему так. Все привыкли и считали это в порядке вещей.

— Ничего себе порядок! — возмутился Метеор.

— Все считали это естественным и нормальным, пока не появились в нашем городе вы,— сказал Строгающий Карандаши.

— Что же в этом плохого, в нашем появлении? — воскликнула Мария.

— А то, что всего этого не потерпит Губернатор Города Темных Башен. Он уже пригрозил, что завоюет Город Веселых Людей. Нас тоже может постичь такая судьба.

— Вот оно что! — привстал с лавки Метеор.— А помоему, наоборот: если ваши горожане будут стройными, ловкими, если сумеют смотреть прямо перед собой, а не уставившись в землю, они смогут дать отпор этому Губернатору.

— Незачем нам рисковать. Лучше не дразнить его,— поднялся с табурета Строгающий Карандаши.— Поэтому я принял решение закрыть Школу и Цирк. Вам же рекомендую покинуть город.

— А как вы объясните свой поступок горожанам? — спросила Мария.

— О! С этим будет просто. Мы объявим, что не можем рисковать жизнями наших юношей и девушек, которые работают в Цирке и в Школе на большой высоте. Ведь каждую минуту они могут разбиться. Нам дороги их жизни. Риск этот бессмысленен. Мы объявим, что их родители якобы обратились к нам с просьбой прекратить это. Вот и все, молодые люди. До свидания,— с этими словами он вышел.

— Все пропало,— тихо сказала Мария,— наш труд, все, к чему мы стремились. Что тут придумаешь?

— Не унывай,— пытался успокоить ее Метеор, хотя сам был огорчен и растерян не меньше, чем сестра.— Не мы, так жизнь что-нибудь придумает.— Он всегда верил в справедливость и в то, что жизнь движется, в конце концов, по своим законам...

Пока брат и сестра обсуждали сложившееся положение, Строгающий Карандаши вернулся в свой кабинет. Несмотря на то, что был поздний час, он взял из неубывающей кучки очередной карандаш и стал его строгать. В это время к нему и вошел Казначей — человек невероятно худой. Из-за того, что он сутулился, казалось, что вот-вот переломится пополам.

— Работаешь? — спросил Казначей и указал на карандаши.

Строгающий Карандаши кивнул.

— Какие новости? — спросил Казначей.

— С завтрашнего дня Школу и Цирк закрываю. Нам не нужно дразнить Губернатора Города Темных Башен.

— А ты знаешь, какого дохода мы лишимся? — спросил Казначей.— Ведь за каждое представление в Цирке казна получает восемьдесят процентов от сборов. Дальше кончика своих башмаков ты ничего не видишь. Схитрить надо, друг любезный, схитрить. Так, чтобы и Губернатора Города Темных Башен не раздразнить и чтобы мы не лишились доходов от Цирка.

— Но как? — спросил Строгающий Карандаши.

— Подставь-ка ухо,— и Казначей зашептал что-то Строгающему Карандаши.

Утром следующего дня Мария, Метеор, Первый Знакомый, Светлячок и все остальные собрались в Цирке. Метеор созвал их, чтобы сообщить о решении, которое принял Строгающий Карандаши. Новость огорошила всех. Молчали. Каждый думал, чем можно помочь делу, как сохранить Цирк и Школу. Светлячок собралась было что-то сказать, как в боковом проходе послышались шаги. Все повернули головы и увидели Строгающего Карандаши.

Остановившись перед ребятами, он обратился к Метеору:

— Вы, конечно, уже поторопились известить всех о моем решении? Напрасно поторопились. Я передумал. Закрывать не будем. Но...— изогнувшись боком, он с трудом глянул вверх, где висели трапеции, качели, трос для канатоходцев.— Но все это,— указал он,— надо опустить на уровень не выше двух метров. Только на этой высоте мы разрешим всем вам кувыркаться. Все вроде останется как было, но зато никакого шума по этому поводу не возникнет.

Вскочил возмущенный Первый Знакомый. Но Метеор остановил его.

— Хорошо. Мы согласны,— сказал Метеор, обращаясь к Строгающему Карандаши.

— А мне ваше согласие не нужно,— усмехнулся Строгающий Карандаши и, повернувшись, удалился.

— Это безобразие! — воскликнула Светлячок.

— Зачем ты согласился? — удивленно воскликнул Первый Знакомый.

— Во всяком случае, мы сохранили Цирк и Школу. А время покажет, во что это выльется.

С этого дня они начали работать на высоте двух метров. Сперва никто не удивлялся, зрители посчитали, что это какой-то новый трюк, и отнеслись спокойно. Все места в Цир-

ке были заполнены. Горожане ходили по привычке. Но вот Метеор и Первый Знакомый стали замечать, что на скамьях начали зиять пустые места. И с каждым днем их становилось все больше. Бывали случаи, когда зрители уходили, не досидев до конца представления. Им делалось смешно, когда канатоходцы перебираются по канату на высоте двух метров. Они скучали, видя, как артисты раскачиваются на трапециях вниз головой, почти касаясь руками арены. Все это становилось неинтересным, выглядело насмешкой над тем, к чему горожане уже привыкли.

— Еще неделя-другая таких спектаклей — и мы будем выступать перед пустыми скамейками,— сказал как-то Первый Знакомый.

— Мы потеряем все, что завоевали,— поддержала его Светлячок.

— Ну что ж,— сказал улыбнувшись Метеор,— раз так, тогда надо повесить по городу афиши и сообщить, что у нас новая программа, что снова наш девиз: «Высота и Риск».

— Завтра будет сделано! — подскочила довольная Светлячок.— Я нарисую такие афиши, каких еще не было! Мы должны вернуть зрителей и их доверие.

— Вот и хорошо,— Метеор подмигнул Марии.

— Конечно, только так,— сказал Первый Знакомый.— Мы дадим такой спектакль, что он запомнится людям надолго...

Домой Метеор и Мария шли вдвоем.

— Что ты задумал? — спросила Мария.— Ведь если Строгающий Карандаши узнает, что мы нарушили его приказ, он распорядится закрыть Цирк и Школу.

— А нас с тобой выгонит из города,— засмеялся Метеор.

— Ты думаешь, он не узнает?— Мария не понимала, чего это брат так весел.

— Он обязательно узнает! Он должен узнать! Завтра все поймешь.

Все собрались задолго до начала спектакля. У касс уже толпился народ. Билеты были нарасхват.

— Надо все поднять наверх,— сказал Первый Знакомый, указав на канат, трапеции и качели.

— Ничего не надо. Пусть все остается так,— возразил Метеор.— Я передумал.

— Как это передумал?!— изумилась Светлячок.— Ведь в афишах мы обещали совсем другое — Высоту и Риск. Посмотри, сколько привалило народу! Что же, мы их обманем?

— Сегодня — да! — неопределенно ответил Метеор.

Удивленные, все участники предстоящего выступления

молча смотрели на него. Кто пожимал плечами, кто с обидой поджал губы.

— Это позор,— тихо сказал Первый Знакомый.— Но мы подчинимся тебе, Метеор, раз ты так настаиваешь. Но знай, ты еще раскаешься за свою слабость.

— Иди к гонгу,— ответил Метеор.— Уже пора.

Ударил гонг. Представление началось. Зрители сперва не понимали, что происходит. Все ждали, что вот-вот канаты, трапеции и качели взлетят кверху, и снова начнут показывать свое мастерство юные актеры. Снова последуют один за другим каскады сложнейших прыжков и сальто, от которых замирает дух у всех, кто, задрав головы, наблюдает за вертящимися и летающими маленькими фигурками юношей и девушек.

Но время шло, и ничего этого не происходило. Действие продолжалось на высоте двух метров вяло, скучно, однообразно.

По рядам прошел ропот недовольства. Вскоре он сменился шумом, а когда Светлячок начала танцевать на канате и он, как обычно, прогнулся и сейчас почти касался земли, раздался свист возмущения, кто-то крикнул:

— Халтура!

Этот крик был как бы сигналом.

— Обман! Трусишки! — понеслось со всех рядов.

— Лучше прикройте свой балаган, не позорьтесь!

Все походило уже на настоящий бунт. Никто, правда, не оскорблял артистов. И никто не требовал возврата денег за билеты. Кричали просто обидные слова, и они, как плети, стегали выступающих: «Лягушки!», «Тру́сы!», «Обманщики»!

— Работайте, работайте! — приказывал друзьям Метеор, стоя за кулисой.— Не обращайте внимания. Я за все отвечаю. Продержитесь еще минут десять.

Через десять минут весь Цирк уже ревел от возмущения. Повскакивав с мест, зрители топали ногами, протестовали, размахивали руками.

— Подать сюда Метеора!— требовали они.

— Так мы и сами умеем!

— Вы бы еще канат расстелили на земле и ходили по нему! — крикнул кто-то.

В ответ раздался хохот.

И тогда из-за кулис вышел Метеор, поднял руку, и все утихли. Окинув взглядом ряды скамеек, Метеор увидел, что в углу сидит Строгающий Карандаши.

«Следит за нами, не нарушаем ли его приказ»,— понял Метеор.

— Граждане! — громко сказал Метеор, обращаясь к зрителям.— Разве это не то же самое, что и там, наверху?— указал он в небо.

— Нет! — отозвались сотни голосов.

— Но так меньше риска для нас,— продолжал Метеор.— А вам не надо задирать головы. Разве это плохо?

— Халтура! — кричали со скамеек.

— Это не искусство! Жалкое подобие! — вопили зрители.— Возвращайтесь наверх! Мы любим вас смелыми и сильными, а не трусливыми подражателями. У нас от этого опять сутулятся плечи.

— Нам не разрешают! — ответил Метеор.

— Кто?! Кто посмел?!

Метеор указал на Строгающего Карандаши.

— Вот этот человек.

Бледный, перепуганный Строгающий Карандаши встал со своего места и попятился к боковому выходу, но публика уже окружила его, выкрикивала:

— Кто тебе дал такое право, жалкий трус?!

— Мы лишим тебя должности!

— На арену его! На арену!

— Поднять его на трапециях на самую верхотуру! Пусть Метеор там с ним позабавится!

Публика хохотала, тесня съежившегося человечка к арене. А он оглядывался по сторонам, ища глазами Метеора, словно хотел просить у него защиты. Но Метеор ушел за кулису.

— Немедленно отмени запрет! — продолжала неистовствовать публика.

— Ты что, хочешь, чтобы мы опять ходили, уткнувшись носом в землю? Не выйдет!

Строгающий Карандаши пытался что-то сказать в свое оправдание. На него снова зашумели:

— Вон отсюда! Хотел напакостить от нашего имени!

— Здесь мы хозяева!

Под этот крик Строгающий Карандаши был изгнан из Цирка.

Тем временем Метеор, стоя в окружении друзей, объяснял им:

— Я не мог сказать вам сразу, что задумал. Хотел преподнести вам сюрприз.

— Разве ты был уверен в победе? — спросила Светлячок.

— Да! Я верил, что народ, научившийся понимать искусство, ценить Высоту его и Риск, не позволит себя дурачить. Я верил, что народ, научившийся ходить с

поднятой головой, не захочет больше сутулиться и вынудит Строгающего Карандаши капитулировать.

— Ты извини, Метеор, в какой-то момент я дурно о тебе подумал,— сказал Первый Знакомый.— И никак не мог смириться с тем, что ты, научивший нас видеть с Высоты, вдруг сам струсил.

— Ничего,— засмеялся Метеор.— Это даже хорошо, что ты не простил бы мне, если бы я отступил. А теперь, друзья, пора на арену! Спектакль начинается! Все трапеции, качели и канаты поднять на самый верх! Мы с Марией тоже будем участвовать в вашей программе. Это будет наш прощальный концерт. Гонг!— скомандовал он и выбежал из-за кулисы на арену...

Много лет спустя в городе все еще вспоминали тот необыкновенный спектакль. Он был полон задора, веселья, музыки, смелости. Публика кричала от восторга, требовала повторить тот или иной номер, почесывала ладони, горевшие от неистовых аплодисментов. А Строгающий Карандаши лежал у себя в комнате на узкой кровати и, глядя в низенькое оконце, умирал. От страха...

Так закончилась эта история в городе, который теперь называется Город Стройных Людей. А его гимном стала веселая песенка Кузнеца:

Там, где пахарь,
Там и плуг.
Там, где спины,
Там и кнут.
Там, где деньги,
Там и плут.
Ой, ля-ля, ой, ля-ля,
Нет богатства, есть душа.
Ой, ля-ля, ой, ля-ля,
За душою — ни гроша,
Но не в этом, братцы, дело.
Важно, чтобы сердце пело,
Да была бы пара рук,
Да хороший рядом друг!

Дверь была странная, она открывалась во все стороны: от себя, к себе, сдвигалась вправо и влево, вверх и вниз. Но этого никто не знал. Она оставалась постоянно запертой, замочная скважина даже жаловалась своей приятельнице: «Мой ключ такой бездельник, вечно торчит дома, я из-за него всегда занята». Может, поэтому не имели понятия, что там, за дверью: даже подсмотреть в замочную скважину не удавалось. Кое-кто, правда, пытался прикоснуться к ключу, отпереть, но вокруг него распространялось

какое-то силовое поле, не подпускавшее руку ближе, чем на десять сантиметров. Неизвестно, кто и когда на дверь повесил табличку: «Всему свое время». Видимо, тот, кто сделал это, имел в виду, что заглядывать в конец, не зная начала,— дело хотя и самое легкое, но нестоящее. Прислушаемся к этому совету и вернемся к началу, в один из апрельских дней.

Было холодно, дождь сменялся снегом, он тут же таял в лужах. Озябшие черные деревья с уже набрякшими почками раскачивались на ветру; в иные годы к этой поре расцветала сирень. Было ее так много, что с птичьего полета город казался огромным сиреневым садом, источавшим нежный сладковатый запах на многие километры вокруг...

Но сейчас шел дождь со снегом, и в мастерской Умельца стало неуютно. Дуло в ноги, стеклянная крыша и окна помутнели от влаги. В большой железной жаровне пылали угли. Умелец то и дело протягивал к огню руки, чтобы согреть окоченевшие, непослушные пальцы, которые служили основным инструментом. Небольшого роста, полнощекий, с седым венчиком волос вокруг большой лысой головы, мастер этот поистине был кудесником. Из дерева или из папье-маше, пропитанного воском, он делал фигуры от самых маленьких до самых больших, в человеческий рост. Их можно было видеть повсюду: в домах у горожан, в витринах детских магазинов, в салонах мод и даже в королевском дворце. Король любил осенние военные парады, поэтому еще с весны Умелец, выполняя его заказ, готовил из папье-маше и воска роту пеших гренадеров. Накануне военного парада король выстраивал их в парке, огороженном высоким забором, и тренировался — объезжал безмолвный строй и произносил перед ним очередную речь о том, как счастливы его подданные...

Умелец справедливо считался единственным в городе мастером подобного рода. Был он человеком скромным, добродушным и слабохарактерным. Горожане относились к нему уважительно, а когда он появлялся на рынке, все торговки зеленью, рыбой и овощами, все мясники вежливо здоровались с ним и всегда спрашивали, как чувствует себя его дочь Беляна. Вопрос этот был не праздный: уже много лет Беляна оставалась прикованной к креслу-каталке, потому что иначе передвигаться не могла.

Умелец очень любил свою дочь — веселую, отзывчивую и умную девушку, тяжко переживал ее недуг, в особенности когда овдовел. Иногда, незаметно наблюдая за дочерью, глядя, как она расчесывает свои длинные белокурые воло-

сы, удивлялся сходству ее с матерью и горестно вздыхал, обращаясь к небу со словами: «За что ей, красивой и умной, такое несчастье?» Но небо, как вы сами понимаете, безмолвствовало, и слова Умельца ветер уносил так далеко, что их вообще никто не слышал. Болезнь дочери забирала много денег. Но Умелец отдавал последнее, чтобы только вылечить ее. У Беляны перебывали лучшие лекари города, отец доставал самые новые и самые дорогие лекарства, но все это не помогало.

— Не переживай так, отец,— утешала дочь.— Надо терпеливо ждать и надеяться. Смотри, ведь я могу сидя стряпать, заштопать тебе рубаху, вымыть посуду, растопить очаг.

Подбодренный ею, Умелец отправлялся в мастерскую, которая примыкала к их жилью, и работа шла веселей, все ладилось...

В один из таких дней, когда он сидел на корточках перед раскаленной жаровней и грел руки, послышался шум мотора, хлопнула автомобильная дверца, и в мастерскую вошел низенький толстый мужчина.

— Здравствуй. Ты и есть Умелец? — спросил он, разглядывая мастера.

— Здравствуйте. Я и есть.— Умелец всматривался в гостя, лицо которого показалось ему знакомым.

— А у тебя здесь неплохо,— вошедший разглядывал мастерскую.— И пахнет чем-то приятно.

— Это пахнет сосновая стружка и воск,— ответил Умелец и вдруг вспомнил, где он видел этого человека: на первых страницах газет и на обложках журналов! Да, никаких сомнений нет, это он — самый богатый и самый могущественный человек по имени Большой Мешок.

Нежданный гость действительно напоминал мешок, из которого торчала голова, а по бокам — руки. Пиджак и штаны его были словно накачаны воздухом. Дело в том, что во все карманы (а в костюме их имелось десять) были напиханы пачки денег и чековых книжек. В городе Большому Мешку не принадлежал только стук молотков, когда заколачивали лавки разоренных им мелких торговцев; все остальное — даже пар, поднимавшийся над градирнями его электростанции,— так или иначе находилось под его контролем...

Большой Мешок все еще расхаживал по мастерской, брал с полок то одну, то другую игрушку, вертел, рассматривал, долго стоял перед фигурами гренадеров — они были на целую голову выше его.

— Как живые,— усмехнулся он.— Ты молодец, знаешь

свое дело,— наконец сказал он Умельцу, усаживаясь в старое промятое кресло, в котором Умелец иногда отдыхал, покуривая глиняную трубочку.

— Чем могу служить?— вежливо спросил Умелец.

— Есть одно дельце,— сказал Большой Мешок.— Исполнишь — станешь очень богатым человеком, все завидовать будут,— внимательно посмотрел на Умельца.— Я хочу, чтобы ты поработал на меня.

— Но я делаю игрушки только для детских магазинов, в каждой семье в нашем городе, в каждом доме есть мои изделия.

— Знаю. Но хочу, чтобы отныне ты работал только на меня,— повторил Большой Мешок.— Тем более, что все магазины, как тебе, должно быть, известно, принадлежат мне. Так что можешь отложить их заказы.

— Но сейчас я выполняю заказ короля — готовлю роту пеших гренадеров,— указал Умелец на фигуры.

— Король подождет, я позвоню ему, прикажу, чтобы подождал.

— Вы прикажете королю?! — удивился Умелец.

— А ты как думал? Кто ему зарплату платит? Кто содержит его дворец и оплачивает все дурацкие затеи: балы, парады, скачки? То-то, братец,— усмехнулся Большой Мешок.

— Но зачем вам столько моих изделий? Вам — одному? Ведь я могу выполнить и ваш заказ, и для других что-нибудь смастерить.

— Это не твое дело — зачем мне столько. А для других у тебя времени не останется.

— Но все-таки я должен знать...

— Тебе будут платить, а остальное не твоя забота.

— Нет, так я не могу,— покачал головой Умелец.— Человек обязан знать, для чего он трудится и куда девается то, что он создал, даже если это куклы.

— Значит, отказываешься?

— Выходит, отказываюсь,— робко сказал Умелец.

— Что ж, смотри, чтоб не пожалел потом. Я не привык уговаривать,— Большой Мешок поднялся с кресла и, не оглянувшись, вышел.

Умелец долго смотрел на захлопнувшуюся дверь, раздумывая над происшедшим, затем взялся размешивать воск в огромном чане. Время приближалось к обеду, а он сегодня так мало сделал...

Вечером он рассказал обо всем Беляне. Они сидели вдвоем на кухне. В очаге, словно завернутые в колыхающееся пламя, сухо потрескивали горящие поленья.

— Ты правильно поступил, отец,— сказала Беляна.— Они привыкли со всеми разговаривать так, будто мир обязан им своим существованием.— Она погладила его большую натруженную руку, на которой, как переплетение ветвей могучего дерева, вздулись вены.

— Так-то оно так, дочка, однако боюсь я их. С ними лучше не связываться,— вздохнул Умелец.— Пойду-ка я спать, устал очень,— поднялся он из-за стола.

Беляна, передвигаясь в кресле-качалке, убрала со стола, вымыла посуду и, укутавшись пледом, стала читать. На улице было ненастно, тьма за окном сгустилась, по подоконнику стучали капли дождя. Девушка давно привыкла к своему бедственному положению, не то чтобы смирилась, а относилась с трезвым пониманием, даже обрела в нем мужество, которое помогало ей искренне радоваться жизни, чужому счастью, находить в себе силы быть полезной для окружающих.

Книгу, которую она читала, принес ей давний приятель, молодой врач по имени Наш Сосед. Он ежедневно навещал своих больных, даже когда в этом не было особой нужды; эти обходы занимали у него целый день — с улицы на улицу, из дома в дом, как добрый сосед, заходил он в квартиры, и люди всегда радовались его визитам, потому что первое, что он делал, переступая порог,— улыбался. Так уж было устроено его лицо: оно жило в полном согласии с душой. Улыбающимся появлялся он и в доме Беляны. Но едва покидал ее, лицо его омрачалось: все усилия излечить девушку от недуга почти не давали результатов...

Беляна читала, когда в прихожей над дверью задергался колокольчик. Он звенел весело, нетерпеливо, и она поняла, что это пришел Наш Сосед.

— Ну и погодка!— входя, сказал он, откинул капюшон, снял мокрый плащ и вытер улыбающееся лицо большим белым платком.

— Ты совсем промок,— заметила Беляна.— Садись к огню поближе.

— У тебя, как всегда, уютно, а я устал и не прочь выпить чашечку кофе,— он разговаривал с нею всегда как с совершенно здоровым человеком, стараясь избегать той жалостливости или излишней предупредительности, которые всякий раз напоминали бы девушке, что она калека.

— Какие новости в городе?— спросила Беляна, насыпая в мельничку кофейные зерна.

— Биржа перестала регистрировать безработных, их уже столько, что дальше некуда. Наш дурачок король затеял во дворце ремонт. Заказал на фабрике новые обои, на каждом

квадратном метре должен быть изображен его портрет. Представляешь себе: стены сплошь обклеены его физиономиями!

— Совсем выжил из ума,— она поставила медную кружку с длинной ручкой на огонь, ароматный запах кофе поплыл по комнате.

— Еще он издал указ, что те, кто живет в домах под четными номерами, должны ходить по правой стороне улицы, а те, кто в нечетных,— по левой.

— А это зачем?

— Он же обязан каждый месяц издавать по семь указов. Шесть уже было, а седьмой он никак не мог придумать,— засмеялся Наш Сосед, беря из ее рук чашечку с кофе.— А что нового у вас, как отец?

— У нас был странный гость,— ответила Беляна.

— Кто же?

— Большой Мешок.

— Сам пожаловал?! Чего же он хотел?

Беляна рассказала.

— Странно,— задумчиво промолвил Наш Сосед.— Это неспроста. Что-то они затевают. Я когда шел к тебе, заметил, что в окнах его особняка горел свет, а у подъезда стояло несколько автомашин. Видно, все воронье слетелось... Ладно, поживем — увидим, ты успокой отца,— он поднялся.— Пора мне. Еще надо двух больных навестить.— Он надел плащ, натянул капюшон и шагнул в мокрую темень...

А в особняке Большого Мешка действительно во всех комнатах были зажжены хрустальные люстры, носились лакеи с подносами. Но в этот раз собрались тут не на банкет, на вешалке висела только мужская одежда. В Зале Тайн шло заседание Главного Правления. В этом зале со стенами, отделенными узорным пенопластом, любой звук мгновенно угасал; специальный акустический вентилятор всасывал в себя все слова, через него они попадали в звукохранилище, в подвал, где электронные машины сортировали их в зависимости от того, кому принадлежал голос. На каждого из тринадцати членов Главного Правления была заведена фонотека, и голос, попадавший сюда, после сортировки укладывался в соответствующую камеру-досье. Зал этот не имел ни окон, ни дверей, попадали в него прямо из лифта, который тут же уходил вниз. Но вызвать его можно было лишь набрав определенную группу цифр на пульте, укрепленном на письменном столе Большого Мешка, а порядок набора, код, знал он один.

Членов Главного Правления — промышленников и бан-

киров — Большой Мешок собрал на экстренное совещание. В основном пожилые люди — тощие и толстые, страдающие бессонницей и язвой желудка, подагрой и гипертонией,— они были безмерно богаты, но вечно пребывали в дурном настроении: такое уж положение занимали, что не имели возможности завести друзей, ходить босыми по летней траве где-нибудь на лесной поляне, войти в любой дешевый кабачок выпить кружку пива в компании веселых и шумных портовых шоферов и грузчиков, валяться на песочке городского пляжа, где отдыхающие едят арбузы; не могли осенью, обув сапоги и взяв рюкзаки, автобусом отправиться с грибниками в лес,— они лишены были всего, чем пользуются нормальные люди. Но главное — страх за свои несметные богатства. Он рос пропорционально росту их капиталов, вгонял в бессонницу; в такие страшные, изнуряющие ночи, прикованные к своим кладовым, как рабы, прикованные цепью к тачке, они завидовали обыкновенным радостям обыкновенных людей. Но утром, едва поднявшись, впрягались в эту золотую тачку и снова волокли ее на гору, которая называлась Богатством и предела у которой не было...

— Я собрал вас, господа, мистеры, сеньоры, чтобы обсудить некоторые неотложные проблемы,— сказал Большой Мешок, обводя всех взглядом. Вдруг лицо его нахмурилось: на синем галстуке одного из присутствующих он увидел горошины красного цвета.— Господин, мистер, сеньор Зеленая Щука, вы опять надели этот галстук с красными горошинами! Вы же знаете, что этот цвет нам противопоказан, он усиливает и бессонницу, и почесуху.

— Простите, Мешок Мешокович, у меня плохое зрение, галстук мне выбирала и повязала третья дочь от восьмого брака.

— Надо ее хорошенько выпороть, вашу третью дочь от восьмого брака, тогда она будет помнить, какие галстуки покупать.

— Этого нельзя сделать, уважаемый Мешок Мешокович.

— Почему?

— Останутся рубцы, а они тоже красные,— сказал Зеленая Щука.

— Но она же не ходит с голой задницей! В крайнем случае, помажьте тут же рубцы зеленкой... В городе надо истребить красный цвет и все его оттенки. Я уже распорядился, чтобы король издал соответствующий указ, но этот маразматик опять забыл!

— А как же быть со светофорами? — спросил Пронырливый.

— Красный цвет заменить черным — и все дела,— ответил Большой Мешок.

— А я, например, люблю арбузы, и помидоры, и раки,— пробасил Всеядный.

— Арбузы ешьте в темной комнате, а раки — сырыми! Тоже мне проблема! С помидорами еще проще: употребляйте их, пока они зеленые.

Все согласно закивали головами, удивляясь мудрости Большого Мешка.

— Так вот,— сказал он,— в городе неспокойно: полиция не успевает разгонять демонстрантов, в тюрьмах уже нет места, а количество бунтовщиков увеличивается с каждым днем.

— У меня есть предложение,— буркнул Железный Курок.— Я дам полиции оружие, которое делают на моих заводах, и пусть она расстреливает всех подряд. Всех подряд! Только так мы покончим с этими бунтовщиками и забастовщиками!

— Не годится,— отмахнулся Большой Мешок.— А кто же вместо них будет работать на наших заводах? Мы с вами, что ли?

Тут голос подал Каменнолобый:

— Надо еще построить несколько тюрем.

— Тоже не годится,— возразил Большой Мешок.— Пришлось бы пересажать половину города, а вторую половину сделать полицейскими для охраны такого количества заключенных. Заводы и фабрики опустеют, опять работать некому, мы же будем только убытки нести.

— Можно приспособить для любого дела электронику, моих роботов,— сказал Механическая Лапа.

— Ненадежно,— высказал сомнение Большой Мешок.— Среди тех, кто сидит у пультов управления электроникой и роботами, много наших противников. В любой момент они могут все отключить или подать роботам команды действовать против нас.

— Какой же выход из положения? — испуганным голосом спросил Каменнолобый.

— Я вспомнил о том, о чем все давно забыли: тяжелее всего бороться с человеческой психологией. Она сильнее роботов, электроники и прочей техники. Мы должны получить возможность управлять человеческой психологией, чтобы сделать людей, их мышление примитивным, вернуть им животные инстинкты, сознание на пещерном уровне. Чем человек примитивней, тем легче им манипулировать. И, кажется, я нашел способ это осуществить! — торжественно произнес Большой Мешок.— Сначала, конечно, мы прове-

дем эксперимент. Если идея оправдает себя, тогда начнем в широком масштабе.

Все были заворожены этим сообщением. В тишине стало слышно, как хрустели подагрические суставы у Механической Лапы.

— Мы хотели бы знать подробности,— робко произнес Пронырливый.

— Подробностей сейчас никаких не будет! — властно ответил Большой Мешок.— Дело это государственной важности, совершенно секретное. А кое-кто из вас может проболтаться женам или любовницам, кое-кто громко разговаривает во сне. В свое время вы узнаете подробности, теперь же от вас требуется одно: проголосовать за или против моей идеи. Итак, кто за?

Все, кроме Пронырливого, подняли руки.

— Вы что, против? — спросил его Большой Мешок.

— Нет, я воздерживающийся.

— Ваше право... На этом совещание считаю закрытым.— Большой Мешок набрал на пульте код, загудел, поднимаясь, лифт.

Минуло несколько дней. Погода наладилась, припекало солнце; на кустах и деревьях зеленым пламенем взрывались почки, незаметно деревья обросли пышной листвой, тянулись к небу белые свечи каштанов, за оградами буйно разрасталась сирень. Город словно погрузился в ее нежный аромат, дарящий людям хорошее настроение и много надежд. По-своему к этому явлению природы отнесся Большой Мешок: с небывалой нагрузкой заработали его парфюмерные фабрики. Мощные кондиционеры, очищая воздух от всех примесей, высасывали из него ароматический запах сирени, по огромным трубам этот нектар поступал в специальные резервуары, где после сложной перегонки превращался в густую эссенцию. В соединении с другими ароматическими запахами она шла на производство мыла, различных духов, кремов, лосьонов. На красочных этикетках этой продукции стоял фирменный знак Большого Мешка: пчела, собирающая с цветка нектар.

Оживился и городской рынок. Крестьянки в белых аккуратных передниках и накрахмаленных чепцах раскладывали пучки малиновой редиски, свежего салата, зеленого лука, высились горки огурцов в нежных пупырышках, в плетеных корзинах маняще лежали первые помидоры. Все было окроплено росой, в которой радужно сверкали солнечные блики...

В один из таких дней Умелец, изготовив очередную

партию игрушек, отправился в Торговые ряды, чтобы сдать в магазины свои изделия, получить деньги, а на них купить все, что нужно для хозяйства, но прежде всего, конечно, очередное лекарство для Беляны.

Первым по пути был магазин «Утенок», здесь продавалась одежда для самых маленьких детей, имелся и отдел игрушек. Много лет хозяин «Утенка» по кличке Папа Великан брал у Умельца его товар; у них установились добрые отношения: обоим было выгодно. Папа Великан считался у горожан человеком покладистым, доброго сердца и прозван был так шутливо за свой маленький рост — голова его едва возвышалась над прилавком.

— Здравствуй, Папа Великан,— приветствовал его Умелец, войдя в узенькую конторку, находившуюся под крышей просторного склада.

— Здравствуй, Умелец,— Папа Великан просматривал какие-то бумаги и щелкал деревянными кругляшками на счетах.

— Твой заказ выполнен, я принес товар, вот, посмотри,— Умелец извлек из прямоугольной корзины фигурки человечка с плутоватым лицом и непомерно большими ушами, они даже проросли сквозь поля шляпы, низко надвинутой на лоб.— Я назвал его «Сплетник»,— кивнул Умелец на игрушку.

Папа Великан взглянул на игрушку, взгляд его радостно вспыхнул от удовольствия, но тут же померк.

— Хорошая вещица, как и все, что ты делаешь. Но принять я не могу.

— Почему же? — удивился Умелец.— Ты заказывал два десятка, я выполнил, в срок уложился, тебе эта штуковина нравится, вижу. Так в чем же дело?

— Плохие нынче времена наступили,— уклончиво ответил Папа Великан.

— Это в каком смысле? — спросил Умелец.

— Денег нет у меня сейчас, чтобы заплатить тебе,— опустил он глаза.

— Я могу подождать недельку-другую,— сказал Умелец.

— Нет,— вздохнув, Папа Великан отодвинул фигурку.— Ты это забери. А когда понадобишься мне, я сам тебя позову...

Такое между ними произошло впервые за многие годы. Обескураженный, ничего не понимающий, Умелец вышел из конторки.

Следующим был магазин мороженого и прохладительных напитков «Северное сияние». Как известно, больше всех

мороженое любят дети, поэтому и здесь имелся уголок, где торговали игрушками, и, конечно же, наибольшим спросом пользовались фигурки Умельца, ведь это были не просто безликие куклы, а миниатюрные, пусть неживые, но человечки, в облике которых угадывались их профессии, характеры, достоинства или пороки...

Еще с тротуара, прежде чем войти, Умелец заглянул в магазин сквозь большое витринное стекло и увидел за прилавком владельца «Северного сияния», которого дети прозвали Пингвин за медлительность и походку. Пингвин тоже увидел его и, шепнув что-то своей дочери Кларе, торопливо заковылял к двери в подсобное помещение и скрылся за нею.

— Здравствуй, Клара. Как поживаешь? — входя, сказал Умелец.— Как идет торговля? — приблизился к прилавку.

— Плохо, еще не сезон.

— Это уж верно, что не сезон. Но скоро совсем потеплеет и мамы приведут сюда детишек, а я кое-что для них приготовил, порадуются, и у вас выручка будет. Позови-ка отца.

— А его нет.

— Так позови его.

— Уехал он. На ферму к брату.

— Когда же это он успел?

— Вчера.

— Шутница ты, Клара. Я ведь только что его видел через окно.

— Это вам показалось,— юная лгунья даже обидчиво выпятила губы.

— На зрение я еще не жалуюсь,— усмехнулся Умелец, начиная понимать, что дурачат его неспроста.— Значит, уехал к брату на ферму? И ничего мне не велел передать? Ведь мы с ним уговорились, что сегодня в это время я принесу товар.

— Ничего не велел, а о товаре и разговора не было.

— Так-так... Но ты ему все-таки скажи, что я заходил. И еще скажи, что нельзя валять дурака, когда речь о деле идет,— с этими словами Умелец покинул магазин.

То, что произошло здесь, у Пингвина, и у Папы Великана, начинало его беспокоить, тут уж случайностью не пахло. Оставалось сходить еще в «Аттракцион»— в павильон игральных автоматов для детишек, где имелась секция игрушек, которой заведовал человек по имени Рычажок. Он обычно кричал мальчишкам: «Бросай монетку в щель и жми на рычажок». Немного фигурок раз в месяц ему поставлял Умелец.

Но у Рычажка повторилась та же история: он наотрез отказался взять для продажи игрушки.

Понурив голову, Умелец собрался было уходить, но Рычажок сказал:

— Присядь-ка, я тебе все объясню,— он опасливо оглянулся на дверь, достал две банки пива, откупорил и одну придвинул Умельцу.— Дело, дружище, не в нас: ни во мне, ни в Пингвине, ни в Папе Великане,— утер он пивную пену с губ.— Все мы тебя знаем давно, уважаем. Делаешь ты все на совесть. А чего еще требовать от человека? Но ты ведь знаешь, что все магазины, в том числе мой «Аттракцион», принадлежат Большому Мешку. Так вот, он распорядился товар у тебя не брать. Чем-то ты досадил ему. Сказал, что если мы посмеем ослушаться, то он нас прихлопнет.

— Что же мне делать? — растерянно спросил Умелец.

— Тут ничего не придумаешь, один только выход и есть: тебе надо поладить с Большим Мешком.

— Легко сказать — поладить. Это не ссора с соседом,— вздохнув, поднялся Умелец.— Что ж, спасибо тебе за правду.

— Дочь-то как, не лучше ей? — спросил Рычажок, провожая Умельца к двери.

— Радоваться нечему. Все деньги на лекарства уходят, а толку-то что?..

Выйдя из «Аттракциона», Умелец отправился в аптеку. В кармане у него лежал рецепт на какое-то новое заморское лекарство, который выписал в очередной раз Наш Сосед.

Повертев в руках рецепт, старый Провизор, владелец аптеки, пожевав губами, сказал:

— Лекарство это мы получаем от фирмы «Все в наших руках», а фирма, как вам известно, милейший, принадлежит Большому Мешку, хотя и находится за пределами города. Поэтому на рецепте нужна его виза. Так что вам придется отправиться к нему, милейший. Получите разрешение — милости прошу.

— Не даст он мне разрешения,— тихо проговорил Умелец.

Провизор развел руками...

Заглянув на рынок и купив необходимое, Умелец направился домой. Он шел и грустно думал о том, что же будет дальше, ведь Большой Мешок на этом не остановится. Погруженный в свои раздумья, Умелец даже не замечал, как его приветствовали прохожие, особенно дети, которым он доставлял столько радости своими игрушками.

Беляна сразу уловила, что отец чем-то взволнован, и выжидательно смотрела, как он молча выкладывал покуп-

ку: кусок баранины, молодую петрушку, сельдерей, белый с зеленым оперением чеснок.

— Что случилось, отец? — не выдержала Беляна.

— Плохи дела, дочка,— он сел у окна, положил на стол тяжелые темные кулаки.— Стреножил нас этот ирод,— и он рассказал о всех происшедших злоключениях.— Как жить будем дальше? Работа моя, выходит, не нужна никому,— и, разжав кулаки, он распластал на столе широкие, крепкие пальцы.

— Не волнуйтесь, отец, авось проживем.

— Авось да небось — хотя вовсе брось,— покачав головой, вздохнул он, ласково взглянул на дочь и подумал, что ради нее придется ему все-таки идти кланяться Большому Мешку.

Они сидели вдвоем в сумрачном лесу — Большой Мешок и Умелец. Деревья стояли так плотно, что сквозь их строй почти не проникал дневной свет. Сюда не заглядывали люди, липкая паутина цепко держалась за ветви, словно развешанные рыбачьи сети.

— Я выбрал это место потому, что тут нас никто не услышит,— сказал Большой Мешок.— Ты правильно сделал, что согласился на мое предложение, зря кочевряжился с самого начала.

Умелец сидел на стволе рухнувшей от старости ольхи, хмуро слушал собеседника и ломал сильными пальцами валявшиеся у ног ветки.

— А знаешь, чему я завидую? — спросил вдруг Большой Мешок, глядя на его ловкие пальцы.

— Чужому богатству? — усмехнулся Умелец.

— Нет,— покачал головой Большой Мешок.— Твоему умению и умению многих таких, как ты.

— Мы можем поменяться местами,— грустно улыбнувшись, сказал Умелец.

— Так не бывает. Вот если бы при моем богатстве я обладал еще и твоим умением,— засмеялся Большой Мешок.

— Так тоже не бывает.

— Это верно. Поэтому ты будешь слушать меня и исполнять, а я приказывать и платить. Так уж угодно богу.

— А сколько вы ему платите за это?

— Кому?

— Этому вашему богу.

— Он у нас с тобой един.

— Э-э, нет, мой бог оглох и ослеп давно.

— Вопрос о боге оставим попам, они в этом деле лучше

разбираются. У нас с тобой другие заботы. Прежде чем приступить к какому-нибудь делу, человек должен вбить себе в башку несложную мыслишку, что займется он делом полезным для ближних своих. Тогда его перестанут одолевать всякие там сомнения.— Большой Мешок поднялся, подобрал с земли еловую шишку, поднес к носу, понюхал.— Так вот, если ты вбил себе эту мыслишку — сделал первый шаг, считай, что полдела сделано: ты избавился от необходимости оглядываться, думать, что там, за твоей спиной, и что бы ты уже ни делал, всегда потом сможешь оправдаться: «Мне казалось, что я делал для пользы ближних». И с тебя уже взятки гладки.

— Ловко,— покачал головой Умелец.— И что же конкретно от меня требуется?

— Мне нужно, чтобы ты изготовил, скажем, двести фигур, которые будут умещаться, как матрешки, одна в другой. Самая большая размером в два метра, остальные, конечно, пойдут пониже. Но разница между ними должна быть не более двух миллиметров. Сможешь?

— Дело нехитрое. Только зачем они вам?

— А вот это тебе знать не следует. Считай, что я затеял такие же игры, как и наш король,— осенние парады. Вот с верой в это невинное занятие и приступай.

— Ну, а вы...

— А я верну твоей дочери здоровье. Сейчас она сидит сиднем и передвигается с помощью коляски. А будет, если примешь мои условия, ходить, бегать, танцевать. Глядишь, и замуж выйдет.

— Как же вы все это устроите? — ухватился Умелец.

— Это тоже тебя не касается. Вот договор,— Большой Мешок вытащил широкое портмоне, извлек оттуда бумагу.— Я уже подписал, теперь очередь за тобой. Но еще одно условие: ни одна душа, даже твоя дочь, не должна знать об этом.

Умелец внимательно прочитал договор, ничего настораживающего в бумаге этой не было: все, как и говорил Большой Мешок. И, преодолев последние сомнения, мастер подписал бумагу золотым пером, которое протянул ему Большой Мешок.

— Ну вот,— заулыбался Большой Мешок.— Видишь, как мы легко с тобой поладили.— Он достал из другого портмоне пачку денег, быстро отсчитал сотню:— Это тебе на мелкие расходы, купишь дочери подарки.

— Лекарство мне купить ей надо,— ответил Умелец, пряча деньги в карман.

— Не трать на эту ерунду ни одной монеты. Я же ска-

зал тебе, что излечу твою дочь. А теперь прощай. Помни: срок — месяц.

И они покинули лес.

В этот же вечер Большой Мешок пригласил к себе Академика. Они сидели в маленьком кабинете, стены были задрапированы тонкой голубой кожей. С легким жужжанием работали кондиционеры. В удобных огромных креслах из мягкого искусственного плюша и гость, и хозяин выглядели карликами.

Хозяин налил в бокалы какой-то напиток.

— Пей,— сказал он.— Освежает.

— «Кока-кола»? — спросил Академик, вертя перед глазами большой бокал с искрящейся жидкостью.

— Я этот шампунь не пью,— сказал Большой Мешок.— То, что ты держишь в руках,— натуральный сок, вернее, смесь из натуральных соков, составленная по моему рецепту,— и он с наслаждением осушил полбокала.— Ты должен провернуть два дела.

— Какие? — спросил Академик.

— Первое: поставить на ноги дочь Умельца.

Академик кивнул.

— Второе: через месяц тебе в лабораторию привезут двухметровую куклу-матрешку. В ней будет еще сто девяносто девять таких же. Мужчины и женщины. Каждой из кукол ты должен дать характер, который я закажу, отмеренное мною количество эмоций, научить их говорить и двигаться. Минимум интеллекта. В общем, превратить в подобие людей. Мышление их должно быть примитивным. Такие понятия, как совесть, жалость, чувство дружбы, ответственности, им не нужны. Заложи в них побольше инстинктов.

— Это что-то новое. Но зачем? — спросил удивленный Академик.

— Так нужно мне. Сделаешь — получишь еще одну лабораторию.

— Но я должен знать...

— Ничего ты не должен. Как ученого тебя этот эксперимент интересует?

— Весьма.

— Вот этим и успокой свое любопытство. Считай, что делаешь ради науки.

— А если я откажусь?— весело спросил Академик.

— Тогда я тебя отправлю учителем в провинциальную школу. В ту, из которой я тебя вытащил,— отвергая шутливый тон собеседника, хмуро произнес Большой Мешок.— Значит, ради науки. Понял?

— Понял! — ответил Академик. В глазах его была ярость, готовая ринуться на защиту достоинства, но, вспомнив, что за человек перед ним, Академик смиренно опустил глаза, как случалось уже не раз.

А тем временем в мастерской Умельца закипела работа. По распоряжению Большого Мешка со складов во двор к Умельцу привозили огромные, в несколько обхватов, стволы буков. Рабочие ошкуривали их. В самой мастерской, поставив на попа ошкуренное бревно, Умелец, взобравшись на стремянку, орудовал стамесками и долотами. Постепенно из мертвого дерева проступали отчетливые признаки человеческого обличья. С утра до позднего вечера из мастерской доносилось постукивание молотка мастера. Он уже вроде и позабыл, чей заказ выполняет,— так захватила его работа. И чем ближе она подходила к концу, тем с большим увлечением ежедневно Умелец приступал к ней.

— Все хорошо, дочка,— весело говорил он, когда поздно вечером они садились ужинать.

— Кто же тебе такой выгодный заказ дал?— в который раз допытывалась Беляна.

— Секрет, дочка. Покуда — секрет, со временем узнаешь,— весело потирал он руки.

— Ты бы передохнул, отец, работаешь и в будни, и в праздники.

— Праздники и дурак знает, дочка, да будней не помнит,— отшучивался он.

Иногда, когда Умелец уже отдыхал в своей комнатке, проведать Беляну заходил Наш Сосед. Стояли погожие весенние вечера, пряно цвела акация. В тишине было слышно, как у старой водяной мельницы в каменное ложе падает тугая лента воды.

Наш Сосед рассказывал Беляне все городские новости, а она, сидя, гладила тяжелым утюгом его белый накрахмаленный халат, на карманчике которого ее рукой были вышиты инициалы «НС» — Наш Сосед. Беляна поведала ему, с каким азартом работает отец, выполняя чей-то большой заказ, о том, что отец в хорошем настроении, но ничего не хочет рассказывать, вроде готовит какой-то сюрприз.

— Ладно, ты уж наберись терпения,— потягивая из чашечки кофе, говорил Наш Сосед.— Важно, что у него есть работа, это, наверное, его радует. Знаешь, я получил письмо от коллеги из Города Веселых Людей. Он заведует там новой клиникой. Может быть, к осени я тебя туда отвезу. Если, конечно, наш дурачок король откроет границу.

— Но лечение там, наверное, будет стоить уйму денег?

— С нас мой коллега не возьмет ни копейки, мы старые приятели, вместе учились. Я ему сказал, что речь идет о моей невесте.

Рука Беляны, державшая утюг, остановилась.

— Это ты зря сделал,— тихо промолвила она.— Я тебе уже говорила, что замуж за тебя не выйду. Тебе нужна здоровая, работящая жена, а не калека. Я понимаю, что ты мне сочувствуешь как врач. Но...

— Но жениться я собираюсь не на пациентке, а на человеке, которого люблю,— твердо сказал он.— На тебе.

— А этот человек передвигается с помощью коляски.

— Ты опять за свое!

— Не будем ссориться. Осенью, если мы поедем туда и я возвращусь здоровой...

— Какая бы ты ни возвратилась, осенью мы поженимся.

— Ты понимаешь, что хочешь взвалить на свои плечи?

— Вполне, я ведь уже не школьник, весь романтический мусор у меня давно уже выдуло из головы. Мне пора жениться, и ты мне в этом поможешь,— подмигнул он.

Истек месяц. Была средина июня, жаркого, безветренного. Влажность от близости моря делала воздух неподвижным и вязким, белье, вывешенное хозяйками в садах или на чердаках, долго не просыхало, поручни на судах, тяжелые кнехты на причалах, даже черенки лопат, торчавших в грядках,— все было покрыто липкой испариной.

Работать в духоте мастерской становилось невыносимо. И Умельца утешало, что работа подошла к концу. После полудня в субботу он, наконец, выключил сушильные лампы, воткнул в банку кисть, которой наносил последние черточки на костюмах гигантских кукол в соответствии с эскизами, выполненными знаменитым художником тоже по заказу Большого Мешка.

В мастерской было тесно от этой молчаливой и странной толпы деревянных мужчин и женщин. Оглядев их еще раз, Умелец стал вкладывать фигуры одну в другую. Закончив, удовлетворенно потер руки и пошел к ближайшему автомату звонить в канцелярию Большого Мешка...

Ночью, когда луна, закутанная в дымку тумана, повисла над городом, как большой матовый фонарь, во двор к Умельцу въехал крытый фургон. Грузчики осторожно положили двухметровую куклу-матрешку на поролоновые подушки, настеленные на дно кузова, и машина двинулась по пустынным улицам к резиденции Большого Мешка.

Когда прибыли, куклу внесли в гигантский, похожий на стадион, зал, освещенный лампами дневного света, поставили

на фоне черной стеклянной стены. Рабочих тут же услали, и они остались втроем: Большой Мешок, Умелец и его кукла.

Большой Мешок долго и внимательно разглядывал куклу, пораженный ее сходством с человеком.

— Как живая,— сказал он, чувствуя, как у него начали зудеть ладони.— А морда, морда! Гонору-то сколько! Похожа на одного капрала, служил у нас в роте лет тридцать тому назад... Что ж, неплохо,— сдержал порыв восхищения: не такой он был человек, чтобы при ком-то чем-то восторгаться.— Давай и назовем его Капралом... Ну, а как остальные?

— Сейчас поглядим,— усмехнувшись, сказал Умелец, снял с Капрала верхнюю часть туловища и стал извлекать одну за другой остальные куклы, выстраивая их, все двести, вдоль стены. Вскоре зал оказался заполненным сборищем странных людей — мужчин и женщин.

Расхаживая вдоль этого диковинного строя, Большой Мешок сопел от радости, ему казалось, что эти немые изделия человеческих рук вот-вот заговорят с ним, настолько они были натуральны, даже выражение лиц и глаз. Особенно у второго по росту, стоявшего рядом с Капралом: то ли лень, то ли безразличие отпечатались на рыхлом лице, сонно-недоумевающи были глаза, в которых проглядывало то тайное лукавство, то какая-то пустота.

— Этого мы назовем Пустым,— ткнул в него пальцем Большой Мешок.

Умелец понял, что заказчик работой доволен.

— Теперь вам не будет скучно, развлекайтесь,— сказал он и кивнул на толпу кукол.

— Да уж,— хмыкнул Большой Мешок.

— А как же с моей дочерью? — напомнил Умелец.— Вы обещали...

— Обещал, обещал,— потер тот подбородок.— Я свои обязательства выполняю. Через неделю за ней приедут и положат в клинику к нашему Академику. Команда ему уже дана. Все будет в порядке.

— Коли так — спасибо. Будем ждать.

— Теперь можешь идти,— сухо сказал Большой Мешок.— Ты мне больше не нужен.

— Бывайте здоровы,— мотнув головой, Умелец вышел из зала.

Большой Мешок еще раз оглядел парад кукол и, удовлетворенно усмехнувшись, нажал кнопку на боковой стене. Она тотчас раздвинулась, и он сказал в открывшуюся сумеречную глубину:

— Войди!

Вошел Академик.

— Вот они,— указал Большой Мешок на деревянные фигуры.

— Прямо жуть берет, до чего они человекоподобны,— поеживаясь, сказал после паузы Академик.

— Вот это — Капрал. А это — Пустой,— разъяснил Большой Мешок.— Остальным дашь профессии жандармов, чиновников-бюрократов, разных там торговцев, маклеров, беспрерывно танцующих мужчин и дамочек. Они не должны ничем отличаться от обычных городских жителей, кроме способности внушать всем свое примитивное мышление, которое будет опираться только на примитивные желания, инстинкты. Это должно быть как эпидемия, и распространять ее должны они. Ты понял?

— Да-да!

— Сколько тебе понадобится времени, чтобы начинить их всем этим?

— Две-три недели.

— Хорошо. Одновременно возьмись за дочь Умельца и поставь ее на ноги. Я обещал.

— Хорошо.

— Этих,— он скосил глаза в сторону кукол,— уложи друг в друга и отвези в лабораторию. И чтоб ни одна душа не знала! — Большой Мешок вышел из зала.

Хозяйство Академика — его лаборатории — располагалось в одном из самых высоких зданий города. Восемнадцать этажей из стекла и бетона. Тут работали лучшие электронщики, медики, биохимики, биофизики, микробиологи. Им было предоставлено самое что ни есть современное оборудование, заказанное Академиком на деньги Большого Мешка в самых популярчых зарубежных фирмах.

Четыре этажа занимали лечебные корпуса. В одной из палат, сиявшей никелем приборов, белизной эмали, лежала Беляна, отделенная от внешнего мира тяжелыми сиреневыми шторами. Воздух, которым она дышала, был смешан с легкими наркотическими парами, напоминавшими запахи чабреца и полыни, словно в жаркой летней степи. Сознание девушки было отуманено. Все, что происходило вокруг, она воспринимала как сон, ей казалось, что она идет по вольному степному простору легким, почти летящим шагом, в звонко-пустом синем небе поют жаворонки, а нежная трава ласково касается босых ног. И это ощущение долгого и неутомительного пути, который нигде не начинался и не имел конца, было радостным, потому что с каждым шагом

она все явственней чувствовала силу и надежность своих ног, ей хотелось идти дальше и дальше, уверенно ступая по теплым травам.

На приборах, стоявших вдоль одной стены, мигали красные, зеленые и синие лампочки, а на большом экране монитора слегка пульсировало цветное изображение: Беляна, идущая по степному безлюдью, ветер легко треплет ее белое платье, отбрасывает за спину копну волос...

Испытания Академик проводил сам. В крытом большом, похожем на ангар, вольере, где не было окон и дверей, а вход находился в люке вровень с полом, стоял начиненный своими собратьями Капрал. Все датчики, шедшие к нему от соответствующих генераторов, были уже отсоединены. Академик находился в другой комнате у телескопического приемника, который воспроизводил все, что делалось в вольере. К приемнику был подключен и звуковой канал. Академик натянул на голову огромные, плотно прилегающие мягкими резиновыми подкладками наушники. Он нервничал: удалось ли осуществить замысел, который был в своем роде уникальным? Если не получится, ему не сдобровать, он знал. Поэтому проверял и перепроверял все на вычислительных машинах по нескольку раз. Оставалось лишь щелкнуть тумблером на универсальном приборе, в который были заложены разработки многих секторов, где трудились химики, биохимики, физиологи, генетики, электронщики, микробиологи, биофизики, математики, физики, специалисты по теории игр...

Академик прильнул к телескопическим окулярам, подправил фокусирующий лимб и передвинул тумблер в рабочее положение. С этого момента куклы должны были зажить своей, самостоятельной жизнью. Отсчет секунд начался. В телескопических окулярах стрелка медленно ползла к красной контрольной отметке. Как только она пересечет ее... Стрелка ползла ужасающе медленно, казалось, вот-вот замрет или завалится назад, а это означало крах. Академик почувствовал, как от нервного ожидания у него вспотели ноги; он расстегнул ставший вдруг тесным воротник рубахи, расслабил петлю галстука.

«Ну же, ну! — мысленно торопил он стрелку, едва скользившую от одного черного деления к другому.— Импульс, импульс!.. Глобальный импульс!» — шептал он, словно отдавал команду. Наконец стрелка коснулась красного деления, и Академик увидел, как кукла Капрал ожила: откинулась ее верхняя половина, из нутра вышел Пустой, и далее одна за другой, как птенцы вылупляются из яичной оболочки, па

свет божий появились все двести матрешек. Они забегали, загалдели, оглядывая друг друга. Тихо заиграла музыка, которую включил обалдевший от радости Академик. Некоторые куклы тотчас принялись танцевать. Другие, не торопясь, степенно прохаживались вдоль стен, знакомились между собой. В многоголосом шуме Академик улавливал отдельные фразы, по которым угадывались профессии, привычки, склонности, интересы, характеры этих человекоподобных существ.

— Зайдите завтра, зайдите завтра,— сладенько улыбаясь, шептал чиновник-бюрократ свою любимую фразу...

— Нас пригласил на ужин сам... Знаете, кто еще будет на этом ужине? О! — щебетала порхавшая в танце дамочка с выкрашенными перекисью поседевшими волосами...

— Иметь свое мнение? Да вы что, рехнулись?! Это все равно, что носить в штанах ежа: попробуй сядь! Даже если тебе предложил присесть рядом сам король!..— восклицала фигура в элегантном костюме, напоминавшая изысканными манерами то ли сенатора, то ли артиста...

— Нет, все-таки синее круглое лучше, чем белое квадратное,— с серьезным видом произнесло бессмыслицу некое существо.— Уж поверьте мне, я много лет занимаюсь наукой и знаю, что лучше...

— Никто не знает, что такое лучше,— сонно заметил Пустой...

— Слишком веселая музыка. Ищите крамолу,— пробубнил усатый жандарм...

И только Капрал молча слушал и взирал на своих единоутробных сородичей, в головах и туловищах которых не было даже мякины...

— «Ничего себе компания!» — весело и вместе с тем со страхом подумал Академик, но, успокоив себя мыслью, что сотворил эти существа ради науки, отправился докладывать о полном успехе Большому Мешку.

Беляне разрешили вставать. Сперва она робко ступала по навощенному паркету, стараясь держаться ближе к стене, чтобы успеть в случае чего опереться. Но с каждым днем робость все больше уступала место радости, ощущению счастья от того, что она уже сорок минут плавала в бассейне, ездила на велосипеде по дорожкам крытого стадиона, играла в теннис с молчаливым парнем, который сказал ей, что он спортивный врач. Перед ужином она прогуливалась по прекрасному парку, расположенному во внутреннем дворе клиники. Ей все еще не верилось, что сбылось такое чудо, что это не во сне, а наяву. Гуляя по аллеям, она

понимала, что все в этой клинике — для избранных, что простой люд и мечтать не смеет сюда попасть. Ощущая, как под ногой хрустит гравий, Беляна вспоминала себя здоровой шестилетней девочкой, когда еще мать была жива; вспоминала, как вдвоем они ходили вдоль берега моря, собирая янтарь, выброшенный прибоем. И ей снова захотелось туда, к высоким зыбучим дюнам, на которых росли сосны; ветви их были уродливо изогнуты сильными ветрами, дувшими осенью и ранней весной со стороны залива. Ей хотелось поделиться радостью с отцом и с Нашим Соседом. Человек, полагала Беляна, не может да и не должен быть счастлив в одиночку, иначе это чувство померкнет или просто станет в тягость. Но визиты к ней были запрещены Академиком, и она оставалась наедине с собой и своими мыслями, с нетерпением ожидая дня, когда сможет покинуть клинику...

Однажды, возвращаясь с прогулки, Беляна решила подняться на свой этаж не лифтом, а пешком. Она легко одолела лестничные марши, весело считая ступеньки, и двинулась по коридору, но заметила, что ошиблась этажом. Обнаружила, когда была уже в конце коридора и из открытой в какое-то помещение двери услышала голоса. Разговаривали двое:

— Ерунда все это! Люди должны хотеть то, что им внушают! И тогда они будут уверены, что именно этого и желали. Так-то лучше.

— А кто знает, что лучше? — вяло спросил другой.

— Я! — ответил первый.— Ты кем хочешь быть?

— Никем.

— Ну и дурак!

— А зачем кем-то быть? Когда ты никто, с тебя и спросу нет. Если всем хорошо, тогда и тебе хорошо, если всем плохо, тогда тебе опять же хорошо: ведь не знаешь, что оно такое — «лучше», может, то самое «плохо» и есть «лучше», потому как худшему предела нет.

— Пустая твоя башка!

— А я и есть Пустой...

Беляна была удивлена этим разговором. Заглянув в дверь, она увидела, что в огромном, похожем на ангар зале прохаживаются, беседуя, два странных человека.

— А где все остальные наши? — спросил Пустой.

— В городе, где же им еще быть. Кто в ресторанах пляшет, кто в конторах протирает штаны, жандармы наводят порядок, разгоняют демонстрантов.

— Ты-то что собираешься делать, Капрал?

— Еще не решил, раздумываю.

— А мне бы поспать сейчас,— сонно сказал Пустой.

— Кто же тебе мешает? Влезай и спи. Умелец все предусмотрел.

— И то верно.

Они остановились, и Беляна ахнула: верхняя часть туловища Капрала откинулась, в нее влез Пустой, затем все стало на свое место, и Капрал продолжал раздумчиво вышагивать вдоль стены.

Потрясенная девушка тихонько отошла от двери, оглянулась, не обнаружил ли кто ее присутствия, и метнулась к лестнице, быстро взбежала на свой этаж, вошла в палату и опустилась в кресло. То, что ей открылось, ошеломило. Она знала, что отец ее великий мастер, он мог создавать куклы любого размера, полные внешнего сходства с живыми людьми, но чтобы они разговаривали и двигались!.. Беляна начинала догадываться, что это уже не заслуга отца, а кого-то другого. Однако кого и зачем?.. Ах, как не хватало ей сейчас отца, чтобы поговорить с ним откровенно, или Нашего Соседа, чтобы рассказать обо всем и узнать его мнение на сей счет!..

На плече у Капрала Академик сделал маленький секретный замочек, единственный ключ от которого хранился теперь у Большого Мешка. Утром, отперев замочек, Большой Мешок выпускал всю рать на волю. К полуночи, когда куклы возвращались и снова влезали одна в другую, Большой Мешок запирал их ключом, лишая возможности выбраться из чрева друг друга: их надежно стерегла оболочка Капрала, который и сам оставался лишенным возможности передвигаться из-за тяжести ста девяноста девяти собратьев, покоившихся в его нутре.

Но целый день куклы были предоставлены самим себе. Смешавшись с горожанами, своими разговорами, поступками внушали людям, что возможности у всех равные, надо уметь только ими воспользоваться; что бедность — от лени, и завидовать богатым, зариться на их добро незачем, надо просто учиться у них делать деньги; что совесть — штука ненадежная, она мешает достичь успеха; что жалость и сочувствие только сбивают с толку, когда есть возможность ухватить кусок пожирнее или влезть в более высокое кресло; что от невежества больше проку, чем от образованности, поскольку оно высвобождает здоровые человеческие инстинкты, закрепощенные всякими древними правилами, заставляющими человека копошиться в себе, терять время на выяснение, что нравственно, а что безнравственно.

И только Капрал, прихватив Пустого, ходил по городу,

присматривался ко всему, прислушивался, но молчал, не вступая ни с кем ни в какие беседы. Пустой плелся с ним рядом, сонно поглядывая по сторонам, иногда бормотал:

— Суетятся людишки. А зачем? Вон, демонстранты требуют работы. На что она им?

— Хотят лучше жить,— отвечал Капрал.

— А кто знает, как будет лучше? Никто. А зачем полиция их разгоняет?

— Тоже чтобы кому-то было лучше,— усмехнулся Капрал.

— А кто знает, что такое лучше? Никто,— снова пробубнил свое Пустой...

Однажды, смешавшись с толпой на людной улице, они потеряли друг друга. Был жаркий день. В скверах наряженные дамы прогуливали на поводках своих породистых псов, обвешанных медалями и решали очень важную проблему — какая нынче самая модная обувь: каблук спереди или сзади. Одна дама сообщила, что модно нынче носить обувь на два размера меньше. Ей никто не возразил: дама эта была женой секретаря помощника Большого Мешка, слыла законодательницей мод; на промтоварные базы привозили для нее все в единственном экземпляре: она не терпела, если кто-нибудь носил то, что и она.

Веселой стайкой шли студенты с лекции. Они обсуждали появление нового преподавателя физики, который заявил им, что дважды два — четыре и что это самое главное и единственное, что они должны усвоить. Все остальное мусор, которым забивать голову не следует. (Они не знали, что этот преподаватель — один из тех, кого создал Академик).

Возле кафе «Весенняя прохлада» толпилась очередь: здесь продавали прохладительные напитки и мороженое. Подъехал грузовик-фургон, рабочие начали выгружать бидоны с мороженым, сносили их в кафе. И тут Пустой заметил, как какой-то мужчина в темном костюме, в шляпе и в очках пробрался в фургон, стал открывать бидоны и сыпать в мороженое соль из большой пачки.

Проделав все это, он быстренько выбрался, вороватo оглянулся и пошел своей дорогой. Пустой постоял, подумал, что надо бы предупредить рабочих и хозяина кафе, но решил, что это его не касается, и двинулся следом за мужчиной в темном костюме, в шляпе и в очках. Настиг его на углу, остановил:

— Слышь, — сказал Пустой, — мороженое-то сладкое, а ты в него соли насыпал. Это зачем?

— Затем, что мне вчера в ресторане кто-то наложил гор-

чицы в компот,— ответил мужчина.— А ты что, пойдешь в кафе и оповестишь, что в мороженом соль?

— Это меня не касается,— пожал плечами Пустой.

— Правильно!

— Ты думаешь?

— Конечно.

— Ну и ладно,— Пустой поплелся дальше.

Вскоре он вышел на окраину города, в кварталы, где жила беднота. Возле фабрики под каменным забором сидело несколько человек в рабочих комбинезонах. Они обсуждали итоги последней забастовки, смачно ругали Большого Мешка, пускали по кругу единственную пачку сигарет и говорили, что если к осени не найдется работа, придется из города уезжать, подаваться куда-то на заработки.

И в это время с криком: «Пожар! Пожар! У Наладчика дом горит!» — прибежали, взбивая пыль босыми ногами, мальчишки. Рабочие подхватились, бросились в переулок, над которым вился темный дым. Когда Пустой добрался туда, он увидел, что дом не дом, но хибара какая-то горит, а вокруг народ с ведрами, качают из колонки воду, носят на пожарище, растаскивают баграми пылающие бревна, несколько человек метнулись в дверь дома, стали помогать хозяевам таскать скарб.

— А ты чего стоишь, рот разинул?! — пробегая с ведром, спросил у Пустого какой-то мужчина.— Помоги помпу заправить!

— Это меня не касается,— пожал плечами Пустой.

— Тогда вали отсюда!

— Зачем тушить? — спросил Пустой.

— Лучше не тушить, да?! — оторопел мужчина.

— А кто знает, как будет лучше,— сказал Пустой и, повернувшись, медленно подался прочь. Он шел и думал: «Господи, сколько хлопот люди себе устраивают: из-за соленого мороженого, из-за пожара. Лучше бы легли да поспали, жизнь должна идти сама по себе, а люди тоже сами по себе. И ничего не выяснять, потому что выяснить ничего нельзя...»

Потеряв Пустого, Капрал был доволен. Ему хотелось побыть одному, разобраться во всем, что видел и слышал. Так он забрел в пустынный диковатый уголок лесопарка. У старого пруда, затянутого ряской, возле каменных глыб, вросших в землю, он заметил молодого человека в широкой белой блузе. Тот сидел перед этюдником и писал маслом на листе загрунтованного картона пейзаж: пруд, ветлы, склонившиеся над водой, полуразвалившуюся беседку с колоннами.

Из-за кустов Капрал долго и сосредоточенно наблюдал, как творил живописец, как легко касался красок на палитре, как мягко укладывал мазки тонкой кистью.

«Вот работа, достойная меня! — с восторгом думал Капрал.— Именно этим и нужно заняться. Тут и слава и деньги».

Вскоре из-за кустов вышла миловидная девушка, неся судочки с едой.

— Пора обедать, милый,— позвала она художника.

— Сейчас, сейчас, я поймал на кончик кисточки солнечный луч, боюсь его потерять, хочу найти ему место на этюде,— отозвался художник. Еще несколько минут он осторожно и нежно прикасался кистью к картону: — Ну вот, теперь можно и передохнуть.— Он направился к девушке, обнял ее за плечи, и они удалились к поляне, скрытой высокими кустами бузины.

Подождав какое-то время, Капрал, озираясь по сторонам, подошел к этюднику, сложил в него краски, палитру, кисти, захлопнул крышку, запер и, перебросив через плечо широкий ремень, быстро зашагал прочь.

Теперь он знал, чем ему заняться, и был весел, словно с похищенным этюдником к нему пришла независимость, сулившая в будущем многое, о чем он и представления не имел.

Возвращение Беляны домой решено было отпраздновать. Умелец загодя сходил на рынок, купил бараньи ребра, кусок телятины, крупную белую фасоль, сельдерей, помидоры, брюссельскую капусту. Знакомые продавцы и продавщицы, дивясь, спрашивали у него, по какому такому случаю он разгулялся, денег не жалеет. А он весело отвечал им, что у него самый большой праздник, какой только и может быть у отца: Беляна приходит домой из клиники, именно п р и х о д и т, сама, своими ногами. Все удивленно ахали, кивали головами, радовались за него и даже сбрасывали цену, когда Умелец покупал у них лук или чеснок.

Помочь ему приготовить праздничный ужин пришла соседка — жена краснодеревщика, дебелая, пухлощекая и говорливая женщина. Сперва они сели обговорить меню. Все, что предлагал Умелец, она отвергала.

— Ну что ты в этом смыслишь? — говорила она.— Эдак просто испортишь мясо, никакого вкуса и никакой торжественности. Мякоть я нашпигую свиным салом и чесноком, запеку в тесте. Ребрышки потушу с овощами, с фасолью, туда надо стакан красного вина влить. Есть у тебя? Ну вот... И вообще, не лезь в это дело. Сама управлюсь...— Она ра-

зожгла огонь в очаге, приготовила кастрюли и кастрюльки, большой чугунный казан. Несмотря на свой большой рост и полноту, двигалась быстро, все у нее спорилось, ладилось, и Умелец, наблюдая, как она ловко стряпала, покуривал свою трубочку и добродушно улыбался...

А вскоре подошло время, главное время. И растворилась дверь, и в проеме Умелец увидел Беляну. За нею стоял Наш Сосед. Умелец почувствовал, как заколотилось сердце, перехватило, сжало дыхание, ноги ослабели — он с трудом поднялся со стула. А дочь стояла в дверях и улыбалась, их разделяло несколько метров, и Умелец со страхом подумал, как она одолеет эти метры: ведь он еще не видел, как дочь передвигается. Но заметить это он так и не успел: Беляна словно пролетела разделяющее их расстояние, и уже он ощутил ее объятия, запах волос у своего лица. Умелец заплакал...

А потом был ужин втроем,— жена краснодеревщика деликатно удалилась. На столе стоял кувшин с мягким розовым вином, которое к этому особому ужину, зная, по поводу чего он, прислал из своих запасов живший неподалеку небогатый фермер, имевший небольшой виноградник.

Вкусную еду запивали легким вином, разбавленным водою, и говорили, говорили, говорили.

Уже к полуночи, когда, казалось, обо всем главном было переговорено, Беляна, посерьезнев, вдруг сказала отцу:

— А ведь твои последние куклы ожили.

— Это в каком смысле? — не понял Умелец.

И она рассказала, как случайно подслушала разговор Капрала и Пустого.

— Надо же! — удивился отец.— Кто же в них жизнь-то вдохнул?

— Тут важно не кто, а зачем,— сказал Наш Сосед и переглянулся с Беляной.

— Да, такого с моими игрушками еще не бывало,— покачал головой Умелец.— Это все Большой Мешок удумал! — воскликнул он и тут же осекся, вспомнив клятву, данную заказчику,— никогда, ни при каких обстоятельствах не называть его имени.

Беляна и Наш Сосед снова переглянулись.

— Что ж, отец, иди отдыхай,— сказала она, заметив, как тот устал и немножко осоловел от радостного возбуждения, обильной еды и вина.— Я уберу и помою посуду. Иди отдыхай,— повторила Беляна.

Еще не веря, что дочь дома, здорова после стольких лет сидения в коляске, Умелец, оглянувшись на молодых

людей, отправился к себе в комнатушку, лег и тотчас уснул.

Светила белая полная луна, у плотины, где старая мельница, журчала вода. В мире был разлит покой, сияние луны недвижно лежало на деревьях, на дальних лугах, где начинал дымиться легкий туман. А на большом пористом валуне, над ручьем, сидели Беляна и Наш Сосед. Он держал ее нежно за руку, и это соприкосновение тепла и доверия делало их самыми счастливыми. Они долго молчали, всматриваясь в красоту ночи, в зыбкий туман, серебряно стелившийся в пойме.

— Что же замыслил Большой Мешок, оживив куклы отца? — нарушив молчание, спросила Беляна.

— Сейчас еще трудно сказать, но, думаю, от этого прохвоста хорошего ждать нечего,— ответил Наш Сосед.

— А по городу никаких слухов?

— Слухов никаких, но происходят странные вещи.

— Что именно? — повернулась к нему Беляна.

— Люди поражены какой-то бездуховностью, пассивностью, безверием... Как бы тебе сказать... этакое безразличие ко всему гражданственному. Как эпидемия какая-то: серые мысли, серые желания. Резко упал спрос на хорошие, серьезные книги, театры пустуют, спектакли играют почти без зрителей.

— Думаешь, здесь есть какая-то связь?

— Судя по разговору, который ты случайно подслушала, какая-то связь есть. Но какая?

— Надо обязательно узнать. Тебе это легче сделать, чем мне, ты бываешь среди людей, а с врачами они откровенны.

— Пожалуй...

Уже начинало светать, когда, проводив Беляну, Наш Сосед отправился домой. Шаги гулко звучали в тишине спящего города, в последнем свете луны поблескивали влажные от росы шашечки брусчатой мостовой. Он шел по пустынной улице, встревоженный разговором с Беляной, и пытался сопоставить все, что слышал и наблюдал среди горожан. И тут Наш Сосед вспомнил о человеке, который, возможно, хоть что-то прояснит...

В уединенном глухом месте, где некогда был карьер и где добывали редкую глину для фарфоровых заводов Большого Мешка, Капрал раскрыл этюдник, уселся на складной стульчик и взялся за кисть. Здесь было пустынно, безлюдно, сюда давно никто не заглядывал: запасы глины иссякали, место стало гиблым, тоскливым, осыпи, обвалы,

ни деревца, даже трава не росла. Но Капрала это только радовало, поскольку давало полную уединенность и уверенность, что его никто не обнаружит, не потревожит. Он малевал все, что видел: серую землю, сбитые камнепадом, подгнившие уже столбы старой подвесной канатной дороги, по которой прежде ползли вагонетки с глиной; малевал какую-то ржавую арматуру, болотце стоячей воды, возникшее в большой яме, высохшие пни изведенной бульдозерами рощи, торчавшие, как зубья, из загубленной машинами и ковшами унылой земли.

Малевал он долго, этюд за этюдом, любуясь результатами своей работы и думая, каких высот достигнет, как наперебой хозяева салонов и магазинов, где продаются художественные изделия, начнут покупать все, что он сотворит, давать заказы,— одним словом, признают его выдающимся живописцем.

Намалевав таким образом с десяток картинок, понукаемый тщеславными мечтами, он отправился в город. В центральном художественном салоне, куда он зашел прежде всего, хозяин, разложив на полу его этюды, прошелся взад-вперед, разглядывая их, затем ногой сгреб в кучу и с неприязнью посмотрел на Капрала.

— И ради этой мазни вы отвлекли меня от дела? — спросил он, указав носком туфли на этюды.— Забирайте этот хлам да поживее убирайтесь отсюда...

Выйдя из салона, Капрал двинулся в магазин сувениров. Владела им худая высоченная женщина, она носила большие, закрывавшие половину лица, темные очки и расшитое бисером пончо из белой шерсти, длинный ворс которого можно было расчесывать.

— И это вы принесли мне? — удивленно хихикнула она, разглядывая еще пахнущие краской картонки.

— Вам, — твердо ответил Капрал. — Продам оптом за сто буллей *.

— Знаете, где их нужно повесить?

— Где?

— В огороде, на жердях, чтобы пугать ворон,— захохотала хозяйка магазина.— Я заплачу вам один булль с уговором, что вы заберете весь этот мусор и больше здесь не появитесь...

— Но я художник,— сцепив зубы, промолвил Капрал.

— Кто вам это сказал? — усмехнулась женщина.— Самое большее, на что вы можете рассчитывать, так это на малевание вывесок для колбасного магазина...

---

* Булль — денежная единица, имевшая хождение в этом городе.

Капрал оставил без внимания слова насчет колбасного магазина и теперь шел по улице, зло разглядывая витрины, прохожих, и думал о том, что ему делать. Тут на глаза ему и попался магазин главного Колбасника, которому в городе принадлежали все магазины, магазинчики и лавчонки, где торговали колбасами.

«А может, и в самом деле?..— подумал Капрал.— А может, действительно попробовать?..» — и он толкнул дверь, над которой висела погасшая, поскольку был день, неоновая вывеска «Колбасные чудеса».

— Позовите хозяина,— властно обратился Капрал к администратору, сидевшему за конторкой в углу торгового зала.

— Сию минутку,— тот нажал на клавишу и что-то произнес в микрофончик на изогнутой подставке.

Капрал ожидал увидеть краснорожего здоровяка с мощными плечами и тяжелой спиной. Но к нему вышел маленький хиляк с детскими ручками, с лицом старенького гнома. Капрал глянул на его ноги и подумал, что туфли он носит, наверное, тридцать третьего размера и покупает их, очевидно, в магазине детской обуви.

— Слушаю вас,— пропищал гномик.— Вы чем-то недовольны? У вас жалоба?

— Я по делу,— буркнул Капрал.

— Тогда пройдем в кабинет,— пригласил его гномик.

В огромном кабинете он усадил Капрала в кресло, в другое большое и вместительное влез сам и почти исчез в нем.

— Какое же у вас дело? — осведомился хозяин колбасных магазинов.

— Вы довольны торговлей? — спросил Капрал.

— Если честно, то не очень.

— Сами виноваты,— сказал Капрал.

— Почему же?

— У вас над магазином висит неоновая вывеска «Колбасные чудеса». Зажигается она вечером и горит всю ночь. Так?

— Так.

— А кому она нужна в эту пору? Никому. И днем ее почти не видно, какие-то погасшие стеклянные трубки.

— Пожалуй, вы правы. Что предлагаете?— оживился гномик.

— Нужны хорошие вывески по всему городу, щиты с рисунками товара у входа во все ваши магазины. И каждый месяц их необходимо обновлять.

— И вы готовы взяться за это? — спросил гномик.

— Готов. Тут все, что требуется: краски, кисти,— ткнул Капрал в этюдник.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько вы хотите за свою работу?

— Пятьдесят буллей в месяц,— изрек Капрал.

— Ну вы хватили! — заулыбался собеседник.— Это пойдет по статье «накладные расходы». А там предусмотрено на подобные расходы всего десять буллей. Бухгалтерию у меня ведет жена, а человек она строгий.

— Сорок пять,— снизил Капрал.

— Десять,— стоял на своем хозяин.— Иначе дебит с кредитом не сойдутся.

— Сорок,— отступал Капрал.

— Десять,— провизжал гномик. — И то с месячным испытательным сроком...

Они торговались еще полтора часа. Капрал уговаривал, сдавал позицию за позицией, обещал так малевать на вывесках колбасы и сосиски, что от них будет исходить живой дух. Но писклявый, верткий хозяин был тверд. И когда Капрал в отчаянии назвал последнюю цифру — двенадцать буллей,—он был уже весь в поту, измочален, губы его дрожали.

— Нам с вами больше не о чем говорить,— поднялся с кресла хозяин. — Человек вы неуступчивый, упрямый. А с упрямыми людьми я вообще опасаюсь иметь дело...

«Ах ты гнида! — свирепел от неудачи Капрал, покидая кабинет.— Мокрица, да я тебя...» — сжимал он кулаки, плетясь по шумной улице сам не зная куда.

Было совсем поздно, когда он добрел до своего пристанища, где его ждал Пустой и куда собирались на ночлег остальные куклы.

— Как дела?— лениво осведомился у него Пустой.

— Какие там дела! — мрачно отозвался Капрал.— А что у тебя?

— Все хорошо.

— Что делал?

— А ничего. Спать хочется,— зевнул Пустой.

— Ну и отправляйся,— Капрал откинул верхнюю часть туловища. Пустой влез внутрь и тут же захрапел.

Через час, когда остальные матрешки влезли одна в другую, Большой Мешок, пересчитав их, запер Капрала на ключ. Наступила ночь.

На следующий день в обеденное время Наш Сосед позвонил в одну из лабораторий Академика.

— Слушаю,— отозвались на другом конце провода.

— Это ты, Пробирочка? — узнал Наш Сосед голос своего однокашника по институту. Они дружили в те годы, сейчас поддерживали добрые отношения. И хотя тот работал ассистентом у Академика, Наш Сосед по старой памяти все еще называл приятеля шутливым студенческим прозвищем «Пробирочка».

— Как живешь, доктор? — спросил Пробирочка.

— Повидаться надо,— ответил Наш Сосед.— Найдешь время?

— Давай в обеденный перерыв.

— Где?

— Можем в кафе «Дырка от бублика».

— Договорились...

Кафе находилось в укромном месте лесопарка. Посещала его в основном молодежь, цены тут были терпимые, и кафе никогда не пустовало. Летом столики выносились на зеленый газон под огромные парусиновые тенты, где всегда была прохладная тень...

Они встретились ровно в час дня, весело оглядели друг друга, отыскали столик на двоих и заказали по бокалу лимонного сидра с поджаренными кукурузными хлопьями. Поговорили о том, о сем, о работе, о жизни вообще.

— Так что там у тебя? — спросил Пробирочка, понимая, что у приятеля имелся какой-то серьезный повод для встречи.

— В городе происходят странные вещи. Что-то непонятное творится с людьми,— и Наш Сосед рассказал о своих наблюдениях, о том, что были оживлены куклы, изготовленные Умельцем.— У вас там никаких слухов насчет этого? Может, велись какие-нибудь работы?

Пробирочка задумался.

— Мы же работаем совершенно изолированно друг от друга, каждая лаборатория. Нам запрещено интересоваться, чем занята соседняя лаборатория. Все дорожат своим местом, и это условие выполняется неукоснительно,— сказал Пробирочка.

— В истории с оживлением кукол твой шеф так или иначе должен быть замешан. Он, конечно, сукин сын, но талантлив, этого не отнимешь. Большой Мешок не зря вкладывает в ваше заведение огромные деньги, знает, что отдача будет,— предположил Наш Сосед.— Смотри, какая выстраивается цепочка: Умелец изготовляет партию кукол, потом кто-то их оживляет, и через какое-то время в городе начинается эпидемия бездумия, безволия, бездуховности, над людьми начинает властвовать примитивное мышление,

высвобождаются самые низкие инстинкты. Значит, кому-то это нужно. Кому? Только Большому Мешку и его шайке. Оболваненный народ — самая податливая глина: лепи, что хочешь.

— Пожалуй, ты прав,— Пробирочка покусывал соломинку, через которую пил сидр.— Я вспомнил одну деталь, сперва не придал ей значения, но сейчас...— он откинулся на спинку стула.— Наш заведующий складом генетических импульсов большой любитель выпить. Однажды мы вместе возвращались с работы. Он уже хлебнул где-то, а по дороге все время прикладывался к маленькой стеклянной фляжке, которую носит в заднем кармане; был изрядно пьян и зол, а потому и словоохотлив. Зол, как оказалось, был на шефа: тот устроил ему разнос за то, что на складе не нашлось нужного количества материала: какая-то лаборатория начала его непомерно расходовать. Оттуда все время приходили люди с нарядами, подписанными самим шефом, и уносили коробки с генетическими импульсами. Главное же, что удивило даже заведующего складом, это то, что наряды были на генетические импульсы, заряженные только отрицательными качествами. «Вы что, собираетесь выращивать сплошных тупиц и негодяев?» — спросил он шутя у одного из сотрудников лаборатории, когда тот явился за очередным контейнером импульсов... Вот теперь и сопоставь...

Они помолчали, каждый раздумывал над тем, что услышал.

— Это очень опасно,— наконец промолвил Наш Сосед.

— Больше, чем ты себе представляешь, — отозвался Пробирочка.— Импульсы эти обладают зарядом невероятной силы, поэтому их можно вживлять даже путем внушения. Они проникают в клетки мозга настолько глубоко и прочно, что становятся носителями наследственности. Последующие поколения людей будут обладать этими генами как уже собственными, врожденными. И пойдет: от детей к внукам, от внуков — к правнукам и так далее.

— Что же делать? — встревоженно спросил Наш Сосед.

— Единственный выход — изловить, разоблачить, уничтожить эти куклы, пока дело не зашло слишком далеко.

— Но как ты их опознаешь! — сокрушенно воскликнул Наш Сосед.— Они разбрелись уже по всему городу и ничем не отличаются от прочих граждан: вроде люди как люди, разве что полые внутри.

— Тут я помочь ничем не могу. Думай сам... Прости, мне пора, у нас опаздывать нельзя.— Пробирочка посмотрел на часы, поднялся.

— Спасибо тебе,— Наш Сосед крепко пожал его руку,

Утром, едва Большой Мешок отпер замочек и выпустил из нутра Капрала остальных марионеток, все тотчас же ринулись в город. Сонно зевая, потащился за всеми и Пустой. Ему ничего не хотелось, только бы его никто не трогал, не заставлял что-либо решать или предпринимать. Он бродил по улицам и при случае изрекал встречным свое: «А кто знает, как будет лучше и что такое лучше? Никто».

Капрал же, обозленный, что его как художника не признали, что даже колбасник отказался платить ему мизерную сумму за примитивные рекламные вывески, отправился в городской парк.

Было воскресенье. По аллеям разодетые дамы прогуливали на поводках визгливых собачек, няньки катали в колясках детей, веселые моряки с какого-то иностранного торгового судна устроились на газоне и пили пиво, отпуская в адрес прохожих грубоватые шуточки. Где-то играла музыка. Перед толпой на одной из лужаек выступал какой-то оратор, взобравшись на стул и держа в руках микрофон. Голос его, усиленный динамиком, гремел над толпой.

— Граждане! Поддерживайте нашу партию! Мы боремся за то же, что и наш славный король: все должны быть веселы. Лишь веселье позволяет людям быть равноправными!..

На соседней поляне выступал другой оратор; толпа там была погуще.

— Друзья мои! — вскидывал он руку.— Скоро выборы в сенат. От нашей партии выдвинули меня. Я обещаю вам все, чего у вас нет! Я сейчас расскажу вам, чего у вас нет, и вы поймете, что только я нужен вам, как лидер...

Капрал то и дело натыкался на такие митинги по всему парку.

«Ах болтуны, болтуны,— думал он, слушая то одного, то другого выступающего.— Все пустые словеса, за которыми люди ничего реального не видят. Кто же за вами пойдет!?»

В конце парка, где начиналась детская железная дорога, внимание Капрала привлек молодой симпатичный парень. Он стоял на ящиках из-под пива и обращался к людям, заполонившим поляну.

— Я не политик, я врач. Зовут меня Наш Сосед. Я бываю в ваших домах, в ваших семьях, насмотрелся на нужду и несчастья. Сколько лет вам обещают работу, сносное жилье, пенсию в старости?! Но из года в год все остается неизменным. Вас обманывают красивыми словами. Дорогие сограждане! Все вокруг создано вашими руками, полито вашим потом и кровью. Пора вам самим подумать о себе, пора самим брать то, что принадлежит вам. Для этого вам

нужно объединиться, чтоб один за всех, а все за одного. Только так вы сможете прижать богатеев...

Капрал внимательно слушал, всматривался в оратора. А Наш Сосед между тем продолжал говорить о том, что народ пытаются оболванить, превратить в послушных рабов. Он рассказал о куклах, созданных Умельцем, о замыслах Большого Мешка с их помощью превратить людей в бессловесных и пассивных рабов.

— Надо разыскать эти куклы, уничтожить их, разоблачить эту затею! — запальчиво произнес Наш Сосед.

В ответ кто-то выкрикнул:

— А как ты их узнаешь, если они похожи на нас?

— Я, что ли, кукла? — отозвался еще кто-то из толпы.

— Или я?! — раздался еще один голос.

Послышался хохот.

— А как вы докажете, что среди нас есть эти куклы? — вдруг подал голос Капрал, понимая, какая нависла опасность.

— Они пустые внутри,— ответил Наш Сосед.

— Вы что же, будете вспарывать всем животы, чтобы проверить? — Капрал улавливал, что перехватил инициативу.

По толпе прокатился хохот:

— Брось, лекарь, ерундой заниматься! — прокричал сморщенный старичок.

— Сперва говорил дело, а сейчас выдумки какие-то! Чушь! — закричал какой-то мужчина.

Наш Сосед понял, что проиграл. Ответить было нечего.

Обескураженный, он слез с трибуны, еще раз посмотрел в сторону Капрала, но того уже не было...

Покинув парк, Капрал двинулся окраинными улицами, чтобы меньше попадаться людям на глаза.

«Политика! Вот чем я займусь,— думал он возбужденно.— Вот мой удел! Да-да, именно политика... Как ловко я сбил этого врачишку! Одна фраза — и он слинял... Но чтобы заняться политикой, мне нужна свобода! Я должен освободиться от Большого Мешка!» — с этой мыслью он уверенно зашагал домой.

Они сидели на своем излюбленном месте — на берегу, невдалеке от мельницы, откуда доносился плеск воды. Было уже темно. На реке вспыхнул красный зрачок бакена, отмечавшего форватер. Дальше река делала крутой изгиб и, широко разливаясь, впадала в море. Там был порт. И отсюда было видно зарево его огней.

— Капрала сотворил твой отец, не сомневаюсь,— сказал Наш Сосед.

— Но как ты можешь это доказать?

— В том-то и дело... На этом Капрал меня и подловил: «Вы что же, будете вспарывать всем животы, чтобы проверить?» Ловко, конечно, он меня загнал в тупик. А толпа всегда на стороне таких победителей.

— Как же быть?— спросила Беляна, зябко укутывая плечи широким пуховым платком, который достался ей от матери.

— Право, не знаю, но на что-то надо решиться. Выжидать в этой ситуации — самое постыдное и опасное.

— Ладно, идем домой, отец ужинать без нас не сядет...

Будка лифта висела на первом этаже. Найдя пробки, Капрал выкрутил их, лампы погасли, подъезд залила тьма. Капрал спрятался за лифтом, держа в руке обрезок свинцовой водопроводной трубы. Время тянулось медленно, но он ждал терпеливо: приближался час, когда заявится Большой Мешок, чтобы, как обычно, запереть на ночь Капрала и все куклы в нем.

Напряженным слухом уловил приближающийся звук автомобильного мотора. Вскоре машина подкатила к зданию, остановилась. Хлопнула дверца. По мостовой зашаркали знакомые шаги — и в дверном проеме показалась фигура Большого Мешка. Капрал подался назад, ощутив спиной стену, сильнее сжал в ладони обрезок трубы. Споткнувшись в темноте, Большой Мешок чертыхнулся и шагнул к лифту. И в ту секунду, когда он нащупал кнопку, свинцовая труба со страшной силой обрушилась на его затылок. Большой Мешок успел нажать кнопку, и двери стали раздвигаться. Пригнувшись, Капрал нырнул рукой в пиджачный карман Большого Мешка, выхватил ключик, подтолкнул мертвое тело в лифт, утопил кнопку «подъем». Загудел мотор, тросы потянули кабину вверх. Промежуточных этажей в здании не было, Капрал это знал и понимал, что через несколько минут кабина окажется наверху, въедет прямо в зал, вровень с боковой стеной, створки автоматически раскроются, и все увидят в кабине труп Большого Мешка. То-то будет переполоху!..

Он вышел во внутренний двор, обрезок трубы протолкнул в решетку канализационного люка, туда же выбросил и ключик. Выждав какое-то время в темноте, Капрал не спеша стал подниматься по лестнице.

В зале уже царила паника. Труп Большого Мешка лежал на полу, со страхом взирали на него оцепеневшие куклы, кто-то всхлипывал, кто-то метался перепуганно из угла в угол, слышались причитания: «Что же с нами теперь будет?»

— Что будет, то и будет,— пожав плечами, сказал Пустой.

— Лучше нам уже не будет,— сказал кто-то.

— А кто знает, что такое лучше? Никто,— сонно отозвался Пустой.

И когда появился Капрал, все взоры обратились к нему.

— Что происходит? — спросил он.

— Вот,— указали ему на мертвеца.

— Кто же его так? — Капрал обвел взглядом своих сородичей.

— Не знаем! — хором ответили куклы.— Осиротели мы. Что с нами будет?

— Жаль его, конечно,— Капрал покачал головой.— Как-никак мы появились на свет благодаря ему. Но, с другой стороны, вы теперь свободны, никто не станет вас запирать на ключ в моем нутре.

Все одобрительно закивали.

— Теперь ваш руководитель я,— твердо сказал Капрал.— Немедленно разбегайтесь кто куда, чтобы жандармы не занялись вами. Когда понадобитесь мне, уж я-то вас разыщу. В лицо вас никто, кроме меня, не знает. Продолжайте заниматься тем, чем и занимались. А уладить это дело,— он указал пальцем на труп, — я берусь сам, ради вас, конечно. Марш отсюда! — гаркнул он.

Обрадованные куклы опрометью бросились из зала. Рядом с Капралом остался лишь Пустой.

— Идиоты,— ухмыльнулся Капрал вслед своим единоутробным братьям и сестрам.— Ты теперь свободен, что собираешься делать? — спросил он Пустого.

— Ничего. Спать.

— Ладно, так-то оно лучше для тебя.

— Кто знает, что такое лучше? Никто, — промямлил Пустой.— А ты что будешь делать?

— Политикой займусь. Уж я размахнусь теперь! Весь этот разболтанный, мечущийся народец я — вот куда,— сжал он здоровенный кулак.— А ты отправляйся в город. Улицу Пыль Столбом знаешь? Там начали сносить старые дома, но прекратили. В конце улицы есть заколоченная хибара, при ней маленький огород. Тебе одному хватит. Поселяйся в этой хибаре, никто тебя трогать не станет. Живи да помалкивай. Ясно? Пошел вон...

Наконец, оставшись один, Капрал спустился вниз, вышел на улицу. Было совершенно темно. У тротуара на противоположной стороне черной коробкой торчала машина, в которой приехал Большой Мешок. Шофер спал. Стекло на дверце было приспущено.

— Эй,— тихо сказал Капрал шоферу.— Поднимись наверх, хозяин зовет,— и осторожно отскочил к стене дома, прижался к ней, почти слившись с ночной теменью.

Шофер что-то пробурчал спросонья, медленно вылез из машины, не понимая, кто его разбудил, но слова «хозяин зовет» были для него приказом, и он поплелся к подъезду.

Капрал слышал, как взвыл, поднимая шофера, лифт. Ключ зажигания торчал на приборном щитке машины. Через минуту Капрал уже несся по темной улице. Он знал укромное место в порту, где можно было упрятать машину. Загнав автомобиль в темный тупичок между пакгаузами и горами портового утиля, Капрал просидел в машине до рассвета, а едва солнце, как яичный желток, выскользнуло из-за горизонта, отправился в лесопарк. Там в разных уголках с импровизированных трибун выступали ораторы, которых он уже слышал не раз. Этих соперников он не боялся — болтуны, считал он. Единственный противник, с кем следовало считаться, был Наш Сосед. Но, походив по парку, Капрал его не обнаружил.

Когда подошла его очередь, он влез на трибуну.

— Граждане! — обратился он к слушателям.— Все ваши беды оттого, что богатеи-толстосумы озабочены одним: набить свои карманы золотом. Но куда идет это золото? На тряпки и бриллианты их жен и любовниц. Народ пребывает в бедности...

На эти слова толпа откликнулась одобрительным гулом.

— Мы должны сплотиться, создать сильную армию. За рубежами нашего города живут народы, которые не умеют распорядиться ни своей землей, ни ее богатствами. Мы должны забрать это себе, разделить поровну и показать всему миру, кто мы есть!..

Целый день, переходя от трибуны к трибуне, он произносил такие речи.

На следующий день повторилось то же самое. И так — всю неделю подряд. Он видел, чувствовал, что обрел уже единомышленников, толпа нередко отвечала на его слова приветственным ревом. «Война движет прогресс! — выкрикивал Капрал.— Все чужое — это то, что еще не наше!»

После одного из таких выступлений, в конце недели, к Капралу подошли два жандарма, скрутили руки и привели в гигантский дом, где еще совсем недавно звучал властный голос Большого Мешка.

Капрала доставили в огромный Зал Тайн, где за длинным столом восседали члены Главного Правления: Зеленая

Щука, Всеядный, Железный Курок, Пронырливый, Каменнолобый, Механическая Лапа и другие отцы города.

— Ты кто такой? — спросил Железный Курок.

— Капрал.

— Зачем выступаешь на митингах, подбиваешь толпу на беспорядки?

— Народ надо сплотить,— ответил Капрал.

— Зачем? — промычал Зеленая Щука.

— А уж этого я не скажу.

— А мы тебя упрячем в тюрьму! — пригрозил Каменнолобый.

— Ну и что вы выиграете? Вместо меня найдется какой-нибудь Наш Сосед или еще кто-нибудь из этих правдолюбцев.

— А мы и его — за решетку,— сказал Пронырливый.

— Ерунда! Всех не упрячете. Будете только плодить недовольных. Это не выход из положения,— ответил Капрал.

— Ты, что ли, знаешь выход из положения? — спросил Всеядный.

— Да, я! Толпу не надо обижать и унижать. Этому сброду надо вдолбить в башку, что он велик, что он самый лучший. А все его несчастья оттого, что Город Веселых Людей мешает нам жить, что там лучшие земли и магазины, что нанятые специалисты оттуда заняли здесь, у нас, самые выгодные рабочие места...

— И что же дальше? — уставился в него Железный Курок.

— Надо внушить толпе, что единственный наш путь — вооружиться и захватить Город Веселых Людей.

— Война? — подскочил Механическая Лапа.

— Да! — жестко ответил Капрал.— Война уравнивает эмоции и желания людей, нивелирует их потребности, мысли, отвлекает от всех проблем, направляет мысли в одно русло: «Бей всех, кто не наш! Тогда заживем счастливо!»

— А что, это патриотично! — вскричал Каменнолобый.

— Безусловно,— усмехнулся Капрал.

— И полезно для нас,— поддакнул Зеленая Щука.

— Хорошо, действуй! Мы тебе поможем. Что требуется?

— Во-первых — амнистия. Надо выпустить из тюрем всякий сброд, сказав, что я — их освободитель. И я сколочу из этих негодяев ударные отряды будущей армии. Во-вторых, нужны деньги. Для митингов, для подкупа. В-третьих, необходимо всю промышленность загрузить военными заказами. А дальше уже моя забота. Через год я

создам государство с железной дисциплиной, где даже чихнуть никто не посмеет без разрешения. Я сделаю военную профессию самой престижной: на призывных пунктах лоботрясы будут стоять в очереди, мечтая напялить мундир. А пока что на митингах, где я буду выступать, должны стоять бочки с вином, толпа должна пить бесплатно, за мой счет, и внимать моим речам...

— Действуй! — заорали хором члены Главного Правления.

Шло время. Уже не таясь, Капрал разъезжал по городу в машине Большого Мешка, выступал на митингах, муштровал отряды своих отборных головорезов, сменивших тюремную робу на солдатские мундиры. Затянутые ремнями, обутые в сапоги, они маршировали по улицам и площадям, горланили песню «Звон подков», специально написанную для них по приказу Капрала. Был в этой песне такой припев:

К черту совесть, к черту жалость!
Мы назначены судьбой.
Нам войну вершить досталось.
Кровь пустить — благая шалость.
Ты веди, Капрал, нас в бой!

Город словно сошел с ума: газеты, радио, телевидение славили Капрала, цитировали его обещания всеобщего благоденствия. Куклы — сородичи Капрала по его распоряжению носились по городу, трещали без умолку о его величии, о том, что нужно укреплять не дух, а тело, что надо забыть такие слова, как «сострадание», «доброта», «справедливость», потому что они мешают проявлению естественных инстинктов, необходимых для победы над врагом. Слово «нравственность» было запрещено цензурой. Честных людей, пытавшихся вразумить своих соотечественников, преследовали.

— Нас все меньше и меньше, — однажды с грустью сказала Беляна Нашему Соседу.— Идут повальные аресты.

Они возвращались с тайной сходки, где обсуждали со своими единомышленниками, как и где развешивать листовки, разоблачавшие замыслы и дела Капрала.

Собирались обычно поздней ночью в порту. На дальнем причале, где некогда швартовались торговые суда, теперь было пусто, ржавели кнехты. Перед бетонным молом на мертвых якорях стояла позабытая всеми старая самоходная баржа. В ее трюмах еще хранился запах апельсинов: когда-то она ходила в теплые южные края; в каюте капитана, где прежде все блестело надраенной медью и свежей эмалью

и висела клетка с веселым попугаем, который вслед за капитаном картаво кричал: «Отдать шварррtовы!», царило запустение.

Осторожно пробирались по гулкой, грязной палубе к люку, по сходням спускались в тесный кубрик и тут при свете «летучей мыши» обсуждали события, происходившие в городе, вырабатывали планы всяческого сопротивления Капралу. Особенно любили темные безлунные ночи, когда фигуры людей не отбрасывали теней, сливались с черной водой зыбкого моря, с палубными надстройками. Сидя в кубрике, слушали, как размеренно и глухо, ослабев у мола, волны били в ржавые борта отслужившей свое баржи...

— А знаешь, что мне пришло на ум? — вдруг сказала Беляна.

— Что? — спросил Наш Сосед.

— Как можно опознать эти ничтожества, которые создал мой отец.

— Как?

— Ведь он сотворил их по точнейшим эскизам.

— Верно! — шепотом воскликнул Наш Сосед.— Как же это мы раньше не подумали! А где эскизы?

— У отца в мастерской.

— Надо снять с них много копий, расклеить по городу с обращением к народу: вот, мол, кто такой Капрал и его шайка,— возбужденно сказал Наш Сосед, обрадованный сообразительностью своей подруги.

— Да, да! Это будет здорово! Идем быстрей!

И они заспешили вдоль портовых пакгаузов к тайному пролому в кирпичной стене, ограждавшей порт.

Но коварная и изворотливая кукла по имени Капрал была вызвана к жизни не дураком: Капрал давно учел, что Наш Сосед, Умелец и его дочь Беляна — единственные, кто в какой-то мере знают тайну появления на свет всех кукол и его в том числе. И мысль, пришедшая в голову Беляне и Нашему Соседу, на час раньше осенила Капрала, осенила в те специально выделенные им минуты, которые он называл «Размышления о врагах».

Тотчас же последовал приказ: обыскать дом Умельца, эскизы отобрать и сжечь в присутствии Капрала. Умельцу пригрозить, чтобы держал язык за зубами, а дочь и жениха ее изловить и упрятать в самый глубокий тюремный подвал, туда, где содержатся в одиночках все, кто представлял для Капрала хоть малейшую опасность...

Машина с жандармами понеслась по ночным улицам города, погруженного в темень страха.

Беляна и Наш Сосед приближались к дому Умельца со стороны реки и огородов — так было безопасней. Они подошли уже почти совсем близко, когда Беляна увидела, что в окнах горит свет, а за занавесками мечутся какие-то тени, кто-то с зажженным фонариком направился в мастерскую и вскоре вышел оттуда. Беляне даже показалось, что в свете фонаря она различила силуэт отца.

— У нас обыск,— тихо сказала она.

— Похоже,— шепнул Наш Сосед.

Притаившись за кустами сирени, они ждали, что будет дальше. В ночной тишине отчетливо были слышны шаги жандармов, выходивших из дома, голоса.

«Об этих эскизах помалкивай. Ты их и в глаза не видел. Понял, старый дурак?» — произнес кто-то.

«Как ты со мной разговариваешь, щенок? Я — Умелец!» — узнала Беляна голос отца.

«Заткнись! Ты когда-то был умельцем. А сейчас умельцы мы»,— рявкнул тот же человек.

Остальные захохотали.

«Дай ему по морде, Затвор. Что-то больно разговорчив»,— предложил кто-то.

«Успеется, — ответил Затвор. — Слушай, старый дурак, где твоя дочь?»

«Уехала в деревню к тетке,— солгал Умелец, смекнув, что дело неладно.— А оттуда собиралась к какой-то подруге на ферму».

Наш Сосед держал Беляну за руку и чувствовал, как ее бьет озноб.

«А дружок ее, этот лекарь, где? Неужто не появлялся?» — спросил Затвор.

«С тех пор, как дочь уехала, словно сгинул»,— ответил Умелец.

«Если кто из них появится, сразу же сообщи нам. А будешь темнить, повесим за ноги на этом столбе. Понял, старый дурак?» — пригрозил Затвор.

«Как не понять»,— сказал Умелец.

«Пошли отсюда, ребята. Полдела сделано, эскизы у нас»,— скомандовал Затвор.

Они вышли на улицу. Взревел мотор машины — и снова наступила тишина. Дверь в доме хлопнула, и вскоре свет в окнах погас.

— Нам нельзя туда,— сказал Наш Сосед, понимая, что Беляна рвется к отцу.— Там может быть засада.

— Отец... Что же нам делать? — голос ее дрожал. — Куда деваться?

— Нас разыскивают, понимаешь? Хотят схватить,

— Понимаю...

— Мы должны найти безопасное место, чтобы не только отсиживаться, но и действовать. Отцу как-нибудь дадим знать, что мы живы... Я знаю одно место. Старый маяк, за городской свалкой. Туда даже тропинки заросли бурьяном.

— Это километрах в двадцати от города?

— Да. Пока не рассвело, надо успеть добраться. Там нас никто искать не станет...

Свернув с шоссе, Беляна и Наш Сосед пошли полевой дорогой. Город уже остался позади. В пожухлой траве трещали цикады. Теплый ветер, прежде дувший из степи, ослабел, сменился солоноватым свежаком, дышавшим откуда-то из темноты, где слева от дороги простиралось невидимое море. Справа едва виднелись домишки на улице Пыль Столбом, обреченные на снос, но о них городские власти давно забыли, развалюхи эти стояли заколоченные, люди их покинули много месяцев назад, и только мыши иногда забредали сюда, но, порыскав и ничего не найдя, убегали прочь. Лишь в самой крайней хибаре, там, где уже начиналось поле, иногда по вечерам светился огонек: в ней обитал Пустой. Большую часть времени он спал, не зная да и не интересуясь, что происходит в окружающем его мире. В городе бывал очень редко. От одних там слышал разговоры, что когда Капрал завоюет Город Веселых Людей, жизнь станет лучше; от других — что лучше будет, если Капрал не станет воевать. Лежа в своей хибаре на деревянной лавке, Пустой ворочал в голове тяжелые и медленные, как жернова, мыслишки: «Завоюет, будет лучше. Не завоюет — тоже будет лучше. Вот глупцы! Кто же знает, что такое лучше? Никто. Надо держаться от всего в стороне»,— сделал он для себя вывод, погружаясь в дремоту.

Войну Капрал начал через год, осенью. Уселся в свою машину и катил в ней впереди войска, указывая путь. Войско перло за ним с победным криком и гиканьем. Колеса и гусеницы вминали стерню в раскисшую от дождей землю. Пограничные столбы были сбиты, через пограничный ров перекинуты мосты. Вскоре по ним в обратном направлении потянулись безногие и безрукие — бывшие солдаты Капрала. Город Веселых Людей оказалось не так-то просто завоевать. Веселые Люди были веселы оттого, что в воздухе, которым они дышали, кроме кислорода, имелись распыленные молекулы Справедливости. Люди с младенчества вдыхали эту смесь, вместе с кислородом она попадала в их кровь...

Война затягивалась. То одна, то другая сторона выигрывала сражения. Неудачи все чаще стали трепать войско Капрала. Ветер, дувший иногда со стороны Города Веселых Людей на окопы, где сидели солдаты Капрала, приносил свежий воздух, содержащий молекулы Справедливости. Помимо своей воли солдаты Капрала вдыхали их, начинали задумываться над смыслом того, чем они занимались. И тогда Капрал отдал приказ, чтобы все носили противогазы. Но это почти не помогало: молекулы не фильтровались. А тут подошла зима. Пошел снег. Его хлопья оседали на брустверах окопов, на спинах солдат. Но выглядел этот снег странно. Он был словно белые листики бумаги, не таял, и на этих листиках, едва солдаты брали их в руки, проступали буквы, они складывались во фразы: «Солдаты! Вас погнали воевать за чужие интересы, обманули; война никогда не освободит вас и ваши семьи ни от голода, ни от нищеты, ни от безработицы. Воевать против Справедливости бессмысленно. Капрал — ничтожество, кукла с пустым нутром. Избавьтесь от него и ему подобных и возвращайтесь к своим семьям...»

Читая эти фразы, одни солдаты стали задумываться, другие осторожно начали приглядываться к Капралу, вспоминали, что кто-то где-то уже говорил им, что Капрал — кукла; третьи откровенно роптали: им осточертело мерзнуть в холодных окопах, из которых до победы, обещанной Капралом, оставалось так же далеко, как и в самом начале войны...

Никто, конечно, не знал, что нетаявший этот снег, на котором проступали, как на бумаге, печатные фразы, изготавливался в маленькой подпольной типографии Нашим Соседом, Беляной и их единомышленниками. А типография была оборудована на старом маяке.

Лишь Капрал догадывался, чьих рук это дело. Он орал на жандармов, требуя найти и уничтожить Нашего Соседа и Беляну, но отыскать их не удалось.

К середине зимы ударили сильные морозы. Солдаты Капрала околевали, усилилось дезертирство. Фронт дрогнул, началось массовое отступление. Голодные, уставшие, перебинтованные солдаты Капрала потянулись по всем дорогам. Каждый спешил домой, к родному очагу. Впереди распавшегося войска плелся сам Капрал.

За всем этим через щелочку меж занавесками на подслеповатом оконце хибары тайно наблюдал Пустой, наблюдал одним глазом, боясь шевельнуться, чтобы, чего доброго, кто-нибудь из отступающих не обнаружил, что в этой

развалюхе есть какая-то жизнь, у тепла которой можно обогреться.

Но Капрал-то знал, кто обитает в полуобвалившейся хибаре на улице Пыль Столбом. И под вечер, когда вовсю запуржило нетающим снегом, на котором отчетливей прежнего проступали буквы, Капрал, пропустив авангард отступающих, собрал всех своих единоутробных сородичей — озябших, замызганных матрешек.

— Здесь заночуем, — сказал он. — Подождите меня во дворе,— и с этими словами он вошел в домишко.

У окна стоял Пустой.

— Ну что, так все время и сидишь здесь? — спросил Капрал.

— Ага,— кивнул Пустой.

— Лучше б ты и не появлялся на свет,— зло плюнул Капрал.

— Кто знает, что такое лучше? — пожал плечами Пустой.

— Болван!.. Ладно, мы заночуем у тебя. Все наши. Затопи печь, замерзли мы,— он вышел.

Валил снег. Перед глазами Капрала мельтешили белые хлопья-листовки, буквы, проявлявшиеся на них.

Глядя на это, Капрал свирепел, его охватила такая ярость, от которой у другого бы заломило в затылке. Но он был куклой.

— Собирайте все! Сгребайте крамолу! Сгребайте, тащите в печь! Ловите эти проклятые буквы! Сжечь! Все сжечь! — заорал он.

Куклы бросились выполнять приказ, заталкивали в огонь снежинки-листовки. Пламя сжирало их, но с неба сыпались все новые и новые.

— Хватит,— безнадежно махнул рукой Капрал.— Выспаться надо.

— А как же мы все разместимся в этой комнатенке? Ведь нас вон сколько! — сказала кукла-жандарм, шевеля кочергой в печи.

— Как прежде, — буркнул Капрал. — Влезайте друг в друга по ранжиру, а потом все — в меня,— с этими словами он откинул верхнюю часть туловища, и вскоре все куклы привычно оказались в его нутре. Теперь он был один, отяжелевший, с трудом волочивший ноги, замерзший и мрачный.

Он придвинул поближе к огню лавку, затолкал в печь сколько влезло ненавистные ему снежинки-листовки, лег и тотчас захрапел.

А мимо шли остатки его разбитой армии, солдаты то-

ропились в город — к теплу родных очагов, к своим семьям. Одни — довольные, что обошлось, они уцелели, плевать им теперь на Капрала; другие — со злобной решимостью не предавать его, когда-нибудь еще встать под его знамена; третьи, потупив глаза, тащились, беседуя со своей совестью...

Метельная ночь была уже на исходе, давно скрылся вдали последний солдат. Капрал спал, неосторожно придвинув к печи лавку: он забыл, что сделан из дерева и папье-маше. От могучего его храпа в печи раскачивались огненные языки, шевелились горящие листовки-снежинки. Одна из них, полуобгоревшая, вывалившись из плотного пылающего вороха, упала Капралу на ноги. Клей, которым было пропитано дерево и папье-маше, содержал в себе ацетон. По всей огромной фигуре Капрала побежало пламя. Едва успев хлопнуть руками по бокам, Капрал через минуту превратился в здоровенную пылающую головню, внутри которой спекались от жара остальные куклы...

С высоты маяка Беляна и Наш Сосед увидели далекое зарево: это догорала хибара, под рухнувшей крышей которой уже превратилось в уголья и горячий пепел то, что недавно было Капралом и его уродливыми сородичами...

Потоптавшись у руин многоэтажной лаборатории, разбитой бомбежками и артобстрелами, Академик понуро поплелся через город. Запустение и разруха, хмурые лица, бездомные кошки. Было холодно. Он шел, подняв воротник демисезонного пальто, испачканного известкой и кирпичной пылью; шел, глубоко засунув в карманы окоченевшие руки. Собственно, идти было некуда. И он забрел в пустынный лесопарк, скамейки стояли засыпанные снегом. Вроде совсем недавно тут весело и шумно гуляли горожане, оглушительно гремели репродукторы, разнося по всем аллеям и уголкам обольщающие речи Капрала...

На одной из скамеек, сметя снег, сидел Умелец. Он постарел, осунулся.

— Присядьте,— предложил Умелец.— Вы Академик, не так ли? Я узнал вас по портретам в газетах.

— Благодарю,— Академик устало опустился на скамью.— А вы, если не ошибаюсь, Умелец? Я тоже узнал вас.

— Какой к черту Умелец,— горько вздохнул собеседник.— Был им. Теперь все кончилось. Видите, что делается? Разруха. Кому сейчас нужно мое умение? Это вы во всем виноваты. Оживили этих...

— Я виноват?! — возмутился Академик.— А кто их создал? Вы!

— Я ради дочери... Хоть это меня оправдывает. А вы

превратили их в подобие людей, затолкали им в башку подобие мозгов.

— Ради дочери?.. А я ради науки!

Они помолчали. Затем Академик сказал миролюбиво:

— Знаете, я вот думаю: все могло быть иначе, если бы тот колбасник не оказался таким скупым и принял бы Капрала на работу. Занимался бы Капрал своей мазней, малевал бы всю жизнь вывески, полагая, что он великий художник, и не полез бы в политику... Вот ведь как счастливо могло обернуться дело.

— Как знать,— с сомнением ответил Умелец.

— А что поделывает ваша дочь и ее приятель?

— Работает в народной школе. Преподает Справедливость, Нравственность и Доброту. Поженились они. А зять лечит своих больных. Выдвинут в парламент от партии «Родина и народ».

— Это какая-то новая партия,— посмотрел на него Академик.

— Все теперь нужно новое,— словно освобождаясь от чего-то, вздохнул Умелец.— Уж извините, пора мне,— он тяжко поднялся со скамьи.— Прощайте.

И они разошлись...

Дверь была странная, она открывалась во все стороны: от себя, к себе, сдвигалась вправо и влево, вверх и вниз. Когда-то она оставалась постоянно запертой, на ней всегда висела табличка: «Всему свое время». Но теперь ключ в замке не торчал, табличку кто-то заменил другой, с надписью: «Входите, кто хочет».

Я вошел. За письменным столом сидел человек с веселыми глазами и поглаживал ладонью седые волосы.

— Так вот кто здесь работает! — сказал я, оглядывая небольшую комнату, уставленную книгами.— Табличку с двери вы сняли?

— Да. Теперь пусть желающие входят. Ведь все уже всё знают.

— Кто же вы? — спросил я, усаживаясь в плетеное из лозы кресло.

— Сочинитель,— ответил человек с веселыми глазами.

— Значит, сочиняете истории?

— Не совсем так. Историю, говоря вашими словами, сочиняет жизнь, люди, время. Я лишь выбираю из нее то, что мне кажется важным, и пересказываю по-своему,— он встал из-за стола и зашагал вдоль книжных полок.

— Выходит, вы не распоряжаетесь судьбами героев своих сочинений?

— Почему же? Распоряжаюсь.

— Тогда все же переделайте конец. Видите ли,— я подошел к нему,— возвратились Космонавты. Они рассказали, что на какой-то высоте видели два странных облачных образования. Когда приблизились к ним, те обрели человеческие черты и попросились на Землю, чтоб их захоронили в земле.

— Я знаю. Это то, что называлось Капралом и Пустым,— сказал Сочинитель.

— Но едва Космонавты пытались к ним приблизиться, как какая-то сила отбрасывала тех двоих, снова превращая их в медузообразные облака.

— И это я знаю,— усмехнулся Сочинитель.

— Не хотите ли вы сказать, что все это по вашей воле? — спросил я.

— Вы угадали. Я могу, конечно, переделать конец, разрешить, чтобы то, что называлось Капралом и Пустым, было захоронено в земле. Но этот конец будет несправедлив: наказание должно быть неотвратимо.

— Значит, они навечно отторгнуты от Земли?

— Навечно,— кивнул Сочинитель.— Слышите голоса за стеной? Это Жизнь. Она ждет, чем закончится наш разговор.

— Тогда считайте, что он закончен,— засмеявшись, сказал я и весело покинул странную комнату, в которой дверь открывалась во все стороны, очевидно для того, чтобы лучше была видна Жизнь.

Плохо ли, хорошо ли, но точно известно, что Саша Коноплев любил разговаривать с героями прочитанных книг, призывал их в свидетели, когда что-то не ладилось в школе или во дворе с мальчишками. Такими собеседниками бывали, конечно, люди знаменитые. Например, Спартак или Гарибальди. Нередко он обращался к Гераклу или к графу Монте-Кристо. Все зависело от того, на какую тему ему хотелось беседовать. Саша рассказывал им о делах в школе,

о своих взаимоотношениях с ребятами из класса или же с соседскими мальчишками. Обычно такие тайные беседы возникали тогда, когда Саша считал, что с ним поступили несправедливо: то ли обошли вниманием, незаслуженно, как он полагал, то ли — так же незаслуженно — уравняли со всеми. Он искал у этих незримых собеседников поддержки, подтверждения своей правоты. И чаще всего находил. А находил потому, что все эти знаменитые люди были очень далеки от нашего времени. Они вовсе не знали жизни школы № 33, не знали жизни, протекавшей во дворе дома № 12 по улице Краснодонской. Поэтому Саше легко было их разжалобить, изложить все в свою пользу, так что они говорили примерно следующее:

Спартак. Клянусь богами Олимпа, что я на твоей стороне. И этим мечом готов служить тебе.

Геракл. Уверен, о смертный, что и ты совершил бы подвиги, которые прославили меня в веках.

Гарибальди. Судя по рассказу, ты человек благородный. Карбонарии пошли бы за тобой в любое сражение.

Граф Монте-Кристо. Несправедливость, проявленную по отношению к тебе, нельзя оставлять безнаказанной.

После таких бесед Саша ощущал, что он прав абсолютно во всем. Шутка ли, такие авторитеты были на его стороне! И тогда возникала мысль: «Вот если б я обладал их силой или властью!..» И представлял себе, что было бы в этом случае. Саша почти не задумывался: а не проявил бы он тогда несправедливость по отношению к другим? Иногда, правда, какие-то смутные сомнения шевелились в душе. Но Саша отмахивался от них, оглядываясь на великих героев, с которыми только что незримо общался. Тут, конечно, не обошлось без лукавства: в свои собеседники он редко приглашал, скажем, Павку Корчагина, ибо знал, что Павка Корчагин безошибочно разобрался бы в его делах и сказал бы со всей прямотой:

— Брось, Санька, губы дуть и бузить! Нос дерешь, а тебя щелкают по носу за это. Революция не терпит мелочности!

Вообще Саша Коноплев парень был неплохой. Учился хорошо, без троек, много читал, был аккуратен. Его дневник и тетради всегда сияли чистотой. Не было в них ни клякс, ни помарок. Особенно он старался, чтобы обложки тетрадей не измять, чтобы не было загнутых углов. Старательность эту отмечали учителя и родители. Поэтому Саша полагал, что он обладает абсолютно всеми достоинствами, а недостатков и вовсе не имеет. Многие естественные вещи —

обыкновенную аккуратность, добросовестность, с какой он учился, Саша считал чем-то выдающимся в своем характере. И когда у кого-то что-то не получалось, он говорил: «Вот если бы я!..» В иных случаях просто усмехался молча, давая понять, что человек взялся за недоступное ему дело или рассуждает о чем-то, слабо в этом разбираясь. Зря, дескать, не обратились за советом к нему, к Саше. Странно, но к нему и правда никто не обращался.

Однажды ребята на школьном дворе делали солнечные часы. Что-то у них не ладилось. Саша же стоял в стороне и с превосходством наблюдал. Он видел ошибку, но не подошел. Мария Васильевна, классный руководитель, спросила у ребят:

— Почему же вы не попросите Сашу Коноплева?

— А почему мы его должны просить? — сказал Олег Монастырев.— Что он, слепой? Видел, что мы зашились, подойти, что ли, не мог, подсказать. А то стоял, как Наполеон на поле боя, скрестил руки и ухмылялся.

Позже Мария Васильевна поинтересовалась у Саши:

— Ты понял, в чем ошибка ребят?

— Конечно,— ответил Саша.

— Почему же не помог?

— Они не просили...

— А не боишься, что твои знания останутся при тебе?— внимательно посмотрела на него Мария Васильевна.

Вечером того дня Саша, сидя один в комнате, раздумывал над ее словами. Они вызвали в нем обиду.

В распахнутое окно долетал шум со двора. Уже смеркалось, но мальчишки еще гоняли мяч, слышались звонкие удары и возбужденные крики: «Рука!..», «Пéналь!..» У Саши не было настроения идти туда. Он сидел на тахте, обводя взглядом корешки книг на полках. Саша, как обычно, искал, с кем бы из любимых книжных героев обсудить сейчас свой разговор с Марией Васильевной, кого призвать в судьи. На глаза ему попались «Три мушкетера». «Что ж, д'Артаньян сейчас самый подходящий»,— подумал Саша.

Вскоре он уже излагал суть дела прославленному мушкетеру. Вроде ни в чем Саша не соврал д'Артаньяну. Тем не менее из рассказа Саши выходило так, что неправы ребята, а Мария Васильевна оказалась несправедливой.

— Сударь,— ответил д'Артаньян,— не сомневаюсь в правдивости вашего рассказа. Вы горды, как истинный гасконец. И эту гордость я готов поддержать своей шпагой,— при этих словах он прикоснулся к эфесу.— Ведь наш девиз какой? «Один за всех, и все — за одного»,— он снял шляпу, широко взмахнул ею и, поклонившись, удалился...

Саша радостно улыбнулся и, свесившись из окна, стал наблюдать, как идет игра в футбол, советовал, как подавать угловой и кому бить пенальти. И, глядя на играющих, думал: «Вот если бы я!..»

Между тем на кухне тоже шел разговор. Там беседовали Сашины родители. Отец Саши только что вернулся из школы, с родительского собрания.

— С успеваемостью у него все в порядке,— говорил отец.— Претензий вроде нет ни с чьей стороны. Правда, в последнем сочинении он перемудрил. Хотел, видимо, удивить, и немножко запутался. Четверку получил.

— Мальчику, наверное, хотелось проявить свою начитанность,— сказала мать.

— Ради чего — вот в чем дело. Удовлетворить свою гордость, тщеславие, как-то выделить себя из круга остальных? Так мне дала понять Мария Васильевна. Надо поговорить с ним.

— Поговори,— пожала плечами мать.— Хотя я не вижу оснований дергать ребенка...

Тем не менее за ужином отец спросил Сашу:

— Как дела в школе?

— Нормально,— ответил Саша.

— Во всем и со всеми? — спросил отец.

— Разве кто-нибудь жаловался?— поднял Саша на него глаза.— Учителя меня любят. Я раньше всех подымаю руку. Иван Антонович даже сказал, что у меня всегда самые толковые ответы.

— Тебе достаточно этого?— спросил отец.

— Чего? — не понял Саша.

— Похвалы учителей.

— А чего мне еще нужно? — пожал Саша плечами.— Занимаюсь я нормально, уроки не срываю, сижу тихо.

— А вот Мария Васильевна считает, что это еще не все.

— Что же «все», папа?

— Тут ты сам подумай. Подсказывать пока не стану. Сам сперва попробуй понять.

— Вот если б я... Если б меня назначили...— начал было Саша, но отец перебил его.

— Почему, собственно, именно тебя должны куда-то там назначать? Считаешь, что ты самый достойный?.. Ну, ладно, иди отдыхай да поразмысли, чего я от тебя добиваюсь...

Конец учебного года не застал Сашу врасплох. Экзаменов он не боялся, весь год занимался добросовестно, систематически. Начиналось лето. Впереди маячила поездка в пионерлагерь.

Саша четко представлял себе этот лагерь в сосновом бору, на берегу спокойной реки. Жить они будут в палатках. Утром трава еще блестит от росы, в свежем воздухе крепкий запах хвои. После физзарядки и завтрака — на реку. Барахтаться в воде, с ночи еще прохладной, но все равно приятной. Загорать на песке, чувствовать, как солнце все сильнее и сильнее припекает спину. Капельки воды на ресницах, как маленькие линзы, сквозь них все видится окаймленным радужным свечением, в особенности если чуть сощурить веки.

Потом Саша, как командир дружины, приказывает, и все бегут строиться на обед. Дружина движется полевой дорогой, уже знойной, пропекшейся. Вьется она меж высоких хлебов, над которыми поет жаворонок. Саша же идет рядом со строем и подает команды: «Запевай!» или «Шире шаг!»... И сам радуется своему сильному, волевому голосу, который он натренирует к этому времени, чтобы командовать...

Экзамены он действительно сдал хорошо. В переводных оценках всего лишь две четверки, остальные — пятерки.

Через неделю были созданы дружины из учеников пятых и шестых классов.

На последнем общем собрании Сашиного класса присутствовали Мария Васильевна, старшая пионервожатая Галя и от школьного комитета комсомола десятиклассник Ашот Сисакян.

— Ваш класс выделяет трех командиров дружин,— сказал Ашот — самый высокий в школе парень, имевший второй разряд по баскетболу.— Выдвигайте кандидатуры. Будем голосовать. Избран, разумеется, будет тот, кто получит большее число голосов.

— А кандидатуры девочек можно? — спросил кто-то.

— Разумеется,— ответил Ашот. Он, видимо, очень любил это слово — «разумеется», потому что часто им пользовался.

— Но сегодня не восьмое марта,— сострил Олег Монастырев.

— Тихо, Монастырев,— оборвала его Галя.

Мария Васильевна участия в этом вроде не принимала. Она сидела за столом и, перелистывая классный журнал, что-то иногда там писала.

— Хорошенько подумайте, прежде чем выдвигать кандидатуры,— сказала Галя.— Дело серьезное. Командиром дружины может быть только тот, у кого есть авторитет среди товарищей.

— Разумеется,— с высоты своего роста подтвердил Ашот.

С разных концов класса стали выкрикивать фамилии.

Галя записывала их на доске. При каждой названной фамилии Мария Васильевна поднимала голову.

Уже было названо семь кандидатур, но фамилию Саши никто не произнес. А он все ждал. И ему уже становилось немножко страшно. От этого страха и ожидания делалось как-то унизительно тоскливо. Но его фамилии так никто и не назвал... Саше хотелось крикнуть, что все это неправильно, что он лучше других подходит на должность командира дружины. И еще хотелось спрятаться, чтобы никто его сейчас не видел. Саша склонил голову и уставился в парту. Он уже плохо воспринимал все, что происходит...

Когда собрание закончилось и все стали расходиться, Мария Васильевна сказала:

— Саша Коноплев, останься...

Они сидели вдвоем в пустом классе друг против друга: Мария Васильевна за своим столом, Саша — перед нею на первой парте.

— Я понимаю, как ты огорчен, Саша. И искренне тебе сочувствую. Но тут помочь я тебе никак не могла.

— Почему? — он поднял на нее глаза, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать.— Я же хорошо занимаюсь, у меня примерное поведение,— тихо сказал Саша.

— Мы ведь с тобой всегда понимали друг друга. Многое в тебе я люблю, за многое уважаю. Но авторитет человек создает себе сам. Понимаешь? Как бы я ни расхваливала тебя, тут на веру ничего не принимается. Вы все мне дороги, Саша. Одинаково. Ну, может, не совсем одинаково. Но судьба Саши Коноплева мне далеко не безразлична. Поверь мне. Ведь я горой стояла за тебя, когда нужно было отобрать чье-то сочинение на городскую олимпиаду. Тогда я имела на это моральное право. Сегодня — нет. Ты должен понять меня. А главное, понять товарищей. Попытайся спокойно разобраться во всем. Хорошо?

— Не знаю,— Саша пожал плечами.— Я могу идти?

— Да, конечно... Если я тебе понадоблюсь, позвони мне домой. Договорились?

Саша молча кивнул и вышел из класса.

Дома никого не было. Запасная пара ключей всегда хранилась у соседей. Отперев дверь, Саша прошел к себе в комнату и завалился на тахту. Ему сейчас ничего не хотелось. Он равнодушно обвел взглядом книжные полки и уставился в потолок. Ему не хотелось беседовать ни со Спартаком, ни с графом Монте-Кристо, ни даже с д'Артаньяном. А живых людей сейчас возле него не было: все ребята из его класса отправились на стадион, где шли мотогонки на гаревой дорожке. Но Сашу никто не позвал...

Вечером мать сказала:

— Ну, Сашуня, неси рюкзак. Будем собирать тебя. Составь список, что ты берешь с собой. Мне еще кое-что постирать тебе надо.

— Я не поеду, мама.

— Это почему же? — спросил отец, стоя в дверях с полотенцем в руках.

— Так, просто,— ответил Саша.

— Что-то тут не так уж просто,— отец сел с ним рядом.— Что произошло, сынок?

И Саша подробно рассказал родителям о собрании.

— Ну и что?— посмотрела на него удивленно мать.— В следующий раз тебя сделают командиром дружины.

— Я надеялся, что меня назначат. Столько интересного уже придумал,— с обидой сказал Саша.

— По-моему, вообще никого не назначили,— спокойно заметил отец.

— Как это — никого?— удивился Саша.— А Танька Луценко, Ленька Борткович...

— Минуточку,— перебил отец.— Их не назначили, их выбрали. Понимаешь: выбрали большинством голосов. Ты улови разницу.

— Они, наверное, считают, что я гордый...

— А может, ребята считают, что ты высокомерный? — спросил отец.— Гордость — штука неплохая. А вот высокомерие... Между ними тоже есть разница, как между «назначили» и «выбрали». Если откажешься ехать, это и будет подтверждением высокомерия. Ты просто наплюешь на своих товарищей.

— Папа прав, Сашуня, ехать надо,— сказала мать.— Зачем лишать себя удовольствия, портить себе летний отдых?

Саше, конечно, поехать очень хотелось, и он был доволен, что родители уговаривали его. Получалось вроде, что он должен уступить им. Тут уж ничего не оставалось делать, как согласиться. И он отправился к себе в комнату за списком всего, что надо было брать с собой в пионерлагерь. Список этот был составлен им загодя. Выходя из комнаты, Саша слышал, как мать сказала отцу:

— Жаль мальчика. Надо его успокоить, нечего переживать из-за такой ерунды.

— Нет, Нина, это не ерунда. Если он не научится переживать, то к двадцати пяти годам превратится в амёбу, безразличную и равнодушную ко всему и всем...

* * *

Жаркое звонкое лето пролетело быстро. В памяти остался плеск воды, яркие солнечные блики, от которых хотелось зажмуриться, янтарный клей, размягченный зноем на стволах сосен. А больше всего помнились походы и ночные высокие костры. Ветки сушняка горели торопливо, потрескивали. Из пламени вырывались искры и красными светлячками улетали к высокому темному небу. А на нем чисто горели белые звезды. Приятно было помешивать палкой уголья, в которых пеклась картошка, а потом есть эту круто посоленную картошку, перебрасывая ее, обжигающую, из ладони в ладонь...

Было еще многое, о чем Саша вспоминал не без удовольствия, хотя все время в пионерлагере чувствовал себя обиженным. Ведь их дружиной командовала Танька Луценко! И командовала, к удивлению Саши, неплохо. Признал это, скрепя сердце, хотя считал, что если бы командовал он, то жизнь дружины была бы еще интересней. «Вот если бы я...» — повторял он про себя любимую фразу, как бы отгораживаясь ею от товарищей, которые, по мнению Саши, не сумели оценить его. Он не умел верить в бескорыстную доброту других, полагал, что проявление ее — признак слабости или отсутствия способностей. Утвердить себя, считал Саша, можно только гордостью...

Приближалась зима — значит, скоро начнется катание с горки над рекой. У Саши были и лыжи, и сани. Но все это имелось и у других. Надо было придумать что-то свое, что хоть как-то бы подчеркивало его превосходство. Поразмыслив, Саша решил смастерить новые сани, какие видел однажды у деревенских мальчишек, когда ездил на зимние каникулы в село к маминому брату, директору совхоза.

Главным в этих санях была скорость, потому что вместо полозьев у них четыре обыкновенных конька — два спереди, два — сзади. Два задних крепились шурупами намертво, как на ботинках, а передние — на подвижном бруске. Его с помощью веревки, как вожжами, можно было поворачивать влево-вправо. Четыре старых подржавевших конька Саша выменял на марки из своей коллекции у ребят во дворе.

В столярной мастерской профтехучилища, где работал сосед Павел Иванович, Саша пропыхтел три вечера: строгал и подгонял планки, прикреплял подшипник для подвижного бруска. К воскресенью, как и предполагал, сани были готовы.

После завтрака он отправился на реку. Был солнечный

морозный день. Снег сухо скрипел под ногами. В синем небе, как изморозь, белела ровная полоса — след умчавшегося самолета. Со стороны реки долетал шум голосов, щелкание клюшек. Взбодренный этими звуками, подгоняемый нетерпением испытать сани, а главное — продемонстрировать их на зависть всем знакомым, Саша ускорил шаг.

Народу на реке было много. С противоположного крутого берега неслись ребята и девчонки — кто на санях, кто на лыжах. Там, где летом была широкая заводь, на синеватом голом льду мальчишки гоняли шайбу.

Перемахнув через реку, Саша стал подниматься вгору. На самом верху, на пятачке, его окружили знакомые ребята. Посыпались вопросы:

— Что за тележка, Сашка?

— Ну и колымага! Ты что, из утильсырья ее выбрал?

— Чего делать-то будешь с этими санями?

— Кто это тебя надоумил?

На все вопросы и насмешки Саша отвечал:

— Поживем — увидим. Разойдись! — разбежавшись, он плюхнулся на сани, чуть подвернул веревкой брусок к наезженному плотному следу и ринулся вниз.

Да! Это была скорость! Гудело в ушах, ветер бил в лицо острыми, как иглы, снежинками. Очутившись на льду реки, Саша чуть потянул веревочку, сани послушно свернули, и четыре конька понеслись еще резвее...

Когда он снова поднялся наверх, то с огорчением заметил, что ребята равнодушно посмотрели на его сани, и один спокойно сказал:

— Ничего, гонять на них можно...

— Кто хочет попробовать? — растерявшись, спросил Саша.

— Давай я, что ли,— подошла Таня Луценко.

Саша обрадовался, что именно Таня захотела. «Хотя тебя и выбрали командиром дружины,— подумал Саша,— а такие санчата не смастеришь».

— А мне потом дашь? — спросил Олег Монастырев.

— Тебе, Монастырев, не следовало бы давать. Ты ж не признаешь меня. Вроде даже не замечаешь. Но я не жадный. Прокатись, посмотри, кто чего стоит,— сказал Саша.

Сидя на своих фабричных санках с обломанными рейками, Олег посмотрел снизу вверх на Сашу.

— Кто чего стоит, нам известно, санчата твои тут ни при чем,— сказал Олег и, оттолкнувшись, поехал с горы. Вслед за ним понеслась Таня. Саше ничего не оставалось, как догонять их на салазках Тани Луценко.

Он видел, как она обогнала Олега. Достигнув реки,

свернула, помчалась по льду к мосту. За ней — Олег. Спускаясь почти по ее следу, Саша направился туда же.

У моста река значительно сужалась, и вода здесь обычно шла намного быстрее. Лед тут был тоньше, слабее. Над черной водой в прорубях вился легкий пар.

Один из таких темных провалов возник перед Таней. Издали он был незаметен — оброс синим льдом. В этот нарост и ударились с ходу сани, остановились. Таню швырнуло вперед, и, едва успев крикнуть, она очутилась в полынье.

Саша увидел это издали и подумал: «Закон физики, инерция». Он читал об этом в каком-то журнале. Олег тем временем был уже возле проруби, лег на лед и протягивал Тане руку. Хватаясь за кромку льда, Таня тянулась к Олегу, но лед обламывался, полынья становилась все шире.

«Что он делает? — рассуждал Саша, приближаясь к ним и таща за веревку салазки.— Вот если б я...»

— Чего плетешься?!— закричал Олег на Сашу. Вода выплескивалась из проруби. Олег лежал на льду и уже был мокрый по пояс.

Саша огляделся по сторонам, потом осторожно приблизился к ним и лег рядом с Олегом, пытаясь дотянуться до Тани рукой.

Наконец они поймали Таню за рукав пальто и стали выволакивать. Другой рукой она уперлась в край полыньи. Лед обломался, трещина разошлась, и через мгновение в воде были уже все трое...

Вытащили их рыбаки, любители подледного лова, сидевшие за быком моста.

История эта кончилась для Тани и Олега ангиной, а Саша схватил тяжелое воспаление легких.

Пока он добежал с реки домой, одежда на нем покрылась ледяной корочкой, намокшее белье холодом сковало тело, в валенках хлюпала ледяная вода.

Мать, испугавшись, быстро раздела его, растерла спиртом, уложила в постель, напоила горячим чаем, а к окоченевшим ногам положила грелку. Но это не помогло. На следующий день поднялась температура. Саша кашлял, в груди хрипело. Еще через день его положили в больницу. Температура поднялась до сорока градусов. Он почти все время дремал, слабо воспринимал происходившее вокруг. Сквозь забытье он слышал какие-то голоса, чьи-то шаги, почти не реагировал на уколы, которые каждые четыре часа ему делала медсестра.

Соседом по палате у Саши был пожилой прораб Борис Сергеевич.

— Ты, браток, не унывай,— садясь рядом, весело говорил Саше прораб.— Подумаешь, искупался разок в проруби! Не все же в ванне, нужно разок и в проруби попробовать.

Саша пытался улыбнуться, но не мог, не было ни сил, ни желания...

Как-то под вечер, когда Саше стало легче, Борис Сергеевич сказал:

— Ты, однако, герой, оказывается. Я-то думал, что ты так, сдуру влетел в прорубь. А ты, выходит, человека при этом спасал.

— Откуда вы знаете?

— Как не знать. Тут, говорят, звонила учительница твоя, справлялась про здоровье. Вот она дежурной сестричке и сообщила. А сестричка по секрету нянечке, а та, опять же по секрету,— мне. Так и пошел слух. Про доброе дело, брат, слухи шибче бегут, чем про злое. Тебе утешение, Сашок, должно быть. Ты заболел, спасая девчонку. А я вроде не по делу: продуло сквозняком. Так врачи говорят. Новый дом когда строишь, там всегда сквозняки. А наше прорабское житье какое? Шныряешь целый день по этажам. А как же! Дом строишь, жилье, значит, людям, очаг для какой-то семьи. Тут за всем уследить надо. Сквозняк — не сквозняк, а гоняешь по стройке. Где уж думать про свою простуду! А? — и он потрепал Сашу по волосам...

Иногда, приоткрыв дверь, заглядывали больные из других палат.

— Всем хочется на героя посмотреть,— подмигнул Саше Борис Сергеевич.

«Какой я герой,— хотел сказать ему Саша. Но все-таки ему было приятно, что к нему проявили такой интерес.— Это все Мария Васильевна,— тепло вспомнил он о своем классном руководителе.— И Борис Сергеевич всем тут рассказал, вот и заглядывают в палату... А как там в школе? Что говорят про это?» — не без тревоги думал Саша. Мать сказала ему, что Олег и Таня Луценко уже выздоровели, ходят в школу. И Саша волновался, как они преподнесут ребятам эту историю.

Вспоминая все, что произошло, он впервые честно спросил себя, не показался ли трусом Олегу и Тане тогда на реке. Но ответить точно на это не мог. Что-то ему было еще не ясно, когда он восстанавливал в памяти свое поведение, вспоминая, как первым к Тане бросился Олег.

Словно подслушав его мысли, Борис Сергеевич вечером после ужина сказал Саше:

— Человек, брат ты мой, не знает, трус он или храбрец, покуда не попадет в какую-нибудь историю. До той же

поры у него все либо в мыслях, либо на словах. А уж в этой самой истории он весь и проявляется. В деле, значит.

— И со мной так? — тихо спросил Саша.

— Вполне могло быть. Ты-то ведь вообще начинающий человек, молодой... Вот так оно и выходит: как проявится человек в какой-нибудь сложной истории, ну, рискованной, вроде твоей, так и живет потом.

— А если человек трус? Ну, может, не трус, а нерешительный или о себе больше думает... Такого могут наградить, если он однажды не струсил? — осторожно спросил Саша.

— Ожидание награды, Сашок, это не путь к доброму делу,— серьезно сказал Борис Сергеевич.— Ты вот когда полез к проруби, где барахталась эта девчонка, разве про награду думал? Нет. Верно? Думал, как бы спасти человека...

Саша не успел подумать: так оно на самом деле было или нет.

— А к тебе гости! — воскликнул Борис Сергеевич.

Саша повернулся и увидел в распахнутой двери ребят, а среди них — Олега и Таню. Все были в белых длиннющих халатах, наброшенных на плечи.

На тумбочке выросла горка гостинцев: яблоки, мандарины, конфеты, компот в банке.

— Располагайтесь, гости, располагайтесь,— сказал Борис Сергеевич.— А я пойду газетку почитаю в холле,— он вышел.

— Ну, как ты, Санька?..

— Да ты ничего, бледный только...

— Слышь, Комаровы вернулись с Дальнего Востока. Теперь Алешка опять у нас в классе...

— Тебе привет от Ашота...

— Санчата твои целые. У меня в сарайчике хранятся. Ты молоток, Санька, быстро поправился...

На Сашу обрушился ворох вопросов, восклицаний и школьных новостей. И ему стало тепло и радостно от голосов ребят, от их веселых лиц.

— Про тебя заметка в школьной стенгазете,— сказал Олег.— Так и называется: «Доброта и смелость — всегда вместе». Это Ашот такое название придумал.

Саша видел, как Таня посмотрела на Олега, но не понял, в чем дело. Он не знал, что заметка эта не только о нем, но и об Олеге тоже. Вернее, сперва об Олеге, а потом уж о Саше, об их смелом поступке.

— А это тебе, чтобы не было скучно,— сказала Таня и достала из портфеля книгу.

«Тимур и его команда»! Эту книгу Саша давно хотел иметь. Как это Таня угадала?!

Ребята сидели бы еще, но вошла медсестра и скомандовала:

— Пятнадцать минут прошло, ребятишки. Пора и честь знать. Не то всем сейчас уколы сделаю,— засмеялась она.

Подталкивая друг друга, все вышли из палаты.

— Ты давай побыстрей выздоравливай,— на прощанье сказал Олег.— Пока зима не кончилась...

Саша остался один. Визит товарищей немного утомил его, взволновал. Он лежал и думал о том, что все-таки хорошо иметь друзей. Растроганный их приходом, снова стал припоминать происшедшее. Глядя сейчас как бы со стороны, Саша увидел себя там, на реке, растерявшимся и оробевшим. В то время, как Олег уже бросился к полынье спасать Таню, он (Саша помнил это хорошо) все еще стоял и раздумывал, вспоминая про какой-то закон физики и свое «Вот если бы я!..» И лишь потом, после окрика Олега, кинулся к проруби им на помощь... Теперь же он чуть ли не героем стал... Как могло получиться такое? — думал Саша. Ведь он никому ничем не хвастался... Почувствовал, как теплый комочек застрял в горле...

За окнами было уже темно. Саша зажег ночничок на тумбочке. Вошел Борис Сергеевич.

— Почему ужинать не ходил? — спросил он.

— Не хотелось. Тут мне понатащили всякого... Яблочки, мандарины, конфеты, компот... Вместо ужина,— ответил Саша.

— Понятно... А загрустил чего? — покосился на него Борис Сергеевич.— Вон, даже новую книгу не читаешь...

— Не хочется,— тихо сказал Саша.

Борис Сергеевич стоял возле умывальника, чистил зубы. Саша как бы впервые разглядел его сейчас. Невысокий, в длинном, до пят, рыжем байковом халате. Был он худ, в вырезе больничной нательной сорочки, тоже большой на него, виднелась впалая грудь, торчали ключицы. На старческом лице проступали скулы, обтянутые смуглой обветренной кожей. И несмотря на это, на седые поредевшие волосы, было в его облике что-то молодое, задиристое и веселое. Наверное, потому, что радостными, быстрыми и добро поблескивавшими оставались синие глаза да всегда подвижными были мосластые, надежные руки.

— Ты не печалься,— сказал Борис Сергеевич, укладываясь в постель.— Все у тебя будет хорошо... Читать, значит, не хочешь? — он до подбородка натянул одеяло...— А сказку хочешь?

— Какую еще сказку? — удивился Саша.— Что я, маленький?

— Сказки разные бывают. Для всех возрастов. Даже для взрослых. Их ведь люди сочиняли. Да не просто люди, а которые жизнь толком знали... Я и сейчас сказку-мультик по телевизору не без охоты гляжу. Чему-то она и меня, старика, учит. Правда, внучка смеется... Ты разве сказок не любишь?

— Я люблю книги,— серьезно сказал Саша.— А сказки что? Небылицы.

— Это тебе не повезло хорошую сказку услышать. Над иной сказкой призадумаешься больше, чем над какой книгой... Вот послушай...

Голос Бориса Сергеевича звучал тихо, доверительно, будто рассказывал он о своих хороших знакомых. Иногда посмеивался, иногда грозно пришепетывал или ласково растягивал слова.

Саша лежал с закрытыми глазами. И чем больше вслушивался в голос Бориса Сергеевича, звучавший в полутемной палате, где булькала вода в батареях отопления, тем больше окунался в события, происходившие в сказке.

* * *

Деревня стояла на крутом берегу широкой и быстрой реки. И было много в этой реке хорошей рыбы: и уху сварить, и зажарить на конопляном масле, и завялить, и заморозить на зиму, чтобы потом строганину делать. Однако река принадлежала Королевичу, и рыбу из нее брать мог только он либо другие для него. А конопляное масло крестьяне сдавали во дворец Королевича, поскольку земля, на которой росла конопля, принадлежала тоже ему. Впрочем, как и вся земля вокруг. А земля была родючая, добрая. Да что проку? Почти весь урожай холуи Королевича отбирали в королевичевские закрома. А кто возражать смел, того плетью секли. И леса богаты дичью были, ягодой да грибами. Но опять же народ только ведал про это, а пользоваться не мог: леса тоже были Королевича.

Так и жила та деревня, как и прочие в этом краю: с утра до ночи работала, а с голоду пухла.

На самом отшибе деревни, у входа в лес, стояли две избы на курьих ножках. Друг против дружки. В одной жил одинокий мужик по прозвищу Грамотей — единственный, кто на сотни верст окрест знал грамоту, многие книги читал да мир повидал. А в другой избе жил одинокий мужик

по прозвищу Заумник. У этого в сарайчике была странная мастерская. Он строил там какое-то колесо с лопастями. «Как придумаю,— говорил он,— чтоб колесо вечно вертелось, так оно начнет своими лопастями счастье загребать. Вот тогда и пущу его по всем дворам, чтобы каждый видел, кто я есть». Только этой работой и был он занят всю жизнь. Крохотный кусок земли его, где когда-то росли рожь, конопля да картошка, превратился с годами в пустырь, заросший бурьяном,— хозяин уже забыл, как пахать да сеять, как серп и косу в руках держать. Жил он на подачки соседей, односельчан, помогавших ему в надежде, что смастерит он то чудо-колесо, и оно отблагодарит их потом. Полагали, серьезным делом занят человек. Шли годы, десятилетия. Ржавчина съела косу и серп у Заумника, издохла его единственная животина — коза бородатая. А Заумник все возился со своим колесом и приговаривал: «Вот если б я...»

Иначе жил Грамотей. Этот на своем крохотном наделе посеет рожь и картошку посадит. Вовремя, к осени, уберет, накосит травы для козы, что жила в клети за стеной. А с первыми заморозками, когда утренники прихватывают льдом лужицы и с деревьев в лесу облетают последние листья, Грамотей исчезал из деревни. Все сидят себе по избам, бабы за прялками, мужики косы точат и сохи ремонтируют, а Грамотей в армячке, с котомкой за плечами, с посошком в руке топает по мерзлой дороге прочь из деревни в белый свет.

«Опять шастать по миру пошел,— ворчали односельчане.— Вон Заумник — тот с утра до ночи в своем сарайчике хлопочет. Для всех старается. А этот пустобрех только лапти бьет».

Короче, не понимали Грамотея в деревне за его страсть к путешествиям, из которых он возвращался лишь к весне.

Между ним и Заумником происходили частые споры-разговоры.

— Ну как там оно, твое «Колесо Счастья»? — с усмешкой спрашивал Грамотей.— Уж тридцать три года мастеришь его, а проку что-то не видать.

— Будет прок,— отвечал Заумник.— Вот если б я... Вот если б я стал его хозяином! А? Запустил бы крутиться, а сам — на печку. Лежи себе, плюй в потолок, а колесо знай себе счастье да добро лопастями гребет.

— Чего ж не запустишь? — смеялся Грамотей.

— Силу ему ищу, чтоб двигала его сама, без помощи рук человеческих.

— Долго ищешь, однако.

— А все ж лучше, чем шастать по миру,— отбивался Заумник.

— Не скажи.

— Ну какой прок от твоих путешествий?

— Хожу меж людей по разным городам да странам, вижу, кто как живет, слышу, кто что думает и говорит.

— Ну и как же люди-то живут? — спрашивал Заумник.

— Худо живут.

— Дак какой толк от твоих каждогодних хождений? Помощи от тебя никакой никому.

— Как знать,— ответил Грамотей.— Все полезное, что вижу и слышу, в добрые советы обращаю. Хороший совет еще никому не повредил. Учу людей правде в глаза смотреть.

— Что-то у нас тут никто не помнит твоих советов,— говорил Заумник.

— А это не беда, что не помнят. Я не в обиде. Важно ведь, чтобы совет добрый на пользу пошел. А помнят ли о том, кто дал его,— значения не имеет. Не ради этого живу, хожу по миру, жизнь узнаю. Тридцать лет и три года этим занимаюсь...

И Грамотей снова двинулся в путь. Шел он долго, под ногами скрипел снег, ветер гнал по полю поземку. Наконец позади осталась зима. И вступил он в край, где уже началась весна, пригревало солнышко, зазеленели луга, радостно зашевелились листочки на ольхе и березе. Заночевал Грамотей в лесном шалашике, на свежей травке, подложив под голову котомку и накрывшись армяком.

Проснулся он на зорьке. Вышел из шалашика и аж зажмурился: ярко и весело сияло солнце, на траве прозрачными колокольчиками висела роса. Грамотей умылся ключевой студеной водой, съел пару картофелин с ржаным хлебом, запил нехитрый завтрак той же водой из родничка и тут услышал голоса. Раздвинув кусты, взглянул на поляну и замер. Там стояли заяц, кот, жевал траву жеребенок, а на пеньке сидел молодой пастушок. Выглядели все они необычно: у зайца было оторвано ухо, у кота обожжены усы, у жеребенка по крупу шли вздувшиеся кровавые рубцы, а у пастушка под глазом темный синяк.

Заметив вышедшего на поляну Грамотея, пастушок поднялся с пенька и сказал:

— Мы к тебе, Грамотей, за советом. Слышали мы, что худого не посоветуешь.

— Что же вас такое прижало, что я вам понадобился? — спросил Грамотей.

— Беда привела,— ответил пастушок.— Хозяин наш, по

кличке Рукастый, такое вытворяет, что в толк взять не можем. Вроде память потерял. Вот оторвал он зайцу ухо. Пришел заяц к нему через неделю, спрашивает: «За что ты мне, хозяин, ухо оторвал?» А тот говорит: «Неправда. Не помню такого. А вот что морковь тебе таскал зимой — это помню». Коту свечой поджег усы. Кот спрашивает через несколько дней: «За что ты мне, хозяин, усы обпалил?» А тот отвечает: «Неправда. Не помню. Раз не помню, значит, не было такого. А вот что салом тебя кормил — это помню». Исхлестал жеребенка плетью. Еле жив тот остался. Вы́ходили. Спустя некоторое время жеребенок спросил у него: «За что, хозяин, так изранил меня?» — «Неправда. Не помню такого. Коль не помню, видать, путаешь ты меня с кем-то. А вот что кормил тебя всю зиму самым лучшим, самым пахучим сеном — это помню». Шел я по двору, попался ему навстречу, тут он мне затрещину и влепил. Назавтра спрашивает: «Что это у тебя за синяк под глазом? Подрался с кем?» — «Нет,— говорю.— Это вы мне оплеуху дали. А за что, хозяин?» А он отвечает: «Не ври. Не помню такого. Значит, и быть не могло. А вот что зипунок тебе с ярмарки привез да подарил — это помню». Вот какие странные дела у нас происходят,— закончил рассказ пастушок.— С чего бы так — никто понять не может.

— Д-а-а-а, дела! — почесал затылок Грамотей.— Однако история эта для меня понятна. Открою вам секрет. Решил ваш Рукастый избавиться от той половины памяти, в которой хранится все, что сделал недоброго. А другую половину — ту, что помнит про хорошее, сохранить. И жить только с ней. Так ведь удобней. Вот и призвал он своего лекаря и сказал ему: «Сделай так, чтобы была у меня только одна память — про хорошее, что я сотворил. Все, что помню про себя плохого, спать мне не дает. Я уж пытаюсь хорошим загладить, но все равно память про плохое верх берет. Устал я от их борьбы». А лекарь этот травы разные знал. Сварил он отвар из семи трав и велел Рукастому пить целый месяц. Тот пил и постепенно избавлялся от ненужной ему половины памяти... Вот так оно и произошло.

— Как же быть-то теперь, посоветуй,— сказал пастушок.

Грамотей снова почесал в затылке и сказал:

— Старую память ему теперь не воротишь. Считай, пропала, утекла, как поганая вода. Теперь бы только законопатить сточные канавки его памяти, через которые он избавляется от всего плохого, что помнит,— сказал Грамотей.— Ему траву мою надо попить. Дам я тебе такой травы, а ты отвар из нее приготовь. Поднеси и скажи, что силу отвар этот прибавляет. Только знать про это, скажи ему, должны

лишь двое: тот, кто дает, и тот, кто пьет. Когда узнает третий — не подействует трава. Так сказать нужно, чтобы Рукастый своему лекарю не проболтался.

— Спасибо тебе, Грамотей.

— Тут уж не за что,— ответил Грамотей.— Не должен человек жить с одной половинкой памяти. Негоже, коли забывает он про все дурное, что сделал людям. Эдак совесть отмирает. Ты уж мою травку береги, расходуй осторожно, только в случаях, когда душу человека спасать надо, память его при нем сохранить.

— Понял я тебя, Грамотей. Прощай.

И они расстались...

К весне воротился Грамотей в свою деревню.

— Королевич тебя разыскивал,— сказал ему Заумник.— Велел, как объявишься, к нему бегом бежать.

— Успею,— усмехнулся Грамотей.— А ты свое колесо все еще мастеришь?

— Мастерю. Никак только не найду вечную силу, чтоб крутила его без остановки всю жизнь. Найду, однако. И тогда станем счастье лопастями загребать. Разбогатею. Все увидят, кто я есть!

— Не ту силу ищешь. Зря только людей морочишь,— сказал Грамотей.— Вся деревня на тебя работает. Не понимают люди, что без толку время и труд свой расходуют. А ты и рад, как дармоед.

— Для них стараюсь,— ответил Заумник.

— Врешь ты, братец. И сам про это знаешь,— махнул рукой Грамотей.— Просто тщеславие свое тешишь, вот, мол, какой я умный!..

Прежде чем отправиться к Королевичу, вспахал Грамотей свой небольшой надел, засеял рожью, картошкой и коноплей. Залатал крышу, поменял сгнившие колья в изгороди. И после первого дождика, напоившего посевы, спокойно отправился во дворец к Королевичу.

Был Королевич молод, богат, умен и страшно тщеславен. В то утро призвал он к себе трех своих главных советников. Преклонились они перед ним, сидевшим на высоком троне. А у трона расхаживали хвостатые павлины. Грамотею велели стать в сторонке. Он и стоял. Мял в руках свою шапку, дивился искусству безымянных мастеров, выложивших узорным паркетом пол. Мял он свою шапку и гадал, зачем призвал его Королевич.

А Королевич посмотрел на него и сказал:

— Дошел слух до меня, что по твоему совету Рукастому память подправили. Верно?

— Верно, Королевич.

— Ловок ты. А ведь помер он, Рукастый. Совесть загрызла.

— Это уж не моя вина,— ответил Грамотей.

— Ты и с Заумником все никак не поладишь. Ведь он Колесо Счастья для народа мастерит,— хитро сощурился Королевич.

— Нельзя смастерить такое колесо, чтобы вечно само крутилось и лопастями счастье гребло,— ответил Грамотей.— Пустая затея.

— Главное, что люди верят в это, мысли их заняты надеждой,— сказал Королевич.— А ты хочешь лишить их этого. Я бы не стал мешать им.

— Как же не объяснить людям, что дорога, которой они идут, упирается в тупик? — спросил Грамотей.— Зачем же их всю жизнь морочить? А Заумник только этим и занят вот уже тридцать три года. Не дает настоящую надежду найти, не там они ее ищут.

— Все-то ты знаешь, Грамотей,— покачал головой Королевич.— И слава твоя непомерно растет. Советы твои вроде и не замечают люди, однако пользуются ими. Разве не обидно тебе?

— А пусть не замечают. Пусть считают, что своим умом дошли,— ответил Грамотей.— Лишь бы жилось им легче. Хорошо, ежели советы мои делом становятся.

— Коль хочешь, чтобы жилось им легче, прими волю мою: решил я поставить тебя сборщиком податей в моем королевстве,— усмехнулся Королевич.

— С чего бы такая милость? — усмехнулся в свой черед Грамотей.

— Потому что слывешь ты справедливым,— ответил Королевич.

— Хитришь ты, хочешь и меня вовлечь в жестокое и неправое дело.

— Это зачем же? — спросил Королевич.

— А затем, что снедает тебя собственная заносчивость и доброта других людей. Вот и опорочить их хочешь. Тебе любезны такие, как Заумник. Они показывают лишь видимость дела, видимость доброты и сеют пустые надежды. Но зато восклицают: «Вот если б я!»

Налился Королевич злостью — не любил правды. Тщеславие заволокло ум его, и сказал он:

— Велю я отрубить тебе голову.

— Этим ты и подтвердишь правоту моих слов,— засмеялся Грамотей.

Тут подступила стража, скрутила Грамотею руки и увела в подземелье. Там он и кончил свою жизнь. Но дело его

продолжил пастушок. А Заумник по сей день мастерит свое никчемное колесо, все никак не может найти вечной силы, чтобы сама крутила его безостановочно всю жизнь. Так и морочит людей да все восклицает: «Вот если б я!..» А толку от него никакого. Но люди уже поняли, чего стоит Заумник и кто для них был Грамотей...

Притихший Саша переживал события сказки, вспоминал отдельные ее места, особенно спор Заумника с Грамотеем. Пытался вникнуть, разобраться, кто же из них прав и почему. Он не мог это оставить невыясненным. И очень жалел Грамотея.

Так в раздумье он незаметно и уснул...

Выписался из больницы Саша через неделю. Сидя в кабинете главврача на холодной кушетке, пока мать брала какие-то справки, Саша услышал, как лечивший его доктор сказал про Бориса Сергеевича:

— Там плохо... Левое легкое... Смотрел профессор Свекольников. Сказал, что безнадежно, оперировать уже поздно...

Сашу испугали эти слова. Было в них что-то неопределенное и страшное. Может, он чего-то не понял? Но, вспоминая их по дороге домой, он никак не мог отделаться от ощущения, будто в словах доктора прозвучал приговор Борису Сергеевичу. Саше хотелось вернуться в больницу, в свою палату, увидеть веселые глаза Бориса Сергеевича, убедиться, что тут какая-то ошибка...

Мысль эта не давала покоя. Борис Сергеевич и его сказка жили в Саше как бы отдельно от всего, что происходило вокруг. И он сохранял эту жизнь втайне от всех, как что-то самое драгоценное и важное, что он самостоятельно нашел...

Через несколько дней Саша не выдержал. Когда никого не было дома, взял телефонный справочник и, отыскав больницу, набрал номер. Сперва шли долгие гудки. Саша хотел было положить трубку, но тут кто-то отозвался запыхавшимся голосом. Саша узнал: это была тетя Нюра — старшая медсестра.

— Скажите, пожалуйста, как чувствует себя Борис Сергеевич из десятой палаты? — робко спросил он.

Наступило молчание. Какое-то гнетущее и, как показалось Саше, слишком долгое. Потом тетя Нюра ответила:

— Его от нас забрали... А кто спрашивает?

— Спасибо,— тихо сказал Саша и осторожно опустил трубку на аппарат.

Что-то двусмысленное и тревожное было в ее словах. Ему стало страшно. Он боялся узнать ужасную правду. Не знал, что с нею потом делать. Как одному хранить ее в себе? Как с нею самому справиться? А делить ее ни с кем нельзя, чувствовал он, ибо не знал, как отнесутся к ней другие. Ведь никак нельзя, чтоб она попусту разлетелась по кусочкам...

* * *

После десятого класса Саша Коноплев поступил в мединститут. Учился он хорошо. Несколько раз избирался комсоргом факультета. Два месяца студенческой практики провел как врач в стройотряде студентов политехнического института на БАМе.

Саша стал хирургом. Сейчас его уже зовут не Саша, а Александр Игнатьевич, или просто «доктор Коноплев». Работает он судовым врачом на океанском рыболовном судне, землю не видит по шесть месяцев в году, а то и больше. А дома, на земле, в нашем городе, растет у него годовалый сынишка Борька. И доктор Коноплев ждет, чтобы Борька скорее подрос. Тогда доктор Коноплев сможет ему рассказать сказку про Грамотея.

В конце сентября они ежегодно съезжались на один-два дня в город, откуда демобилизовались в сорок пятом и ушли в гражданскую жизнь. С каждым годом их становилось все меньше и меньше. Годы безвозвратно унесли многих, кто довоевал до конца, уцелел. В ту пору было им чуть больше двадцати, мальчишки, а за спиной осталось окопное бытие, научившее всему с таким запасом, словно отмеряно им минимум два века. Они и жили так — щедро,

неопасливо, безоглядно, нерасчетливо, и не заметили, как перевалило за полсотню, а когда увидели, что замаячило шестьдесят, ахнули, оглянулись, вздохнули: знали, что два века не жить, а то, что прожито, оно и есть главное, потому что осталось совсем немного, даже неведомо, сколько каждому...

Об этом и думал Владимир Иванович Родионов, сидя в купе пассажирского поезда. За окном робко, по-осеннему светало. Уплывали прибранные поля с редкими скирдами, березняки со сквозными просеками. В оголенном и пустынном предзорье — покой и уравновешенность. Благодать.

Родионову не спалось; подперев кулаком подбородок, он неотрывно смотрел в окно, не обращая внимания на назойливое дребезжание ложечки в чайном стакане.

«Что прожито, то и есть наше. И нечего тут...— мысленно рассуждал он.— Пролетело тридцать с гаком, всяко было... Наворочено столько! Где уж тут раскладывать по полочкам, отыскивать, что главное, что — пустое. Главное — не причинить зла. А это самое трудное — руками не пощупаешь, глазами не увидишь. Не причинить! А как? Словами не обучишь. В особенности их, молодых»,— взглядывал на соседнюю полку, где спал двадцатитрехлетний Гриша Капустин.

Они не только попутчики. Гриша работал у Родионова в отделе главного технолога и сейчас ехал к смежникам в командировку, которая и по времени, и по месту назначения совпала с поездкой Родионова.

Но Капустин не спал, прикидывался, лежал, думая о своем. Ему не хотелось разговоров — боялся расспросов: когда вернулся из отпуска, пополз слушок, что Гриша неудачно влюбился и хотел покончить с собой — сиганул с обрыва в пропасть... И еще тревожила Капустина первая в его жизни командировка: зная свой характер, опасался, что смежники отошлют его ни с чем...

Осторожно, чуть-чуть, Гриша разлепил веки, наблюдал за Родионовым. Капустин знал главного технолога, своего начальника — спокойного и рассудительного, веселого и остроумного — в обычном сером костюме, в рубашке с немодным галстуком. А тут, у окна, вроде незнакомый человек — в слинявшей, стираной-перестираной тельняшке. На крючке висел морской китель с потускневшими шевронами. Словно маскарад с переодеванием, даже несерьезно как-то для главного технолога, подумалось вначале Капустину. Но когда увидел, как легко, словно привычный пиджак, Родионов снял и повесил китель, как по-домашнему заученным движением подтянул рукава тельняшки и

обнажил густую синь татуировки, сразу вспомнилось, что воевал Родионов в морской пехоте. И тотчас встала за этим иная, незнакомая Капустину, но реальная и невозвратная жизнь человека, которого Гриша зовет, как и все на заводе,— Владимиром Ивановичем...

— Чего ерзаешь, не спишь? — спросил вдруг Родионов.

— Да так, что-то...— пойманный врасплох, ответил Гриша.

— Скоро приедем... Ты с ними не очень деликатничай, смежники народ лихой, умеют отбиваться. Или боишься? — засмеялся Родионов.

— Немного страшновато,— признался Капустин.— Первая командировка.

— От этого в страх впадать не стоит.

— А от чего стоит?

— Ну, мало ли...

— Вам бывало страшно?

— Бывало.

— На войне?

— Да.

— А сейчас бывает?

— Бывает. Дураков боюсь, Гриша,— то ли серьезно, то ли шутя, сказал Родионов.

— Почему?

— Они не знают, что они дураки.

— Было бы страшнее, если бы на земле жили сплошь умные,— задумчиво произнес Капустин.

— Возможный вариант,— согласился Родионов.— Но все-таки, если глупость одерживает победу, она все равно не способна воспользоваться ею так, как воспользовался бы разум. Так-то, Капустин...

На перроне они расстались: Грише ехать еще двенадцать километров автобусом, который уходил с привокзальной площади.

— Освободишься, подъезжай к вечеру. Я буду в гостинице «Янтарь».

— Вряд ли,— заранее отказался Гриша.

— В чужом городе одному тоскливо, Капустин. Особенно по вечерам.— Родионов посмотрел ему в глаза. Было жаль парня, которого что-то мучает, а что — не поймешь, ломиться в душу с вопросами нельзя, да и не пустит — всегда настороже, замкнут, молчалив.

— Всего доброго, Владимир Иванович, — попрощался Гриша и ушел, покачивая тощим стареньким портфелем...

Вокзал был почти пуст, в зале ожидания два-три чело-

века. Родионов посмотрел на часы над дверью: шесть тридцать пять утра.

— Подвиньте-ка ваш чемодан,— подошла уборщица со шваброй и совком в руках.— Только и знаешь убирать, подметать. Людям пишут на всех стенах: «Уважайте труд уборщицы». Как же, уважат! Двадцать лет убираю, каждый день одно и то же: окурки, огрызки, ошметки.

— Если все сразу начнут исполнять инструкции, те, кто сочиняют их, останутся без работы,— улыбнулся Родионов берясь за чемодан. И тут он услышал голос:

— Простите, мамаша, у вас в городе море есть?

— Во! — хмыкнула уборщица.— Ни свет, ни заря, а уже хлебнуть успел. Проспитесь пойдите, интеллигентный видать, шляпа-то вон какая, рублей двадцать, небось, отвалили, а уже в известке изъелозили. Какое море тут?

Человек в шляпе приблизился к ним.

— Я в этом городе никогда моряков не видел,— посмеиваясь, сказал он и повернулся к Родионову: — Ты?

— Нет,— ответил Родионов, шагнув навстречу.

— Врешь, Володька! Ты!

— Привиделось тебе, Женя. Вон мамаша свидетельствует, пьян ты.

— Кто вас разберет, всякие тут ездют,— она отошла, подгребая на совок мусор.

— Давай целоваться? — весело спросил человек в шляпе.

— А сколько мы не виделись?

— Год!

— Тогда давай, Аникеев. У тебя еще не вставная челюсть?

Они плотно обняли друг друга.

— Здравствуйте, товарищи, с приездом! — окликнул их женский голос.

Рядом стояла девушка в светлом пыльнике, с сумочкой через плечо.

— Здравствуйте,— сказал Родионов.— Вы не ошиблись, поздравляя нас с приездом? Уверены, что мы и есть те, кого пришли встретить?

— Не ошиблась,— кивнула девушка.— Вот вы — Родионов Владимир Иванович.

— Не возражаю. А он кто? — указал Родионов на приятеля.

— Аникеев Евгений Ильич, поэт, журналист.

— Все сходится,— засмеялся Родионов.

— Для автографов несколько не подходящее время,— сказал Аникеев.— Впрочем, мы можем пройти в ресторан, если он открыт.

— Ты забыл, Женя, что женат вторично. К тому же лыс. И это обнаружится, как только снимешь шляпу. А сделать это надо, она в известке.— Родионов снял с головы приятеля шляпу.— А что вы еще знаете о нас? — спросил он девушку.

— Все.

— Это не так много. И не опасно ли все знать в двадцать лет? — спросил Родионов.

— Мне двадцать четыре.

— Простите.

— И это уже не опасно,— весело сказала она.— Я ваш гид по просьбе совета ветеранов. Зовут меня Вера.

— Володя, ведь это уже сюжет! Ты чувствуешь? Есть движение, логика! — засуетился Аникеев.

— Сюжет по твоей части. А я хочу в гостиницу, помыться и привести себя в порядок,— он повернулся к Вере:— У Аникеева в голове роится уже новая поэма. Она будет называться «Вера» и после опубликования возместит ему издержки по этой поездке. Останется даже на подарок второй жене.

— Ну что, едем, товарищи? Машина ждет,— сказала Вера.

— В «Янтарь»? — спросил Родионов.

— Нет, на базу отдыха станкостроительного завода...

На этот раз их собралось двенадцать человек. После шумного общего застолья, разговоров, воспоминаний и вспоминаний о тех, кто не приехал и никогда уже не приедет, они разделились на несколько групп и отправились выступать на завод, в школу, в клуб строителей, в воинскую часть. Возвратились к вечеру взволнованные, уставшие, кое-кто посасывал валидол.

Родионов и Аникеев поселились в одной комнате, выступали вдвоем в солдатском клубе и ужинать отправились вместе, пригласив Веру. Она отказывалась, отнекивалась, но все же уговорили.

Уселись за столик у окна, подальше от оркестра. Подошел официант.

— Он заказывает, у него договор с издательством, и уже аванс получен,— сказал официанту Родионов, кивнув на Аникеева.

— Ты нахал, Володя,— Аникеев взял меню.— Вот это, это,— читал он,— нерубленое мясо есть? Отлично! Да, еще маслины. Бутылку шампанского. Полусладкого. Триста коньяка. И как можно быстрее, я голоден.

— И талантлив, судя по заказу,— подмигнул Родионов,

— Не можешь себе представить, как трудно было вырваться в эту поездку,— сказал Аникеев, когда официант отошел.— Тьма работы, а главное, дома ремонт. Катя не хотела меня пускать. Но все-таки я смылся.

— Ты забыл, что придется возвращаться к той же Кате, а ремонт еще будет не закончен.

— Не порть настроение...

Они ели, понемножку выпивали, беседовали; им было приятно, что за столом с ними молодая женщина, старались быть веселыми и молодыми, но настолько, чтобы не выглядеть смешными, и потому посмеивались и над собой, и друг над другом.

Потом Вера ушла. Они посидели еще какое-то время, вдруг почувствовали усталость и отправились спать. Засыпая, Родионов слышал, как Аникеев, шаркая шлепанцами, дважды прошел в ванную, пил воду и вздыхал...

Следующий день был также заполнен выступлениями, встречами, экскурсиями, прогулками по тем улицам, где когда-то в сорок пятом гуляли с местными девчонками. А поздно вечером начали разъезжаться. Прощаясь, пытались шутить, весело говорили друг-другу: «Что ж, братцы, через год опять?» Но в душе у каждого пекло: хоть и расставались всего на год, но кто знает, увидятся ли опять? Увидят ли Веру, перед которой храбрились, хотели выглядеть отчаянней, интересней? Увидят ли этот город? Ведь через год! А им уже за пятьдесят! Кто знает, что и с кем случится за год?!

Родионов стоял в тамбуре и долго махал рукой, пока проводница не захлопнула дверь. Потом перешел к окну, но перрон уже уплыл вместе с людьми на нем. Потянулись пристанционные пакгаузы, водонапорная башня, стоявший в тупике снегоочиститель...

Войдя в купе, Родионов снял китель, засунул под полку чемодан, приготовил билет и рубль за постель. Вышел в коридор покурить, и когда поезд, уже набрав ход, втянулся в лес, вспомнил о Грише Капустине: как он там управился с заданием?

Гриша был застенчив настолько, что это попросту выходило за рамки приличий. Он не садился в трамвае, не садился в гостях вопреки долгим и в конце концов уже скорее раздраженным, нежели вежливым упрашиваниям. Он не садился даже на совещаниях у Родионова. Все сидели, а Гриша стоял на облюбованном месте — у самой двери, у шкафа с заводскими планировками, прислонясь к нему и совсем вжимаясь в него, когда в крохотный кабинет

кто-нибудь входил. Гриша давно изучил рельеф боковой поверхности этого шкафа. Небогатый рельеф, но и он давал пищу человеку с воображением: натеки лака походили на сглаженные ветром скалы, царапины — на ущелья, глазки срезанных сучьев и водянистый рисунок древесного ствола напоминали географическую карту с горизонталями высот.

Эта карта манила путешествовать.

Странствиями жизнь Гриши была не богата, его существование замыкалось рамками родного города — необыкновенного, местами шумного, местами пустынного, новомодного и древнего. Да, все это так, все в нем имелось, но иногда и необыкновенный город хочется покинуть хоть ненадолго.

Во время длинных совещаний в кабинете Родионова Гриша мысленно путешествовал по древесной карте боковой стенки шкафа, преодолевая заветренные перевалы, переходя вброд речушки, где под плоскими камнями копошились крохотные пресноводные крабы, спускался в долины, где изящно изгибались на громадных пнях ящерицы, где зелень тяжела и роскошна, а литое солнце создавало из воздуха какую-то новую среду, по плотности не уступающую воде.

Все это существовало в природе, он знал об этом из книг, фотографий, картин, и все это оживало, когда он стоял у шкафа в равнодушные зимние дни, в слепые осенние, в пьяные дни весны, в летний пузырящийся дождь или в ярко-голубой полдень...

Владимир Иванович Родионов никогда не приглашал Гришу высказываться по общим вопросам, знал: станет мяться и медленно, беспорядочно двигать руками — и ни слова от него не добьешься. Гриша отвечал лишь на вопросы типа «где?», «когда?» и «в каком состоянии?», отвечал с боязливой краткостью, чтобы не задерживать на себе внимание. В принципе, эти вопросы должен был освещать его групповой инженер Бревко, но Родионов упорно задавал их технологу Капустину. И Гриша отвечал. Грезы его с участием облупленного шкафа были скрыты, как подземный поток, и раздвоенное сознание с привычной аккуратностью следило за ходом совещания.

Когда оно кончалось, Гриша первым исчезал из кабинета, торопливо курил в коридоре и садился за свой стол.

В комнате стояло около пятидесяти столов — пять рядов штук по десять в каждом. Стол Гриши располагался в в самом центре, неуютно, но что же делать, уютные углы заняты старожилами и теми, кто умел отстаивать свои права.

Он и в отделе-то появился случайно. Родионов как-то заметил во втором механическом цехе нового паренька — очень тихого, тщательного, послушного и чему-то затаенно сопротивляющегося. Должность у паренька была «распред». Он обязан был все детали из своего цеха выдавать в другие цеха комплектами. Но для этого фактически он должен быть диспетчером, то есть существом, обладающим хитростью змеи, выносливостью верблюда и голосом льва. Уж это Родионов знал точно. И, не слушая сетований сопровождающего его начальника техчасти цеха, который жаловался на разболтанность инструментальщиков, задумчиво следил за Гришей.

Среднего роста, худенький, с печальными светлыми глазами под угольно-черной шапкой волос на хрупком смугловатом лице. Работал он так же застенчиво и тихо, каким казался и с виду, незаметными, легкими движениями; неслышно переговаривался с кладовщицами, их голоса гремели, его шелестел. Но в шатком порядке кладовой, от которого до неразберихи рукой подать, на избитом деталями столе лежал безупречно чистый журнал комплектовки, и даже на расстоянии было видно, как четки и аккуратны записи в нем.

— Давно он у вас?

Начальник техчасти вопросом Владимира Ивановича был застигнут врасплох и не сразу понял, о ком речь. Сообразив же, аттестовал Капустина наилучшим образом и сказал, что да, уже давно, почти два года, из них полтора проработал слесарем по ремонту приспособлений.

— Заберу я его от вас,— сказал Родионов, и цеховой технолог только руками развел: все, мол, в вашей власти.

Еще не раз видел главный технолог тихого распреда второго механосборочного то в цехе, то на территории, то в столовой озабоченного и погруженного в свои расчеты, арифметически простые, но зато сложнейшие психологически, связанные с добыванием деталей до полного комплекта от разнохарактерных участковых, сменных и старших мастеров, в арсенале которых есть все средства борьбы — от ласкового обмана с шутками-прибаутками до соленой матерщины.

Однажды Родионов догнал Гришу в длинном коридоре и спросил:

— Сколько получаешь?

— Семьдесят пять рублей.

— Учишься?

— Д-да... в политехническом на втором курсе.

— Пойдешь ко мне в отдел техником-технологом?

Гриша растерялся и медленно, беспорядочно задвигал руками.

— Подумай, — сказал Владимир Иванович, кивнул и ушел к себе...

С тех пор прошел год. Гриша работал в отделе у Родионова, с редкими и короткими перерывами писал за своим столом технологии на слесарную обработку, писал в равнодушные зимние дни и в слепые осенние, в пьяные дни весны, в летний пузырящийся дождь и в ярко-голубой полдень...

А вечерами писал в аудиториях политехнического института. Два года подряд он поступал в художественное училище, но оба раза срезался на конкурсе рисунка. Однако рисование не бросил, вот только времени не хватало.

На совещаниях в кабинете главного технолога, водя пальцем по боковой стенке обшарпанного шкафа, Гриша видел себя, раскованного, забывшего о смущении и робости, с мольбертом в обществе грациозной светловолосой девушки где-то на необитаемом острове, под безмятежным солнцем, под ласковым ветром, ублаготворенного спокойным дыханием океана, шорохом громадных пальмовых листьев, полетом невиданных птиц... Ну, пусть не на тропическом острове, но хотя бы на берегу Черного моря, он никогда еще не был у моря...

Летом его мечты осуществились: он получил в завкоме путевку в пансионат на Черноморском побережье Кавказа.

Это превосходило своим великолепием высмотренное на картинках и вычитанное в книгах. Здесь были и пальмовые аллеи, и ослепительные теплоходы у причалов. Все двигалось, смеялось, дышало полной грудью, исторгало ликующие возгласы, обрывки модных песенок, беззаботных разговоров. Вода и берег, теплоходы, рестораны и кинотеатры кишели людьми, шумными, легко одетыми; они наслаждались радостной сутолокой, сиянием солнца, блеском моря и шепотом деревьев. Широкие лестницы текли прямо в море как каменные водопады, парадно возвышались санаторные дворцы, сверкая стеклом, алюминием и поражая простотой форм; воду бороздили десятки суденышек, небо — серебристые самолеты и пестрые вертолеты. Словно непрерывное празднество, которое было связано с чем-то, чего Гриша попросту испугался.

Едва только поезд миновал станцию Белореченскую и равнинный пейзаж в окне сменился невзрачными, поросшими кустарником холмами, не предвещавшими величия кавказских хребтов, пассажирами купейного вагона овла-

дело беспокойство. До сих пор они меланхолично отсиживались или отлеживались в своих купе, не нуждаясь в общении. Теперь же все припали к окнам, за которыми простиралась долина с полями, рощами и поселками, и домишки, машины, квадраты полей казались игрушечно красивыми со стометровой высоты железнодорожного полотна. Стихийные смотрины привлекли всех, и хотя никакого общего разговора не было, но уже метались из конца в конец взгляды, все размашистее становились жесты, все громче смех, и еще до того, как группки в разных концах коридора стали перемешиваться, а затем обособляться, установилась атмосфера любви и доброжелательности, ожидания и призыва. Гриша почувствовал это, несмотря на свою, мамой и папой взлелеянную, неискушенность, и ему нестерпимо захотелось быть таким же веселым, смелым, как все молодые и не очень молодые люди, которые легко и отважно идут на сближение. Но он знал, что у него так не получится, стоял у окна и вымученно улыбался, никем не замечаемый и никому не интересный. Казалось, что внимание всех сосредоточено на нем одном и все удивляются его неуместному присутствию.

Это длилось целую вечность и было мучительно.

Начались туннели. Они с шумом втягивали в себя поезд и в грохоте пропускали сквозь свою прокопченную тьму. Горы стали выше и круче, но и там, на одном уровне с вершинами, роилась жизнь. Облака оживляли мрачный камень. И солнце его оживляло, и голубизна неба. И журчание прозрачных речек. И шумящий горный лес у подножий. Как ни грохотал поезд, как ни торопился, он не мог проскочить мимо бытия горного леса и не мог заглушить его шума.

Нет, никакие описания не заменят прелести натуры, думал Гриша. В лучшем случае они могут дать представление о ней. Но даже если представление это ярче, чем сама действительность — с солнцем более горячим, с небом более синим, с зеленью зеленой и густой до неправдоподобия, с очертаниями вершин более причудливыми, чем рискует их выполнить природа,— то и тогда этой ослепительной и пестрой росписи не хватает главного: жизни. Земля даже на кладбищах пахнет жизнью, а с картин она не пахнет ничем. Живопись тем и хороша, что, глядя на нее, вспоминаешь тепло, и влагу, и звуки, и ароматы. Но вспоминаешь, если глядишь на нечто знакомое, на вошедшее в память через все органы чувств, а не через одно только зрение, потому что, не ощутив жизни из нее самой, разве ощутишь ее из описания красками или словами?

Какое горячее солнце! Какие долины! И пролетаешь мимо этого, и деревья проходят сквозь тебя, и оставляют в тебе свой аромат, и шелест, и сухую теплую пыль, и проходят сквозь тебя горы, и травинки, и легкие речки, и все оставляет частицу себя и требует немедленно схватиться за кисти и краски. И останавливает лишь мысль о том, что получатся в результате не живые горы, а красивая и мертвая картина. Значит, остается глядеть и впитывать краски, шумы и запахи, зная, что впереди, за коротким отпуском, будет много обыкновенных будних дней, когда каждый миг и каждая незамысловатая картинка этого отпуска приобретут драгоценность воспоминания и ярчайшие, несравнимые с настоящими, краски.

И, забыв о несмелости своей и ненужности, Гриша, забравшись в купе, одиноко глядел в окно, щурясь, когда грохочущие туннели втягивали поезд и выбрасывали его по другую сторону горы; глядел и смущенно улыбался, и Кавказ в ответ улыбался ему гордо и покровительственно и обещал много незабываемых впечатлений и необыкновенных встреч...

Родионов и Гриша Капустин жили в одном районе, на параллельных улицах, и почти ежедневно встречались на троллейбусной остановке, кивали друг другу, и каждый самостоятельно садился в троллейбус, редко обмолвившись каким-нибудь словом. Но с тех пор, как Капустин стал работать у Родионова, они иной раз успевали кратко поговорить о чем-нибудь. Обычно разговор затевал Родионов, с любопытством приглядываясь к Грише. Чем-то он был занятен, да тут еще слушок, что сигал с обрыва из-за неудачной любви. Родионов чувствовал в парне натуру неординарную, во всяком случае, необычную для него, знавшего заводскую молодежь в пределах давней традиционной схемы. Любопытство это подогревалось еще и тем, что у Родионова было двое детей почти такого возраста, как Капустин. Разгадывая для себя Гришу, он думал о том, что, наверное, и своих-то не так уж хорошо знает, как полагал прежде. «Они о нас знают почти все, мы же о них... Что мы знаем? Только то, пожалуй, что на поверхности. А как преодолеть это расстояние? Физического измерения для него нет. В этом вся беда...

Его суждения о людях основывались на их поступках. Чаще всего этого хватало для краткой характеристики «человек» или «не человек». Но иногда наблюдения противоречили друг другу, хорошие черты оказывались у плохих людей, а хорошие люди бывали покрыты такими лишая-

ми! Это, в общем-то, не бог весть какое удовольствие — счищать с человека окалину. Особенно раздражало Владимира Ивановича слабоволие — как сопливость или иная подобная неопрятность. Хотелось встряхнуть, распрямить слабака. Как правило, Родионов побеждал это искушение без труда, даже с неким презрением к слюнявой филантропии: пусть каждый пожнет то, что посеял. Если он, главный технолог завода, отец двоих уже взрослых и требующих много внимания детей, должен тратить силы на что-то еще, то уж по крайней мере на что-то разумное.

И все же, каждое утро, встречаясь в Капустиным, мучительно соображал, о чем сегодня говорить с парнем, как оттащить его от каких-то тайных и, как полагал почему-то Родионов, опасных мыслей.

В августе исполнялось пятьдесят лет Бревко. Старый кадровик, ветеран завода, надо было отметить как подобает, чтобы запомнился человеку праздник. Торжественную часть Родионов взял на себя, пошел к директору, организовал грамоту, приветственный адрес, приказ о премировании. А веселье поручил ребятам из отдела — им только дай волю. И посоветовал привлечь к этому делу Капустина, да поплотнее, чтобы было ему и работы и смеха по горло.

Главным сюрпризом оказался подарок штукача и выдумщика Мишки Бондаря — памятная книга — жизнеописание Василия Кондратьевича Бревко. Еще и теперь приходят в ОГТ, просят дать почитать. Текст Бондаря, рисунки Капустина. Что текст, что рисунки. Как спелись. И оформление всамделишное, почти типографское, переплет по всей форме, год издания, тираж (1 экземпляр), редактор, корректор и все такое.

Родионов, хохоча, читал эту книгу и думал о Капустине: «Теперь парень пойдет на поправку. После такого хандрить не по силам будет». Но на всякий случай велел втянуть его в подготовку КВН с конструкторами.

Плохо рассчитал. Ничего не изменилось, разве что больше не заманить было Гришу на подобные поручения: выпустить стенгазету или какой-нибудь там листок-«колючку» — на это еще соглашался, но с тоской, без смеха. А от КВН отказался. Дескать, много работы, институт... По форме-то прав, а по существу — отговорки, да и не очень удачные, потому что предлагали ему в рабочее время.

А вся-то причина, должно быть, в том, рассуждал Родионов, что не желал он расставаться со своим настроением, упивался, жил им... Нет, не то. Этак, пожалуй, слишком просто.

Сеялся мелкий дождик, тускло блестели мокрые рельсы, асфальт тротуара, булыжник мостовой. Прохожие нахохлились, на остановках, сердито толкаясь, садились в трамвай. Сырой воздух скрадывал дали, все было туманно, расплывчато. От вокзала доносилось тяжкое пыхтение, поднимались в воздух серые клубы пара, на фоне серого же неба он был почти неразличим.

Гриша молча брел рядом с Владимиром Ивановичем, голову втянул в плечи, без шапки, воротник плаща поднят.

Он старался не глядеть в сторону вокзала, но это было выше его сил, он смотрел, и в глазах его таилась тоска...

Родионов негромко рассказывал о последнем выезде на рыбалку, о пятикилограммовом соме, о щуках, линях, о ветре, о красном закате...

Гриша согласно кивал головой, смежал веки, и перед ним в ослепительном блеске южного солнца возникал чистенький железнодорожный перон, вышки нефтеперегонного завода и город, взбирающийся прямо в голубое небо по меловым скалам вдоль окаймленных зеленью асфальтированных лент. Пассажиры, возбужденные, разгуливали по перрону, а Гриша не решался. Он высунулся в окно, взволнованный не менее остальных, и не мог понять, что подействовало на него, на людей, как разлитое в воздухе молодое вино? Потом поезд тронулся, и через минуту, ошеломленный, Гриша понял: море. Молочно-голубое, расплывчатое, оно качало город, поезд и грязные черно-красные суда и стенки порта. Поезд мчался наперегонки с волной, прижимаясь к желтой скале. Море было бесконечно.

Владимир Иванович все еще что-то рассказывал, и думал о том, что никакими, даже самыми удивительными, сообщениями этого парнишку не удивишь. Ему все вроде безразлично...

...А перед глазами снова возник нарядный сочинский вокзал — башни, лестницы, переходы, натуральный камень и зелень на нем. Автобусы, такси, ларьки с сувенирами, столовые, платановые аллеи, уходящие неведомо куда,— и внезапное ощущение сказочности окружающего. В какую бы сторону ни направился, не знаешь, что там, и от этого охватывает растерянность, но растерянность праздничная в этой радостной сутолоке, среди солнца, теплого ветра и напряженного гудения репродукторов, возвещающих о прибытии все новых и новых поездов...

— Помнишь, какие избушки здесь стояли, на этом месте? — уже настойчивее отвлекал Гришу Владимир Иванович.— А теперь вот... Кое-чему строители все-таки научились. Формы нормальные, и в смысле трудоемкости эко-

номно... Помаленьку меняется жизнь, не так быстро, как нам бы хотелось, но надо иметь терпение.

Эту универсальную фразу Владимир Иванович произнес с некоторым нажимом и даже голову повернул к Грише за ответом, потому что сказано было специально для него, и тот понял, что это попытка выяснить, в чем его, Капустина, неблагополучие, и надо было ответить, но ответить нечего. Какая-то длинная запутанно-невнятная фраза шевелилась в мозгу вяло-вяло, как робкое желание поблагодарить главного технолога за его неумелое участие, особенно драгоценное, потому что он делал нечто не совсем свойственное его жестковатой натуре.

А Владимир Иванович тут же устыдился своей прямолинейной настойчивости и отвел глаза, ибо понял то, чего сам Гриша понять еще был не в состоянии: как беззащитен может оказаться человек вроде Гриши — бесконечно искренний и живущий только чувствами.

Прежде Владимир Иванович думал иначе. Теперь как-то прорвалось: завтра такое же может сотвориться и с твоими детьми, и тоже не будешь знать, почему и откуда... Отомкнуть бы его как-нибудь... Но как?..

Гриша слушал, иногда тихим голосом что-то говорил вежливо и деликатно, а светлые его глаза смотрели на мокрый, тускло блестящий мир, и он снова отдавался созерцанию невозвратимого времени своего отпуска...

Этот экзотический вокзал, схожий с веселым за́мком из сказки и увитый зеленью, крохотная платформа, врубленная между зеленых склонов с таинственно темнеющим туннелем, медно-голубой полдень и воздух, прошитый горизонтальными колоннами теплого ветра, мгновенно вытеснили все впечатления прошлой жизни. Вдруг в какие-то доли секунды его окутало, пронизало и освободило от всех сомнений чувство беззаботности, оно не лишено было страха, потому что впервые он оказался предоставленным самому себе вдали от дома и от всяческой опеки, вокруг простирался огромный мир, меняющийся так капризно, что ненадежным казался даже адрес в путевке. Но с отчаянной решимостью, с каким-то даже весельем, наморщив лоб, Гриша подхватил свой чемоданчик, и широкая лестница привела его на привокзальную площадь.

Несколько минут стоял он, оглушенный сутолокой и обилием раскрывшихся дорог. Потом заметил длинную очередь у представительного киоска справочного бюро и уже было двинулся туда, но тут обратил внимание на еще более длинную очередь в столовую, расположенную на за-

темненной террасе в левом крыле вокзала, и вспомнил, что с самого отъезда из дому почти ничего не ел, только курил и пил лимонад. Душные и все же аппетитные запахи столовой манили, и Гриша пристроился к длинному хвосту очереди. Замыкала ее группа молодых людей постарше его, одетых не модно, но очень легко и с полным пренебрежением к общественному мнению. Девицы в бриджах и блузках, трое парней — двое из них были бородатые — в шортах, в сомнительной свежести теннисках и кедах. Вся компания, обсуждая что-то, хохотала.

...Теперь, бредя на работу или с работы, и за своим неуютным столом, торчащим в самой середине комнаты, Гриша нередко задумывался, что было бы, повремени он с обедом или если стал бы в иную очередь — в справочное бюро и без промедления отправился бы затем к месту своего отдыха, где и пообедать мог, избежав этого знакомства...

Рок, судьба... Бессмысленные слова. Ничего они не объясняли, только глубокомысленно прятали отсутствие всякого объяснения. Судьба — это всего лишь выражение предопределенности. А предопределенность не от характера ли?

Гриша думал об этом снова и снова, мысли были нечеткие, трудно распутать их, расположить в очевидной логической последовательности, но он чувствовал: то, что произошло, было неизбежно. И не важно, в каком именно месте, в какой очереди настигло его это.

...Молодые люди в очереди говорили о чем-то научном, применяя труднопроизносимую и совершенно незапоминающуюся терминологию, но всем доступные слова «пласт», «горизонт» и «пробное бурение» объяснили, что это геологи.

Гриша обратил внимание на девушку в коротких бриджах. Было что-то необыкновенное в ее узком лице с широко расставленными глазами. Гриша увидел ее смеющейся, но что-то печальное проглядывало в этом смехе, и он сразу почувствовал к ней расположение и запомнил ее имя — Кира. Потом, когда какой-то миг она отдыхала от смеха, а отдыхать было не просто, потому что рассказчик, высокий парень, так живо все представлял, что даже Грише, незнакомому с персонажами, приходилось отворачиваться, чтобы не видна была улыбка, на которую он, как человек посторонний, по его мнению, не имел права. Так вот, когда Кира мгновение отдыхала от смеха, Гриша понял: в широко раскрытых Кириных глазах гнездилась тревога, и это чувствовалось сквозь улыбку.

Вторая девушка, Марина, постарше, лет двадцати вось-

ми. В ней вроде все было заурядным, разве что белый рубец, пересекавший висок, щеку, шею и прятавшийся под легкой кофточкой, менял лицо Марины: неожиданно в нем проступала какая-то исступленность.

Симпатяга-рассказчик (его звали Володя), продолжая свое повествование, повернулся в фас, и Гриша увидел, что его добрые карие глаза заметно косят. С этого момента он проникся доверием и к Володе: почему-то был убежден, что по-настоящему добрым и не заносчивым может быть только тот, кто не обладает физическим совершенством, красивым людям доверять нельзя, они ослеплены собой, и что для них другая личность? А чем еще определить доброту человека, как не отношением к другим, к людям вообще?

Володя рассказывал о каком-то Лене Кошкине, о его похождениях в Министерстве геологии, куда был вызван для отчета за какие-то нарушения и злоупотребления.

— Простите, коллега,— возражал в министерстве Кошкин,— я читал вашу статью о различиях региональных и околорудных аномалий и должен сказать, что совершенно солидарен с вашей трактовкой данного вопроса. Поэтому меня удивляет ваше нежелание поддержать меня в этом деле, деле воистину государственной важности. Полагаю, коллега, что вам, старшему и годами и опытом, лучше меня известно, что анализ геосинклинальных осадков...

Дальше шли оглушающие ученые слова — в три сажени с окончанием на «ация» и «енция», и было слов этих великое множество.

Кира, Марина и двое бородачей, слушая Володю, хохотали. Юмор же ситуации, как оказалось, заключался в том, что таким словарем Леня Кошкин изъяснялся с инспектором из отдела кадров, по образованию учителем истории, а по опыту работы директором всякой всячины в пределах города Москвы, и этот кадровик и на «коллегу», и на приписываемое ему авторство дерзкой гипотетической статьи (автором которой, кстати, был сам Кошкин), должен был, по логике, прореагировать термоядерно. Но Леня исполнил всю сцену с таким непоколебимым простодушием, что чиновник поверил в его искренность и чужих регалий со своего плеча не снял.

Смеялись, впрочем, не над ним, а восхищаясь нагловатой находчивостью Кошкина, сумевшего так просто оградить от беды и себя, и всю интересную и многообещающую работу.

А Гриша тут же решил разыскать веселых геологов на пляже и сидеть от них неподалеку. Он решил это твердо,

потому что и Кира ему понравилась, захотелось ее написать, и Марину тоже, непременно в профиль, она какая-то необыкновенная с этим белым рубцом.

Тут подошла очередь заказывать первое и второе, и они заспорили — брать или не брать на двоих опоздавших; решили брать, и тут же, как по заказу, а вернее, по железному закону приходить в назначенное время, невзирая на препятствия, появились опоздавшие — и...

Судьба, фатум... Привычные слова, не больше. Ничего они не объясняют, ничего! Судьба — и падай перед ней на колени...

Родионов сидел за письменным столом в своем кабинете и просматривал какие-то бумаги. За его спиной в шкафу, заваленном рулонами кальки и ватмана, рылся Капустин.

— Ты ищи, ищи,— сказал Родионов.— Эти чертежи должны быть здесь.

Зазвонил телефон.

— Слушаю. Родионов,— снял он трубку.— Хорошо, сейчас закажу пропуск...

Звонил управляющий трестом «Юго-Западруда» Мельников. Они были давно знакомы, уважительно относились друг к другу и как-то незаметно перешли на «ты» — люди одного поколения, для которых работа всю жизнь была если не смыслом существования, то уж формой его безусловно, и за пределами такого существования все представлялось опустошенно тоскливым, оба страшились времени, когда придется «доживать» жизнь...

Мельников посещал его на заводе впервые, Родионов догадывался, что визит его как-то связан с участием Родионова в комиссии по испытаниям новой экспериментальной буровой установки, которую, возможно, заводу передадут в серийное производство. Установка была остроумна, эффект от ее внедрения обещал быть впечатляющим, во всяком случае, по первым предварительным отзывам: она бурила не одну-две скважины, как обычно проходчик ручным перфоратором, а по двадцать пять пучков сразу, в каждом из которых было по десять-двенадцать параллельных «ходок», и все — почти без участия человека. Производительность труда увеличивалась в десять раз. Для горнорудной промышленности — ого-го!.. На взрывных работах высвобождается уйма людей, убыстряется скорость и глубина проходки, вместо двадцати блоков можно оставить один, но и этот один позволит выдать на-гора пятнадцать тысяч тонн сверхплановой руды в месяц. Родионову предстояло дать технологическое заключение о рентабельности запуска установ-

ки в серию... Все правильно... Но чего вдруг пожаловал Мельников?

— Садись, Павел Сергеевич,— сказал Родионов гостю.— Какими судьбами?

— Судьба и погнала к тебе,— усмехнулся Мельников и покосился на Капустина, шуршавшего в шкафу бумагами.

— Это мой техник-технолог,— посмотрел Родионов в сторону Капустина, понимая, что Мельников хочет дождаться, пока тот уйдет. И внезапно подумал, что какой бы разговор ни произошел, уж кому-кому, а Капустину лишь на пользу пойдет поприсутствовать, послушать, чем она, жизнь, многообразна и чем отличается от умозрительных схем, порожденных самокопанием.— Он нам не помешает,— сказал Родионов Мельникову, заметив, что Гриша стоит в нерешительности, терпеливо ожидая, пока его выдворят из кабинета.— Ты ищи, ищи, Капустин, а мы будем заниматься своими делами... Так что у тебя, Павел Сергеевич?

— Даже не соображу, с чего зайти,— поскреб Мельников затылок.— Ты знаешь, что у нас является определяющим показателем? Месячная выработка руды на одну штатную единицу. Так вот, за минувший год на шахте, где проводится эксперимент с новой установкой, выработка эта увеличилась почти на двадцать тонн.

— На одну штатную единицу? — не поверил Родионов.

— Да.

— Поздравляю! Этак ты, Павел Сергеевич, скоро в герои выйдешь.

— Подожди с поздравлениями. У Луны две стороны. Одну видим, другую нет. Я покажу тебе, Владимир Иванович, другую. Производительность труда растет, это верно. Нужда в сотнях людей отпадает: за них работает установка. Значит, сокращаем штаты. Прекрасно вроде? А на деле? Сокращение штатов автоматически переводит шахту в низшую категорию. И оборачивается это тем, что премиальный фонд только по одной такой шахте урезается почти на три тысячи рублей. Уразумел? А шахт этих у меня много.

— Как же так?

— Вот так. Но это цветики. А вот тебе ягодки: деньжата на социально-бытовые нужды тоже ведь выделяются в зависимости от количества штатных единиц. Что это такое, сам знаешь. Но и это еще не все. Добыли мы, скажем, миллион тонн, имея штат две тысячи человек, и тот же миллион со штатом тысячу человек — ставки остаются неизменными. Поощряет ли это повышение производительности труда? Да чихать людям на нее, если результат их работы обесценивается...

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, забыв о Капустине. А тот, боясь шевельнуться, сидел за спиной Родионова на полу у шкафа и, удивленный разговором, с острым любопытством гадал, как все повернется дальше.

— Чем же могу быть тебе полезен? — наконец спросил Родионов, понимая, что Мельников пришел не просто поплакаться.

— Не спеши с дифирамбами этой установке. Попридержать все это надо.

— Ты против установки?

— Не против. Она, наверное, хороша и нужна. Но сегодня ее запуск войдет в противоречие с реальными условиями, они ее будут дискредитировать, народ не готов принять ее на тех условиях, которые я тебе изложил.

— Значит, ты предлагаешь мне зарезать ее, что ли?

— Я тебе объяснил ситуацию, Владимир Иванович. Выводы делай сам,— поднялся Мельников.

— Действительно, ситуация,— покачал головой Родионов, провожая управляющего трестом до двери.— Тут думать надо, Павел Сергеевич. Логики во всем этом нет.

— Кажется, Маркс сказал, что делом любой логики является логика самого дела...

После его ухода Родионов в задумчивости сидел, глядя в окно, выходившее на заводской двор. Он, конечно, понял, о чем просил Мельников. В деликатной форме «не спеши с дифирамбами» крылось простое содержание: притормози это дело, не допускай пока до серийного производства.

«Да как же он ко мне с такой просьбой!? — думал Родионов.— Чтоб я пустил под откос большое государственное дело?.. С другой стороны, трест тоже не артель. В городском бюджете его денежки вес имеют для целого микрорайона — это и детсадики, и профилактории, и быткомбинат, и еще всякая всячина... Без нее не проживешь. В микрорайоне почти сто тысяч человек... Тоже ведь государственное дело... Задал ты мне задачу, Павел Сергеевич...»

— Ну что, нашел? — вспомнил он о Капустине.

— Нашел,— тихо ответил Гриша.

— Чего ж стоишь? Иди.— И, глядя в напряженную спину Капустина, направляющегося к двери, вдруг подумал: «Интересно, как бы он на моем месте решил?»

А Капустин, открывая дверь, тоже гадал: «Как же он выкрутится из этого? Интересно, а как бы я на его месте поступил?..»

Люда... С ясным и веселым лицом, с хрипловатым голосом, с кукольной фигуркой, и сама вся до неправдоподо-

бия кукольная; сумасбродка, о какой и подумать невозможно, что такая способна поразить воображение... Невозможно подумать, потому что этот тип женщин многократно описан и освистан, на них, как на дорожных знаках, повисли предупреждения предшествующих поколений.

Но, столкнувшись лично, убеждаешься, что, во-первых, опыт предшественников ничего не значит, потому что в самом знакомом есть чуть-чуть незнакомого, и эти-то детали придают твоему случаю неповторимость и несхожесть с опытом других. Верно, типы людей существуют, но каждый человек — это не тип, да и чувства возникают не по заповеданным рецептам осмотрительности, а неизвестно почему; и на фоне прямо-таки страшной — в понимании бесполезности сопротивления ей — красоты уже не замечаешь густо начерченных ресниц и хрипловатого голоса. А когда замечаешь, то оказывается, что любишь именно это, именно несовершенство, да как еще любишь!..

Если ты застенчив, и робок, и неумел, как для тебя окажется живительна общительность другого человека, беззлобная прямота его оценок, нетребовательность и легкость. Ты примешь все, даже если будешь подозревать, что в противоположности ваших характеров кроется зародыш драмы.

Но вначале, при первом появлении, Люда и не выглядела противоположностью.

Она вошла в сопровождении долговязого парня и, сбросив на пол оранжевую сумку, рассеянно расцеловалась со всеми, ее спутник тоже расцеловался с девушками и обменялся мужественным рукопожатием с Володей и бородачами.

— Пойдем на Ривьеру или на Приморский? — спросил он. Ему что-то ответила Марина.— Как хотите. Мне на Ривьере больше нравится.

И Гриша понял, что они будут на Приморском, хотя и не знал еще, что это, и где это, и насколько это удобно для него.

— А ты что-нибудь рисовал в Сочи? — спросил по дороге на работу Владимир Иванович.— Я ведь там и не бывал ни разу. Как-то не пришлось. В Крыму бывал, в Евпатории, все с детьми... Однажды в Феодосии. В Ялте на экскурсии. А на Кавказе не был. Красиво, говоришь? А ты принеси свои наброски.

И путь продолжался в молчании. Шли вдоль ограды политехнического института, за ней начинался парк. В детстве этот парк казался Грише огромным и таинственным, теперь он был прозрачен и прост. Гриша смотрел на ели и клены,

а вспоминал Сочи: подтянутые, надменные кипарисы и эвкалипты, оборванные, со свисающей полосами корой, под которой обнажается ствол цвета человеческого тела...

На пляже, далеко, почти в часе езды от своего пансионата, Гриша, стараясь не привлекать внимания, писал акварелью. Писал, конечно, Люду. Контраст между ее уверенным жизнелюбием и тревожной напряженностью Киры был настолько разительным, что Гриша отказался от намерения писать их группой. Это намерение вернулось позже.

Геологи сидели метрах в пяти от Гриши: Люда на полотенце, рядом с нею Вовик (звали его Котенок); энергично мошенничая, они играли в подкидного дурака; чуть в стороне — Кира и Володя. Марины и бородачей не было.

Гриша уже сделал три карандашных наброска с Люды и два с Киры, а теперь писал Люду акварелью на плотном ватмане. Листы ватмана, сложенные пачкой и склеенные по бокам, служили мольбертом; исписанный лист он отрывал — и можно писать на следующем.

Конструкция привлекла внимание Вовика. Он сперва щурился со своего места, а когда Гриша оторвал очередной лист и принялся на следующем набрасывать Киру, подошел ближе, посмотрел, присвистнул и позвал Володю.

— Видишь?

— Вижу,— ответил Володя.— Суслик, перенимай опыт. Эге, братец, да тут тебе перенимать и перенимать! Можно взглянуть? — Он потянулся к акварельному портрету Люды.— Это ты сейчас? Не может быть! Чесное слово? Э-э... Людка, Кира, идите сюда! Познакомьтесь.

Гриша потерялся при знакомстве. Он беспорядочно двигал руками, делал какие-то нелепые жесты шеей и головой, а свое имя пробормотал так невнятно, что Володя вынужден был переспросить. Но Володя же и разговорил его помаленьку. Он все понял и был так деликатен!

— Как человеку вряд ли, но как художнику тебе повезло. Мы тебе обеспечим роскошную натуру. Имеются в наличии два таких таежных пирата, по выражению нашего начальника. Аз грешный согласен позировать, но в профиль, чтобы видно было только одно око. Вовик может быть использован в качестве краскотера... Художники, кажется, трут краски, правда? Ну вот, я же знаю... вернее, слышал, но для чего трут — понятия не имею. Да, у нас есть еще совершенно потрясающий экспонат — наш начальник Леня Кошкин, личность уникальная...

Когда уже все вместе возвращались с пляжа, Гриша, поотстав с Володей, стал несвязно говорить ему что-то признательное, но тот мягко его остановил:

— Давай условимся сразу: без приятных слов. У нас это не принято. Будем работать на подтексте. Годится?

Казалось, никто из них не способен говорить серьезно. И даже бородатый мудрец Вартан изрекал свои афоризмы в такой форме, что их можно было принимать, можно было и смеяться. Как угодно.

И Володя произнес следующую серьезную фразу только дней через десять после знакомства. За какую-то удачную выходку обняв Люду, он заметил страдающий взгляд Гриши и сказал:

— Не обращай внимания, это братское. Людка блондинка, а я люблю брюнеток с узкими лицами.— И, внезапно присмирев, мельком взглянул на Киру. Она лежала у самой воды вверх лицом и тихо гладила тонкими пальцами нагретую гальку.

Дождь, дождь... Все тот же, еще с самого утра, нудный осенний дождь. Серые дома, серые тротуары, деревья, прохожие. Худенький мокрый котенок спал на прилавке газетного киоска... Как приятны в такую погоду воспоминания...

В аудитории светло и пустовато. Матовые шары под потолком. По стеклам окон стекали извилистые капли.

В тот момент, когда доцент кафедры «Детали машин», привстав на цыпочки и перекосившись, писал под самым обрезом доски формулу расчета вала, нагруженного крутящим и двумя изгибающими моментами, Гриша достал из конверта вырезанный из черной бумаги силуэт — профиль Люды. На нем округлым детским почерком нанесена желтой акварелью дата. В этот день...

Но еще раньше этого дня прибыл, наконец, Леня Кошкин, и ссора между ним и Людой произошла прямо на глазах у Гриши. Очень интеллигентная была ссора, Гриша даже не сразу разобрал, что это такое. Несколько напитанных ядом замечаний, внешне вполне благодушных, несколько иронических мин...

Леня Кошкин появился в лагере геологов (они жили в двух палатках, разбитых вопреки запрету городских властей в самом зеленом углу Светланы) в сопровождении Вартана и Марины. Он улыбался и подпрыгивал на одной ноге. Вторая, толсто обмотанная бинтами, не помещалась в туфлю. Да и весь Кошкин был обинтован по самое горло, и это с самого начала окружило его в глазах Гриши героическим ореолом, за которым как-то потерялись

одутловатое лицо, быстрые глаза, хищный нос и лысина от лба до затылка.

Ореол этот тщательно и каждодневно поддерживался самим Кошкиным, это входило в его распорядок дня: столько-то минут на укрепление своего авторитета. Некоторые мероприятия в этом направлении были даже общественно полезны, хотя и рискованны с точки зрения соотношения сил. Так, дня через три после прибытия, когда Леня еще почти не ступал на свою поврежденную ногу, кое-как втиснутую в тапку, он остановил на набережной группу молодых людей с огромным, как чемодан, японским транзистором «Шарп». Молодые люди, беззаботно болтая и дыша морским воздухом, забивали публику воем какой-то рокк-группы.

— Вы полагаете, без вашей широковещательной программы курорт зачахнет? — осведомился Кошкин.

— Что такое?— сморщился один из компании и потянулся к Кошкину.

— Руки!.. Ну хотя бы так... А теперь не откажите в любезности, восстановите общественный порядок.

— А в чем дело?— уже на пониженном тоне вмешался другой.— Музыку, что ли, послушать нельзя?

— Слушайте на здоровье. У себя дома.

— А я хочу здесь. И никто мне не указ.

— Вы думаете?— осведомился Леня.— Тогда пройдемте со мной и выясним, кто прав.

Грише совсем не понравилось это «пройдемте со мной», но молодые люди не понравились еще больше, особенно после того, как один из них раздраженно сказал:

— Дай ему раза́, что ты с ним завелся!

— Я тебе сейчас заведусь, яйцо ты всмятку!— переходя на общедоступную речь, жестко сказал Кошкин, и геологи флегматично придвинулись поближе. Их было вдвое меньше, но молчаливость и скучающее спокойствие обнаруживали большой и квалифицированный опыт.

И молодые люди выключили приемник и ушли. Чтобы не связываться. Правда, они внятно ругались, но ушли.

Бинтам и всему своему романтическому реквизиту Кошкин был обязан тем, что, возвращаясь из Москвы, из министерства, вместо того, чтобы сразу же прибыть в Сочи, отправился к своему приятелю в Чиатуру глядеть на что-то интересное, а в основном, наверное, чтобы обрести еще одного прозелита новейших геологических воззрений на региональные и околорудные аномалии, лазил по головокружительным скалам, демонстрируя различия в выходе пород на крутых сбросах, и в конце концов, конечно, свалился. Счастье еще, что удачно.

Когда Кошкин знакомился с Гришей, он церемонно раскланялся и, отыскав взглядом Люду, сказал как бы про себя:

— Бедный юноша...

И добавил еще что-то едкое, но Гриша не расслышал, хотя Кошкин не особенно заботился об ограничении аудитории. Зато Гриша услышал, что ответила Люда:

— Побереги желчь.

— Разумеется, эта забота о моем здоровье продиктована самыми нежными чувствами, не так ли?

— Только так...

Вряд ли это остановило бы пикировку, если бы не Вовик. Он чихнул так громко, что колыхнулся полог палатки, а Марина вздрогнула и возмущенно сказала:

— Это уже просто хулиганство!

И все расхохотались.

Потом был ужин, и Гриша, впервые наблюдая все братство в полном сборе, еще раз поразился их грубоватой предупредительности и взаимопониманию, полному какой-то недоговоренности, от чего у постороннего возникала неизбежная неловкость, которая появляется у человека, когда при нем говорят на незнакомом языке.

Эта слитность, подчеркнутая любыми мелочами, угнетала Гришу. Он был слишком деликатен и не обладал умением приспосабливаться. Видимо, заметив это, Кошкин стал очень внимательным к Грише, а Гриша от такого собеседника совсем стушевался.

Сжавшись, он слушал самоуверенные рассуждения Кошкина о талантливых композициях передвижников, о фантазии Врубеля, слушал и молчал: даже чушь Кошкин излагал неопровержимым тоном.

В низкой и жаркой полутьме палатки этот ужин казался каким-то ритуальным служением. Горели свечи, поставленные для устойчивости в баночки из-под майонеза, язычки пламени наклонялись от дыхания, смеха, от широких жестов; тени движущихся рук скользили по лицам, меняя их до неузнаваемости. На газетах, постеленных прямо на пол, были разложены хлеб, масло, крутые яйца, брынза, помидоры, колбаса и какая-то копченая рыба. По случаю чудесного избавления начальника партии из лап министерских крючкотворов и относительно благополучного падения купили четыре бутылки какого-то кислого вина, название которого нельзя было рассмотреть в дрожащем полусвете свечей.

Хозяйство у геологов было обобществленное и небогатое, вели его, несмотря на лихость натур, осмотрительно, и

раза два Гриша был свидетелем беспощадных нагоняев Люде и Вовику за перерасход ассигнований.

Снабжением заведовал светлоглазый гипнотический бородач Юра, которого никто не называл иначе, как Кося. (Еще один предлог для Гришиных терзаний: как называть его Юрой, если все зовут Кося? Но как называть его Косей, если он представился Юрой?). Он был просто гений по части питания: хотя формально ответственной за приготовление была Кира, а Вовик значился у нее в поварятах, фактически Кося брал почти все обязанности на себя. Обладая фантазией и склонностью к экспериментам, он бестрепетной рукой соединял в кастрюлях несоединимое, а потом с любопытством наблюдал, как геологи, вопреки собственному возмущению, уничтожали противоестественные сочетания продуктов.

— Что ж, дорогой, если это не взорвалось в кастрюле, будем надеяться, что не взорвется и в животе,— неизменно говорил Вартан.

Разговор за импровизированной скатертью-самобранкой был предельно легким. Даже падение Лени обыгрывалось в таком светлом ключе, что от события как такового ничего не оставалось. Зато оно причинно увязывалось с недавним землятресением, с неудачным запуском американского космического корабля, с подорожанием фруктов и с тем, что Вовик, почувствовав, видимо, ослабление начальнической длани, вовсю пустился здесь в любовную игру с какой-то дамой, переживающей последний рецидив молодости. (За эту даму Вовик так получил от Киры и Марины, что последних два вечера вообще не выходил из палатки).

Кошкин, блистая репликами, изобретательно распасовывал тему каждому, минуя только Люду (ну и Гришу, разумеется, как не своего).

Люда на невнимание не реагировала и продолжала есть со скучающим видом.

А Гриша?

Гриша всегда был невысокого мнения о своих аналитических способностях, но когда теперь он вспоминал тот вечер и задавал себе всегда один и тот же вопрос — любил ли он Люду уже тогда? — уверенно отвечал: нет. Нет — потому, что расстояние было непроходимым.

Вместе с тем какое-то не вполне осознанное Гришей чувство приготовило ему крохотную площадку возле Люды. Мечта? Вряд ли. Просто Грише казалось, что они с Людой водворены внутрь какого-то специально для них выделенного пространства, которое они — и только они — должны оживить и наполнить. Прежде, до Кошкина, ее энергии было

предостаточно; теперь же в этом маленьком мире, который Люда, сама того не ведая, делила с Гришей, стало гулко и холодно. Желание изгнать пустоту и полное неумение сделать это угнетали Гришу. В отчаянии он пытался вспомнить какие-то занимательные истории, словно их знал или мог пересказать, если бы даже и знал.

Этот бесконечный ужин при свечах в сухой и душной палатке все же окончился. Вовик и Марина стали собирать остатки трапезы и выметать мусор. Кошкин, опираясь на руку Коси-Юры, допрыгал до выхода, и там его усадили на свернутое одеяло. Кося и Вартан примостились рядом, все трое закурили, и у них начался настоящий, это уже чувствовалось, и по-серьезному профессиональный разговор,— и тут-то Кошкин, отнюдь не расставаясь со своим сарказмом, сразу стал тем, кем был в действительности — смело и нетерпимо мыслящим ученым-практиком, который даже друзьям-единомышленникам деспотично не склонен доверять формирование конечных выводов.

Грише стало совсем тоскливо. Наверное, чувство шло откуда-то из темноты, от края обрыва. Там сидели Кира и Володя, а под ними разверзлась бездна, пахнущая морем. Володя что-то негромко говорил, а Кира, светлая на фоне бездны, безнадежно качала головой.

Трое на одеяле продолжали обсуждение каких-то проблем. Вовик и Марина бронзово мелькали в палатке в неспокойном пламени свечей, а Люда в прежнем оцепенении сидела на траве и глядела в небо. Но, даже разделенные на группы, созерцающие каждый свое, они казались Грише сплоченными. Только его одиночество было действительно полным и неразделенным. И все же, чувствуя себя болезненно лишним, уйти он не умел. Не то чтобы не мог, а просто не умел. И чем дольше сидел, тем более страшился прощаться, не показавшись смешным в глазах Кошкина.

А когда все же простился — неслышно, как все, что делал,— Кошкин этого даже не заметил, увлеченный разгромом какого-то еретического заблуждения Коси-Юры.

Это было хорошо, а плохо было то, что и Люда едва кивнула в ответ. Рассеянно. Тоже почти не заметив.

К автобусной остановке Гриша брел с твердой уверенностью, что ноги его здесь больше не будет.

Он был бы ничтожным человеком, если бы не сдержал слова. И он его сдержал. Но только на полдня. После обеда он снова был на Приморском пляже, черт знает где от своего пансионата, и встретили его с искренней радостью. Да и почему бы встречать его иначе? Он никому не был в тягость, только самому себе. А без его рисунков, без остро

набросанных медузообразных толстух и пляжно-галантных донжуанов братство геологов лишалось верного развлечения...

— Запишите, товарищи, это принципиально важно,— сказал доцент кафедры «Детали машин» и утомленным жестом снял очки.

Все смотрели на доску, а Гриша — на очки в руках доцента. Под диктовку он механически записывал в тетрадке длинную формулу и записывал как будто правильно, но по-настоящему свободно распоряжалось его сознанием совсем иное...

...Очки с толстыми увеличивающими стеклами. А под очками светились внимательной добротой глаза. И еще временами раздавалось тихое бормотание, в котором выделялись и слышны были только свистящие и шипящие: «...сссть! ...ичка!» Когда кто-нибудь, отходя от человека, от табуреточки, за которой он сидел под черным с вылезшими спицами зонтиком, забирал конверт и клал на табурет монету, тогда и раздавались эти звуки.

Гриша не пошел — его повело к человеку под дряхлым выгоревшим зонтиком.

Человек этот производил странное впечатление своими весело-тоскливыми глазами под толстыми стеклами очков, с подергивающимися движениями и с этим «Счассстья! Здоровьичка!», произносимыми вслед каждому клиенту. За 20 копеек он быстро вырезал ножницами из черной бумаги профиль любого желающего.

Все в нем: и худое его лицо, и толстый нос, и вытертая вельветовая куртка, и зашитые суровой ниткой аккуратно начищенные черные туфли — все вызывало какие-то неясные и печальные чувства.

Вокруг него было прибрано и опрятно, обрезки бумаги он убирал в большой кулек с синей надписью «Гастроном», листочки черной бумаги сложены были стопкой. И еще одна удивившая Гришу деталь — все заработанные деньги лежали сверху, в жестяной баночке из-под консервов.

Порою от встреч с такими людьми черствые еще более черствеют, им и здесь мерещится симуляция, а мягкие колотятся в отчаянии, потому что бессознательно прозревают свою вероятную судьбу. Средние же считают все это в порядке вещей и, пожимая плечами, осуждают отчаяние мягких: «Такова жизнь...»

Люда, смеясь (вчерашнее оцепенение растворилось бесследно), повернулась в профиль. Внимательная работа ве-

село-тоскливых глаз, вздрагивающие движения рук — и силуэт ее был готов. И не просто сходство, но лукавство, оживленность, запанибратская повадка — все это отразилось в нем.

Потом Люда стала подталкивать Кошкина тоже увековечиться. Хотя бы на бумаге.

— Не испытываю потребности,— ответил Кошкин, трогаясь с места и осторожно подволакивая больную ногу,— ибо рассчитываю в будущем на нетленный материал. От благодарных потомков.

— Хо-хо! Скажите! — воскликнула Люда.— А что, самонадеянность тоже относится к достоинствам?

— Даже те, кто щурится на солнце, тоже разыскивают на нем пятна,— равнодушно сказал Кошкин.— Лестно найти пятно на солнце, хоть одна родственная деталь...

— Ах, простите, доктор! Светоч наших очей!

— И такие очи найдутся...

— Разве я против? На здоровье!

— Спасибо.

— Сомневаюсь только...

— Еще раз спасибо.

— ...чтобы они нашлись надолго.

— И еще раз спасибо.

Кошкин умел выводить из себя очень скромными, как сказал Вартан, подручными средствами. Люда сделала вид, что ее отвлекло нечто более важное, чем реплика Кошкина.

— Алешенька, ворон ловишь? — крикнула она Грише. (Неизвестно, почему геологи переименовали Гришу в Алешу). Он в этот момент, поотстав, не решаясь подойти к человеку, издали смотрел на него, на кулек с синей надписью «Гастроном», на убогий зонтик, на латаные туфли. Окрик Люды разбудил его, не то он мог бы еще долго простоять так, окованный каким-то загадочным сходством этого человека с кем-то... но с кем — этого понять не мог.— Не отставай, потеряешься!

И Гриша пошел понурив голову. А те, кто заметил его подавленность, не поняли причины и приписали ее Люде. Кира сердито дернула ее за рукав, та обернулась, всплеснула руками:

— Алешенька! Обидела? Сохнешь? По мне? Ну и дурачок!

И, полная равнодушия к окружающему, крепко, вкусно поцеловала его в губы...

— И тогда из условия равнопрочности конструкции мы получаем...

Гриша послушно записывал в своем конспекте, но поверх конспекта, укрытый от посторонних глаз, продолжал лежать профиль Люды, который Грише суждено теперь было видеть постоянно...

Ничего подобного раньше Родионов за собой не замечал, а теперь вот такое: вслух стал разговаривать сам с собой. Словно возникали в нем два человека и беседовали меж собой одинаковыми голосами. Странные это были беседы. Каждый доподлинно знал другого — в прошлом и настоящем. Тут что-либо скрыть или спрятаться в ложь было невозможно. Вчера, например, он беседовал за двоих — Родионова и Родионова-Мельникова в одном лице. «Так как же мы решим нашу проблему, Владимир Иванович?» — спросил Родионов-Мельников. «Задал ты мне задачку, Павел Сергеевич. А как ее решить, чтобы было по-справедливости? Как бы ты поступил?» — спросил в ответ Родионов. «Я тут объективным быть не смогу, я ведь управляющий трестом, лицо заинтересованное».— «А разве ты не заинтересован в повышении производительности труда?» — «Какой ценой, Владимир Иванович?» — «Если честно, чисто по-человечески, то я на твоей стороне, Павел Сергеевич. Но я ведь не частное лицо, в данном случае должен выступать, защищая государственные интересы, хотя понимаю, что речь идет о благополучии тысяч людей. Тоже ведь государственное дело. Однако от меня требуется решение просто как от узкого специалиста, чисто техническое решение».— «И все же, что ты мне ответишь?» — стоял на своем Родионов-Мельников. «Давай снесемся с городскими властями. Их интерес тут немалый. Сходим с тобой к мэру, выложим все, как есть, услышим, что он скажет».— «Идеалист ты, Владимир Иванович...»

Идеализм... Хорошо это или плохо? Он никогда не задумывался над этим. Почему-то вспомнил Гришу Капустина. Этот парень занимал его тем, что был не стереотипен, выделялся из общего ряда, судя по разговорам с ним, казался непримитивным, но... Идеализм... Тут надо додумать до конца, это важно не для одного Капустина, не одни лишь тонкие и художественные этим болеют; болеют и обыкновенные, не так, быть может, опасно, зато уродливо...

Родионов остановился, повернулся спиной к ветру, прикурил.

Вчера сын, заметив, что он сам с собой разговаривает, спросил:

— Пап, ты что там репетируешь? Монологи какие-то?

— Да это я так...— смутился он.

— Смотри, пап, свихнешься,— грубовато пошутил сын. На большее понимания не хватило...

В сквере, в киоске, продавали лимоны. Родионов стал в очередь. Двигалась она медленно. Сквер был окаймлен высокими, могучими липами. И Родионов вспомнил, что эти-то липы сажали, когда он был еще студентом-второкурсником, более тридцати лет назад, на воскреснике, где был вместе с Галей. Ходил тогда еще во флотской форме. Он любил Галю... А женился на другой... Да, это те самые липы... Господи, жизнь пролетела!... Какими они стали!.. Пытался угадать, которые из лип сажал он, но не смог. Огорчился. И, плюнув на лимоны, ушел из очереди...

Покуривая, плелся через сквер по аллее, посыпанной мелким гравием...

Идеализм... Хорошая штука... Но как найти ему разумную меру? Живешь десять, двадцать, пятьдесят лет — и никогда не задаешь себе вопросов иной раз очень полезных. Надо, чтоб прямо в лоб стукнуло, тогда прозреваешь. Не слишком, правда, и прозреваешь, только для следующих вопросов. А их поздно задавать, на них отвечать пора, свои дети уже подросли и ждут ответов. Готов отвечать? Черта с два!.. Когда детки отклеиваются от папаш-мамаш и уходят в самостоятельность, они тогда такие караси-идеалисты, что не приведи господь! А чуть столкнутся с реальной жизнью — и сразу с ног долой. Прививки им, что ли, делать ослабленным вирусом реальной жизни, чтобы не так болезненно она воспринималась?

Капустин — он, конечно, такой, немного чересчур, немного не от мира сего. Но разве он один? Идеализм этот почти в каждом. В одном побольше, в другом поменьше. И не мудрено: от воспитания. А кого же воспитывать? Реалистов или как они там называются, которые пальцами так это быстренько делают, словно пробуют наощупь,— этих, что ли? Эти сами по себе воспитываются. Но хоть их в мире большинство, все равно погоду не они делают. На хороший человеческий идеализм усилия затрачиваешь вагонами, а в результате в обыкновенном индивидууме соберется этого идеализма зернышко. Но какое зернышко! Когда голод, война, безумие, когда все идет под откос, что тогда удерживает людей в людском обличии, как не это зернышко? Что им помогает побеждать всякие там инстинкты и проявлять тот самый массовый героизм, про который уже вроде и говорить неловко? И без которого, вполне может быть, от рода человеческого давно бы уже остались одни рожки да ножки...

А если человек от рождения идеалист... природа людей все-таки тоже кое-чем наделяет... и воспитание этот

врожденный идеализм еще усилит — тогда получается такой вот Гриша, парень, конечно, золотой, однако не для себя, для людей. Нежизнеспособен. Все понимает буквально — без поправок на реальность, на физиологию, на темные стороны души. И все потому, что идеализма у него не зернышко, а вся душа из него склеена.

С такими — что делать? Списывать и мириться? Так сказать, случайные жертвы, издержки обстоятельств. Никто ж не виноват, что у них такая тонкая организация, из-за частных случаев брака всю технологию производства массового продукта под сомнение не ставят...

Гриша подошел к своему дому и, задрав голову, посмотрел на окна четвертого этажа. В лицо ему, поблескивая в случайных огнях проходящих машин, сеялся мелкий дождик.

Гриша надеялся, что свет уже погашен, и тогда он тихонько прошмыгнет к постели и заберется под одеяло. И не надо будет прятать лицо и слушать напряженное дыхание мамы и папы, готовое прорваться невыносимыми вопросами, на которые они так и не осмеливаются.

Но два окна на четвертом этаже бдительно светились неярким розоватым светом.

Он вошел в парадное и вяло стал подниматься по лестнице. Вот его этаж, квартира семь, обшарпанная дверь, в которую стучали и кулаками, и прикладами... а потом молотками, приколачивая на зло врагам бессмертные таблички: «Фраерман и Тартаковским звонить 1 раз. Шахматовым 2 раза. Капустиным звонить 3 раза. Звонить ТОЛЬКО Бродяковым!» Старая, видавшая виды коммунальная квартира... в которой коридоры, выгороженные из комнат, лишены окон и погружены в беспросветный мрак, потому что у четырех хозяев четыре счетчика, а «ТОЛЬКО Бродяковым» не желает вступать ни в какие переговоры... в которой ванна давным-давно не функционирует, потому что в плохие годы ее нечем было отапливать и греть воду, а к хорошим она успела расколоться и прийти в негодность, и все никак не доходят руки ее починить... в которой все проходы заставлены хламом, вызывающим негодование соседей, но у хозяев числящимся ценным резервом, хотя он, разумеется, никогда больше не будет использован. У входа в ванную и туалет надпись: «Гасите свет».

Когда случалось что-нибудь поразительное, вежливое отчуждение жильцов сменялось искренним сочувствием. Теперь объектом, объединившим интересы квартиры, оказался Гриша.

При его появлении все разговоры, естественно, гасли, но выразительные вздохи и жалостливые взгляды... Поэтому Гриша ни под каким предлогом не выходил из восемнадцатиметровой комнаты, которую занимало семейство Капустиных.

Остановившись и прислушавшись у избитых и исцарапанных коммунальных врат, Гриша открыл замок своим ключом и торопливо скользнул по коридору — первый поворот, первая дверь направо. И не в безопасность, нет — в самую напряженную и вплотную подступившую опасность попадал он ежедневно, переступив этот порог. Потому что среди всех на земле здесь находились двое, которым было прямое дело до его переживаний. Эти двое имели неограниченное право и грубо, и неделикатно, и как угодно выпытывать у него, что же произошло. Они этого не делали — он знал, что и не станут,— быть может, поэтому чувствовал себя обязанным как-то объяснить происшедшее, хотя считал, что это невозможно, и потому каждый миг его пребывания дома был невыносимым.

А объяснить казалось немыслимым не только потому, что у Гриши вообще плохо со словесными объяснениями, но и потому, что, рассказанная самыми впечатляющими словами, его драма на них впечатления не произведет. Для них ужас не в том, что приключилось с сыном, а в том, как ужасно он реагирует на это приключение.

Они сидели у телевизора, рядышком, плечо к плечу, и смотрели бурную программу какого-то танцевального ансамбля.

Мама сразу вскочила и ушла на кухню — греть ужин, папа повернулся на стуле и стал глядеть с вопросительной, заискивающей улыбкой. С некоторых пор Гриша старался не встречаться глазами с отцом. А теперь он оплошал, сделал лишнее движение головой — и глаза их встретились и задержались, они шагнули друг к другу, обнялись и замерли. Гриша чувствовал на своей груди судорожное, взволнованное дыхание, но только крепче прижимался лицом к теплой отцовской шее.

— Гриша, сыночек...

— Не надо...

Гриша отшатнулся и помотал головой. Медленно открылась дверь, и вошла мама с двумя тарелками в руках.

Он устало ковырял в тарелке. Есть не хотелось, приходилось пересиливать себя, чтобы хоть этой малостью угодить маме.

Телевизор уже был выключен. С улицы доносилось гудение набирающих скорость трамваев.

Гриша плотнее вжался ухом в подушку и думал о том, что это немое объяснение с отцом было неизбежно. Конечно, было бы лучше его озвучить, но они оба этого не умеют. Да и кто умеет? Даже такие златоусты, как Леня Кошкин, Вартан, Володя, и те... Гриша уверился в этом, наблюдая их так близко почти месяц. Каждый под своей маской скрывает какое-то неблагополучие. И если он не обнаружил этого неблагополучия в Косе-Юре, то, без сомнения, только потому, что Юра был упакован в свою маску герметичнее остальных.

Человек может это увидеть, если он не глух к чужому неблагополучию, если оно не совсем для него чужое. Увидеть может, а пересказать нет. Непосильно пересказать, слов таких нет. Одними и теми же словами приходится называть очень разные вещи, кто в них разберется..

Но самые-самые близкие... неужели и с ними ты обречен на немоту, и жалкое ваше полузнание за целую жизнь не даст уверенности в том, что вы прочитали друг друга хотя бы более или менее правильно? Тогда что же остается от человека, когда он перестает быть? Память? Память о том, что было совсем не так, как было?

Это объяснение без слов... что в нем такого? Ничего ведь не произошло. Разве впервые Гриша уткнулся лицом в теплую папину шею?

Нет, произошло. При той, прежней жизни это было нормой. А теперь в этом сказалось много больше, чем привычная ласка. Сказалось острое, мучительное сожаление о навсегда потерянном времени, потраченном на одну только заповеданную предками сдержанную родительскую любовь, непоколебимой верности и надежности которой, считают, достаточно для успешного воспитания. А ее оказалось вовсе недостаточно. Нужна была дружеская, не боящаяся осуждения и даже готовая к нему открытость души, передача самого сокровенного житейского опыта, которому безграничная любовь и доверчивость сына придали бы исключительную убедительность и силу примера во всем: и в одобрении проявленного мужества, и в осуждении допущенной слабости.

В этот миг, встретившись глазами, они не только подумали об этом, но и передали друг другу: Гриша отцу — беспомощный упрек в этом несостоявшемся общении, отец Грише — раскаяние и мольбу о прощении.

Что общение между ним и отцом не состоялось, Гриша понял, увидев человека, вырезавшего силуэты. Нет, не сразу. Сразу он просто ничего не мог понять, не мог даже объяснить, почему так сдавили душу беспомощные весело-

тоскливые глаза за толстыми стеклами очков, и лунатиком ходил за геологами, все воскрешая облик вырезателя силуэтов. И только к ночи, когда вернулся к себе в пансионат, когда его сопалатники — шахтер из Краснодона и доцент из Казанского авиационного института — усадили за стол и угостили водкой и от водки он немного расслабился и обмяк, тогда его внезапно осенило.

Он понял, что на лице вырезателя силуэтов увидел глаза отца!

От этого удивительного прозрения он на минуту как бы ослеп. Перед ним, заслонив реальность, замелькали, сменяя друг друга, этот человек и отец — при внешнем различии проступило столь же очевидное сходство скрытых за лицами людей. В неустроенности вырезателя силуэтов скрытые черты отца как бы усилились многократно и потому стали видны. Но это были те же черты, те же отцовские черты!

Так вот каков папа! Судьба его сложилась иначе, удачнее, но что из того? Он таков. И скрывает это. Почему? Чего он стыдится?

...Доцент из Казани долго отнекивался от водки, шахтер Веня его уговаривал. Наконец доцент согласился и стал пить водку маленькими глоточками, прихлебывая, так что Веня, проглотив первую чашку с гадливыми ужимками и содроганием, вытаращился на него с изумлением.

— Ого! Ну, ты фокусник, ей-богу! Чего ж было ломаться? В жизни еще не видел, чтобы так пили. Ты ее прямо как чай.

И пошел разговор о том, как пьют какие народы, что пьют, сколько, что способны совершить, подвыпив, как благородно влияет выпивка на сопротивляемость организма радиоактивному облучению, потом пошли анекдоты...

— Ахха-ха! — гремел Веня.— Значит, где эта тунгуска, которой лапу надо пожать? А медведицу, значит, того?.. Ахха-ххх-а!

Вдруг выпучил глаза и на цыпочках двинулся к двери, замер, прижал палец к губам, прислушался — и снова загрохотал, а доцент посмеивался тихонько, как и подобает рассказчику, мелко трясясь и поглаживая обеими руками чашку с водкой, словно это и впрямь был чай.

Гриша слышал и не слышал.

Вырезатель силуэтов, геологи, возмущенный жест Киры, адресованный Люде... Оказывается, краем сознания он захватил и жест, а теперь, когда время пришло собрать все воедино, жест выплыл наружу, этот негодующий наскок на Люду, ибо, по разумению Киры, если человек ни с того ни

с сего приходит в угнетенное состояние, то причина одна — Люда.

Гриша выпил свою порцию и отрезвел, как никогда в жизни.

...Это было воистину роковое совпадение. И сколько он ни убеждал себя, что этот поцелуй ничего не значит, что это всего лишь утешение, попытка загладить свою невольную вину, ранящий эффект своего очарования, и глупо рассчитывать на что-то большее, он все равно чувствовал ее теплые губы, дурел от этого воспоминания и ненавидел резонера, который сидит где-то в глубинах мозга и выдает свои тошнотворные прописи.

Почему она не может его полюбить? Кто это определил? Разве все понятно в человеке, все определено заранее?

Четвертый обитатель комнаты, пожилой симпатичный москвич Валентин Алексеевич, сказал Грише:

— Какие бесцветные у нас с вами сожители! Человек отличается внутренним горением, а это тление, растление... вообще черт знает что.

Гриша согласился. Как всегда молча. Теперь он так же молча протестовал. Ничто новое не было замечено им в личностях доцента и шахтера, просто он больше не верил во внешнюю безмятежность.

Быть может, доцент влюблен в свою науку, а она не платила ему взаимностью. Быть может, он не сумел воспитать своего сына или дочь и теперь с отчаянием и покорностью следит за их неверными шагами, или, наоборот, у него прекрасные дети, и с ними он становится самим собой и говорит крупно, интересно, смело, или еще наоборот, нет у него ни детей, ни семьи, а единственное существо у него в доме — попугай или какая-нибудь собачка, заботу о которых он, уезжая на курорт, поручил соседям и с нетерпением ждет вестей о своих зверях, о единственных своих домашних собеседниках...

А у шахтера была, возможно, какая-то незаживающая любовь, а теперь у него жена, прибравшая его к рукам так крепко, что он лишился всякого желания чего-то добиваться...

Почему вдруг обострилась Гришина проницательность? Потому что глаза отца, которые глянули на него сквозь толстые стекла очков вырезателя силуэтов, разбили иллюзию: совсем не тот человек, представление о котором сложилось еще в беспамятном детстве и мирно существовало до этой случайной встречи...

Совсем не тот? Хуже?

Да нет, просто — не тот.

Папа, вовсе не желая и, разумеется, нисколько не подозревая этого, в Гришиных глазах был совершенством. За всю жизнь он не обнаружил ни единой человеческой слабости.

Впрочем, мама тоже.

Конечно, им повезло, что они встретились. Но ведь многие, которым тоже повезло встретиться, не сумели оценить это везение и сохранить способность тихо и надежно любить друг друга целую жизнь.

Грише на примере родителей открылись самые красивые и привлекательные стороны семейной жизни. Благодаря маме и папе он не видел изнанки сосуществования. Да что там, он не видел даже обыкновенной семейной ссоры. Все, что должно быть скрыто от детей, от него осталось скрыто так, словно бы и не существовало вовсе.

Видеть родителей столь безупречными — какое счастье!

Но это счастье отгородило Гришу от опыта жизни и приучило глядеть на все с вершины морального превосходства папы и мамы. Но они знали жизнь, а он мерил все идеальными мерками. И в результате проникся подсознательной гадливостью ко всем проявлениям животного начала в человеке, в том числе — и особенно! — в себе самом. А вместе с сожалением о невозможности походить на своих воспитателей просыпаются комплексы несовершенства, вины... И — скрытность.

И вдруг в какой-то миг, бог знает от какого толчка, от выражения глаз совсем чужого человека начинаешь понимать, что родители — тоже люди и способны понять и простить куда больше, чем кажется. И быть может, следовало всегда немедленно приходить к ним со всяким недоумением и бедой, не скрывая даже того, что ты более подвержен страстям, более раним, менее уравновешен, чем они...

О чем догадался Гриша, встретившись с вырезателем силуэтов? Что ошибся в отце. Это был первый вывод, давшийся ему нелегко.

За папиным благодушием Гриша обнаружил смирение человека, жизнь которого сложилась не совсем так, как было запланировано.

С опозданием стали всплывать в памяти эпизоды из прошлого — такие тихие, не привлекавшие внимания, казалось, решительно ничего в себе не таившие и обреченные лежать под спудом памяти до конца жизни...

Это произошло очень давно. Грише было тогда лет шесть, и он едва начал понимать последовательность событий. Однажды, когда в пасмурную субботу мама собирала его на подготовительные занятия в ближайшую к дому школу,

вернулся из командировки папа. Он ездил редко, всякий раз это было большим событием. Если маршрут лежал через Москву, мама заказывала всякие покупки, которые папе большей частью осуществить не удавалось. Но если уж он что-то привозил, мама бывала довольна, потому что папа покупал обдуманно, всегда нужное и недорогое. В этот раз папа привез маме украшение из уральских камней — из пестрых яшм, туманных агатов и халцедона. Это была необычайная для папы покупка. Да и настроение, с которым он вернулся из командировки, было из ряда вон: папа был возбужден.

Планы, осуществление которых было под вопросом, при Грише не обсуждались никогда, и чаще всего он о них и не узнавал. Но на этот раз, видимо, план считался крайне реальным, и Гриша узнал, что в командировке папа встретил друга детства, директора крупного завода в Перми, и этот друг стал настойчиво уговаривать его со всей семьей перебраться в Пермь и занять должность главного бухгалтера на его заводе. Квартирный обмен не представлял затруднений, все остальное решалось автоматически. Хороший город. Прекрасные люди. Университет, если иметь в виду Гришино будущее...

Сперва мама согласилась, и некоторое время они жили новыми заботами. Затем вдруг мама воспротивилась. Папа убеждал, но не настаивал. План был ликвидирован, и папа от радостной взволнованности вернулся к своему обычному состоянию приветливого спокойствия.

Все.

Все ли? Значит, приоткрывалось в его жизни оконце, которое было желанно? И может быть, приоткрывалось не однажды. Но ему не позволили. Неважно кто. Пусть даже мама. Не позволили — и вот оно, это симпатичное спокойствие, которому, ничего не зная, можешь даже позавидовать...

Порицать? Упаси бог! Грише дороги даже недостатки родителей. Просто жаль, что он не был допущен к их заботам. Теперь, в трудное для себя время, он не допустил их к своим...

Гриша ворочался в постели. Он знал: сон придет лишь под утро, а над воображением Гриша не властен, скорее наоборот, он покорно следует за ним...

...Тогда, после встречи с вырезателем силуэтов, он слишком был погружен в свое неожиданное открытие, чтобы заметить, что вокруг него что-то изменилось. Очень может быть, что и поцелую Люды он придал бы куда большее значение, не будь мысли его до такой степени заняты сход-

ством между отцом и вырезателем силуэтов. Как бы там ни было, но симпатичный мальчик, которому Люда подала такой драгоценный знак внимания, вел себя так, словно ничего не произошло. Можно было бы сказать, что в Люде задето ее женское честолюбие, если бы она не была вовсе лишена этого честолюбия: для нее и так все было до конца ясно, ее уверенность в себе была непоколебимой. Но этот светлоглазый застенчивый мальчик своим необыкновенным поведением попросту ее озадачил.

Будь у него больше самоуверенности, он бы ощутил, что благорасположение к нему Люды стало вполне явственным. Но он и не помыслил, что это можно принять всерьез. А вот неприязнь между Людой и Кошкиным он заметил. Это не касалось его, здесь требовалась всего лишь объективность, а объективным он умел быть — и потому заметил и, естественно, пожалел Леню от всей души.

Наверное, поэтому ему захотелось написать Кошкина. Случай был удобный: Леня получил карты каких-то разрезов и объявил, что на пляж не пойдет, останется немного поработать. Он сидел по-турецки в тени палатки, а перед ним на чудовищного размера книгах были разостланы упомянутые разрезы и лист ватмана, за которым Вовика специально гоняли в геологическое управление Сочинского района. Кошкин, наклонив голову, держал в правом углу рта сигарету, от дыма, попадавшего в глаз, перекосил лицо, чертил и тенором мурлыкал разные, в основном незнакомые песни.

Итак, он сидел по-турецки, чертил, курил, мурлыкал песни и в то же время излагал Грише свою философско-моральную доктрину.

— Видишь ли, старик, мы иногда очень переоцениваем все, чем живем, все это нам кажется необыкновенно важным... и заметь, не только в личном плане, но и в общечеловеческом, даже в космическом. Мы создаем себе необходимую, как воздух, иллюзию своей нужности и значительности для всего мироздания — и здесь в дело идет все. Все — в глобальном смысле, настоящее все. Если ты делаешь что-то и хоть немного признан, ты преувеличиваешь и дело, и признание и с замиранием сердца представляешь, какой потерей будет твоя смерть для коллектива, для страны, для человечества — в зависимости от масштабов. Если ты делаешь что-то и не признан, ты утешаешь себя примерами великих...

Искренность монолога пробудила к Кошкину новое чувство.

Трудно сказать, почему он задал Кошкину этот вопрос,

непонятно каким образом всплывший, и почему так был уверен в значении его не для себя одного:

— Почему же о самом важном мы узнаем так поздно?— затаив дыхание, он выслушал и запомнил горьковато-насмешливую формулу Лени:

— Наши родители как будто стыдятся перед нами того способа, каким произвели нас на свет. Они малодушничают, а потом удивляются, почему мы такие, а не другие...

Где-то через час, когда работа над портретом уже близилась к концу, Кошкин, кряхтя, поднялся взглянуть на него. С минуту он стоял за Гришиной спиной, а потом сказал:

— Старик, а ты уверен, что это я? — Гриша растерялся: в несходстве его никогда не обвиняли.— Нет-нет, ты продолжай, я понимаю, тебе виднее...

Еще через час вернулись геологи, и Люда, взглянув на портрет, воскликнула:

— Алешенька, ты просто его идеализируешь!

Грише и самому казалось, что портрет несколько отличен от оригинала. Не в чертах, черты были очень характерны, чтобы их можно было не схватить или исказить при передаче. Портрет был отличен в наполнении.

Гриша был слишком художник, чтобы равнодушно пройти мимо такого вывода. Портрет свидетельствовал либо о дефекте в технике, либо о прозрении скрытых черт характера. А скрытые черты стали теперь Гришиным пунктиком, и поэтому, отключившись от окружающего, он принялся наблюдать.

Кошкин отражал очередную атаку Люды и ее пылкой иронии противопоставил, как обычно, ядовитое спокойствие. Слов Гриша не разбирал да и вряд ли вообще осознавал суть спора. Все внимание его было заострено на лице Кошкина, его своеобразной мимике, почти неуловимой иронии. Впервые взглянув на это продолговатое мясистое лицо, вряд ли можно было предположить в нем способность к такой тончайшей мимической игре.

Короткие лохматые брови высоко поднимались, глаза светлели, блеск их становился высокомерен, лицо натягивалось, спадала мясистость щек, и даже ястребиный нос, казалось, выпрямлялся.

Трудно представить спор, в котором бы Кошкин не вышел победителем. Так случилось и в этот раз. Люда в бешенстве отвернулась от него, швырнула о землю горсть разноцветной гальки. Проходя мимо Гриши, она погладила его по волосам и сказала:

— Алешенька, я взяла нам с тобой два билета на последний сеанс.

И Грише стало не до наблюдений. Он покраснел, а Кошкин посмотрел на него. И, не пряча глаз, озабоченно сказал:

— Послушай, старик, не думаешь ли ты, что я прибыл сюда специально, чтобы следить за твоей нравственностью? Если думаешь, то жестоко ошибаешься. Решай за себя сам...

Но Грише уже нечего решать. Это за него сделала Люда, чья твердая натура способна была привести отношения к радикальным переменам в самые короткие сроки.

И привела. В первый же вечер, после кино, Люда научила Гришу правильно целоваться. Он оказался способным учеником. Придавленная и угнетенная нелепыми наставлениями, нездоровая передержанная чувственность взорвалась...

...Резкие потрясения сказываются на живых организмах значительно пагубнее, нежели ровные лишения. Дорваться до роскоши из нищеты — и снова впасть в нищету... потрясение налицо. Остается лишь предугадать возможный исход...

Под утро Гриша все же уснул.

Длинный звонок подбросил Родионова на постели. Пока в темноте нашарил и схватил трубку, в мозгу пульсировала почему-то единственная мысль: «Пожар!»

В трубке зазвучал голос главного инженера:

— Владимир Иваныч, я тебя, конечно, разбудил, извини. Я из аэропорта, здесь уже светает...— Постепенно до Владимира Ивановича стало доходить, что «здесь»— это в Москве, где главный находится в командировке вот уже несколько дней. Родионов ощутил противный вкус во рту, сильно колотилось сердце. Он нащупал папиросы и закурил.— Слушай, Владимир Иванович, я тебя обрадую. Вся наша годовая программа ширпотреба закуплена на экспорт. Да еще знал бы ты куда!

— Ну?

— В Колумбию, Бразилию, Боливию.

— Радуешься... А на внутреннем рынке чем торговать будем?

— А ты давай расширяй быстренько выпуск, тогда хватит и для внутреннего.

— Так ты меня разбудил, чтобы я до утра расширил выпуск?

Главный засмеялся:

— Не до утра, но вообще поворачивайся. Ты вот что... Я приеду к двенадцати, заеду домой, то да се, а ты часа на

три — в смысле, в пятнадцать часов — собери у меня совещание и наметь несколько вариантов решения вот какого вопроса...

Вопрос по существу пустячный был из труднорешаемых. Препятствием для экспорта было отсутствие каталога запчастей на новый, только что своими силами спроектированный и освоенный прибор. Внешторгиздат брался выпустить такой каталог в течение полутора лет после предоставления заводом всех необходимых материалов. А поставка прибора на экспорт начиналась через полтора месяца.

— Вот и мозгуй,— заключил главный инженер.— Приеду — обсудим возможности...

Может показаться странным, что главный инженер заботы о сопроводительной технической документации взвалил на плечи Владимира Ивановича, а не главного конструктора. Но эта странность внешняя, формальная. Всякий заводчанин знает, что обязанности распределяются вовсе не по должностным инструкциям, а согласно житейскому правилу: «Кто везет, того и погоняют». Родионов везет. А главный конструктор милейший человек и одаренный инженер, начисто лишен административного дара. В жизни никогда не быть бы ему главным, если б можно было на иной должности достойно оплачивать конструкторские решения, рожденные его светлой головой. Прибор тоже его детище. Но в практической деятельности он беспомощен.

Уже в девять тридцать, сразу после селекторной оперативки, Родионов собрал немноголюдное совещание. Присутствовали главный конструктор с двумя своими заместителями, Владимир Иванович с единственным своим, находчивый штукарь Миша Бондарь и Гриша в качестве секретаря. Предложили было собрать всех начальников бюро, но Владимир Иванович это предложение отклонил: он сторонник малочисленных комиссий, потому что при многолюдье неизменно выходит, что кого-то или неправильно поняли, или превратно истолковали, или даже вообще кто-то ничего подобного не говорил, а сказал то-то и то-то. Чтобы не было всех этих «казала-мазала», Владимир Иванович имел обыкновение на подобных заседаниях протоколировать каждое слово. Для этого и приглашался Капустин, который, в противовес многим недостаткам, обладал тем достоинством, что знал скоропись.

Заседание шло, Гриша писал автоматически, не вникая в смысл, и припоминал выражение, промелькнувшее сегодня утром на суровом лице Владимира Ивановича...

Утро неожиданно выдалось стеклянно-ясным.

Гриша спустился по лестнице и у троллейбусной оста-

новки увидел высокую фигуру Родионова. Он раскрыл было рот, чтобы поздороваться, но Владимир Иванович его опередил:

— Этюды свои... или как они там у тебя называются... летние, в общем, свои наброски захватил? Так я и знал. Ну-ка сбегай, не поленись, я подожду здесь.

Гриша вернулся с небольшим газетным свертком и протянул Владимиру Ивановичу.

— Сам мне покажешь, растолкуешь, что к чему.

Гриша кивнул. Сегодня настроение у него было не совсем такое, как в последние дни: солнце. Сверкали окна трамваев, нити рельсов, пешеходы на остановках вежливо пропускали друг друга в вагоны, заботливо подсаживали женщин; улыбались дети, пробегая в свои школы. От вокзала доносилось тяжкое пыхтение, поднимались в воздух легчайшие золотые клубы пара и, пронизанные солнцем, мягко таяли. Над черными с позолотой тэцовскими градирнями, похожими на гигантские и пузатые крепостные башни, плавали, клубясь, окутывая солнце, серебряные и золотые облака. Светились дома, зрачки, ресницы, желтые деревья по сторонам тротуаров и каждая клеточка человеческого естества.

Под виадуком, откуда из-за глубокой тени краски солнечного утра казались еще радостней и ослепительней, Гриша, отвернув край газеты, вытащил из пачки акварелей верхнюю и с туманной какой-то улыбкой показал. На суровом лице Владимира Ивановича мелькнули растерянность и какое-то детское удивление.

«Ага, то-то!— торжествующе, но без злорадства подумал Гриша.— Это на вас такое впечатление... А мне каково?»

И тут он впервые спросил себя: а не приукрасил ли он Люду в своем портрете, не наделил ли ее чертами, каких в ней вовсе и не было? Ведь прошло уже больше двух месяцев, разлука стала даже и не фактом, а образом жизни, надежды на новую встречу нет, в таких обстоятельствах судишь о происшедшем безжалостно. В изображение на портрете не мудрено влюбиться даже Владимиру Ивановичу. А если бы он увидел Люду живую? Так же отнесся бы к ней, как к этому портрету?

Гришу озадачило, что он задал себе такой вопрос. Трезво судить о Люде ему не приходилось. Быть может, это начало избавления?

Пока Родионов, пораженный, молча разглядывал одну за другой акварели и наброски углем и маслом, Гриша сосредоточенно, стараясь ничего не пропустить, перебирал те ка-

чества Люды, которые можно было истолковать как отрицательные.

Но в результате все, что он собрал, оказалось двойственно. Даже те черты, которые плохо характеризовали Люду по отношению к нему, делали ее идеальным членом ее большой семьи, ради верности которой она пожертвовала Гришей: нетребовательность и легкомыслие обеспечивали ей свободу общения, а размытое чувство собственности со всеми вытекающими отсюда смещениями традиционных понятий позволяли без осложнений и драм ревности сохранить личную свободу и ей, и всем, кто, несомненно, был ей небезразличен...

Нет, развенчания не получилось. Во всяком случае, не свойственного ей в портрете не было. И нереальных преувеличений тоже. Не так все просто...

Гриша прикрыл глаза. Но уже в следующий миг он продолжал стенографировать и, прерываемый Владимиром Ивановичем, успевал еще подумать, как четко весь его отпуск укладывается в два неравноценных периода: «до похода в кино» и «после»...

— Капустин, а ты как думаешь?

Гриша торопливо пробежал последние фразы, записанные механически.

Главный конструктор Елизар Ильич. Я не понимаю, почему все-таки нельзя представить альбом запчастей в виде чертежей?

Владимир Иванович. Потому что нигде в мире это не принято. Потребителю надо дать рисунок, и по рисунку он узнает вышедшую из строя деталь.

Елизар Ильич. Но есть же гарантийные мастерские, там работают специалисты...

Миша Бондарь. Вы бывали в Колумбии, Елизар Ильич?

Елизар Ильич. Что за странный вопрос?

Миша Бондарь. Вы уверены, что там гарантийки работают, как у нас?

Елизар Ильич. Миша, если вы можете предложить решение, ради бога, с меня бутылка самого лучшего коньяка.

Миша Бондарь. Елизар Ильич, у меня для измерения коньяка существует только одна единица — ящик. Не пытайтесь найти примитивное решение. Каталог необходим, и его придется рисовать. Ищите художников.

Елизар Ильич. Но это будет такая же канитель, как и с Внешторгиздатом! Художникам плевать на наши сроки. У них свои сроки и свои требования.

Миша Бондарь. А вы удовлетворите их требования — и все будет о'кей.

Вот на этом месте и был приглашен высказаться Гриша.

— Не знаю,— робко сказал он.

— Чего не знаешь? — нахмурился Владимир Иванович.— Не знаешь, как рисовать каталог? Так я знаю, что ты этого не знаешь. Примерно сколько уйдет на это времени, если пригласить художника и как следует уплатить?

— А сколько там деталей?

— Со всеми винтиками и гаечками больше сотни.

Гриша подумал, несмело улыбнулся и сказал:

— Не знаю. В туши, наверное, дней десять.

Елизар Ильич жизнерадостно хмыкнул, а Бондарь оскалил белозубый рот:

— Ты, герой труда! — И обернулся к Родионову.— Ну кого вы спрашиваете, это же дитя.

Владимир Иванович пристально поглядел на Гришу, и дискуссия возобновилась, а Гриша снова уткнулся в протокол.

В четвертом часу все в том же составе собрались на совещание у главного инженера.

Может быть — и даже наверно,— Владимир Иванович у себя в кабинете не желал накалять обстановку. В конце концов, что ему? Его дело — выяснить детали. Он и выяснил. Решать надлежало главному инженеру, а он о прохладе не заботился, и температура совещания помаленьку дошла до такого накала, что простодушный Елизар Ильич завопил:

— Да почему этим обязан заниматься конструкторский отдел?

Бондарь со свойственной ему оперативностью уже успел побывать в художественном фонде. Там его принял технический директор и, когда Бондарь изложил ему просьбу завода, скорчил мину, объяснив, что художественный фонд, конечно, не откажет в помощи производству и исключительно ради тружеников отечественной промышленности сделает все быстро и недорого, если завод в свою очередь окажет худфонду помощь металлом. На вопрос, что значит недорого и что значит быстро, технический директор ответил: два месяца и две тысячи рублей.

Стоимость завод вполне устраивала: по перечислению хоть двадцать тысяч, лишь бы не двести рублей наличными. Но два месяца!..

Снова все возвращалось к возможностям самого завода.

И вот среди этого раздраженного обсуждения Родионов вдруг поймал на себе светлый Гришин взгляд. Владимир

Иванович вопросительно поднял брови, а Гриша слегка повел зрачками в сторону главного инженера и снова уставился на Владимира Ивановича. Родионов пожал плечами.

— Я могу нарисовать каталог,— робко сказал Гриша и еще раз посмотрел на Владимира Ивановича. Стало тихо, даже Елизар Ильич замолк на полуслове.— Я видел, как это делают...

Все та же Люда уговорила геологов ехать на Рицу. Это было странно, потому что она всегда иронически оценивала обжитую природу экскурсионно-туристических маршрутов, где путников не ждут хищные звери и неожиданные катастрофы. Когда Гриша набрасывал какой-нибудь пейзажик в районе Приморья, Люда поощряла его такими примерно словами:

— Давай-давай, Алешенька, старайся. В городских джунглях и это приятно будет вспомнить. Все-таки природа.

В шторм она смягчалась. Выброшенные на берег водоросли распространяли острый запах морской солоноватой прели, трещала уволакиваемая волнами галька, удары волн о стенку набережной были громоподобны. К тому же лил дождь, над морем клубились тучи... Люда осталась довольна зрелищем. А Гриша белой и черной акварелью на сером картоне сделал тогда один из лучших своих этюдов.

Поездку на Рицу Люда затеяла для осмеяния «культурной» природы. Ей нелегко было бы собрать геологов под такое своеобразное знамя, поэтому до времени она замаскировалась. Косю-Юру она соблазнила возможностью на зависть ресторанным служакам Рицы состряпать прямо у них под носом какое-нибудь экзотическое блюдо и угощаться им шумно и весело, совращая клиентуру покинуть осточертевшие столики с несвежими простынями вместо скатертей. Вартана она одолела обещаниями по возвращению серьезно учить его плавать. Володе, Вовику, Кире и Марине она посулила с три короба всяких красот, а Кошкину не оставалось ничего иного, как следовать за всеми, хотя это отнюдь не присущая ему слабость. О Грише, разумеется, можно не упоминать: он был в восторге.

Подспудные намерения Люды проявились далеко в горах.

Автобус сделал остановку на чайной плантации, экскурсовод предложил поглядеть, как растет чай. Люда мгновенно воспользовалась обычностью зрелища.

— А вы думали — чай вьется в небо по хрустальным

нитям, а над ним витают бабочки? — с насмешливым сочувствием сказала она.— А на деле кустики — и все. Культурные кустики.

Аналогичная сценка произошла у Голубого озера. Люда обозвала его «известковой ямой».

Продырявленная туннелем скала, перекрывавшая шоссе, стала «мистификацией». О громадных валунах, нависших над дорогой (такие же валуны не раз попадались на обочине шоссе, и поэтому экскурсанты поглядывали наверх не без опаски), она заявила, что они укреплены на железобетонных хвостиках.

И все же Люда переоценила себя. Издевательства над природой не получилось, получился только веселый треп.

Потом автобус въехал в сумрак, внезапный посреди безоблачного дня, и остановился. Экскурсовод объяснил, что остановка сделана в Юпшарском ущелье, если кто желает поглядеть...

Слоистая, непрочная порода складывала стены ущелья, и кое-где на их крутизне, непонятным образом, как будто из одного лишь яростного упрямства, держались в неудобных позах скрюченные деревья. Когда-то, видно, гора пыталась стряхнуть с себя лес, но он крепко вцепился в камни и только в одном месте чуть сполз к подножию, открыв стенку сброса, рассеченную, как морщинкой, вертикальной трещиной.

Дно ущелья было покрыто камнями — от мелкой щебенки до многотонных глыб. Культурного в этом ландшафте не было ничего. Одно только шоссе.

— Каньон,— сказал Вартан.

— Не-э! Тектонический разлом,— ответил Кошкин.

— Не надо спорить, дорогой. Вот аллювий.

— Ты так думаешь? Ну-ка, возьми глаза в руки.

Вартан заупрямился. Кошкин колол его ироническими репликами, потом раздраженно и напористо прочитал короткую лекцию.

Вартан почесал в голове и поднял вверх руки.

Володя и Марина прислушались к спору, а Кира, Вовик и Кося-Юра молча озирали ущелье, таинственный поворот шоссе с желтым треугольничком дорожного указателя и темно-голубое небо над головой, какое бывает в окне самолета на очень большой высоте.

А Люда глядела на дальнюю гору.

Гора и впрямь была хороша: слегка размытая солнцем, со светящимся зеленым нимбом горного леса, с трещиной-морщиной, рассекающей ее сверху до скрепленного деревьями оползня, обрамленная ущельем, как рамкой. И хороша

была дорога, плавно уходящая вправо и вниз и дальше уже не видная, и хороши были деревья, что росли на дне ущелья и у подножия его каменных стен.

Взгляд Люды скользнул по стенам и остановился на Кошкине. Рядом с ним все еще стояли Вартан, Володя и Марина, и он уже спокойно досказывал им что-то из гипотетической теории возникновения этого ущелья. Люда подошла, потянула Кошкина за рукав и показала на крохотную неприступную площадку над маленькой осыпью на высоте двенадцати метров.

Гриша не сразу понял, о чем они говорят, почему засмеялись Вартан и Володя и почему на лицо Кошкина снова наползла эта неприятная ироническая мина.

Люда за руку потащила Леню к осыпи, геологи тоже потянулись туда. Гриша поспешно закрыл свой мольберт, в котором торопливо набрасывал пастелью открытый просвет ущелья с дорожным знаком, валунами, деревьями и таинственно исчезающим шоссе, и подошел поближе.

Кошкин вскинул голову и мельком поглядел на площадку.

— Дорогая, достоин ли я выполнить столь почетную миссию? Тебя не смущает, что я только недавно падал?

— Пустяки, я тебя буду ловить.

— Нет на свете ничего слаще, чем падать в твои подставленные ладошки. Пусть даже и покойником.

— Но?

— Но брюки... Я готов рисковать жизнью, но не штанами.

— Что ты еще выдумала, сумасбродка? — спросила подошедшая Кира.

— А что такое? Неужели женщина не вправе потребовать от рыцаря, чтобы он вознес ее имя хоть на десяток метров над почвой? Уж Володя по одному знаку твоих длинных ресниц полез бы до самого верха... Правда, Володенька? Киркино имя так украсило бы эту дичь!

Кира как-то беспомощно пожала плечами, а лицо Володи стало непривычно холодным, он качнулся, словно собирался шагнуть, но устоял на месте.

— Ах, мужчины двадцатого века,— морща нос, говорила Люда.— Больше вы уже не совершаете безрассудных поступков. Вы рационалисты. К черту любовь, есть физиологическое влечение, это проще, да и времени на это надо меньше, без всяких там условностей. Сейчас мужчину никакой обидой на дуэль не вытянешь... Алешенька, натянешь им нос? А ну покажи им, мой рыцарь, что не все еще кончено на свете!

— Людка, ты спятила,— сдавленно сказала Марина.— Гриша, вернись немедленно!

Гриша уже взобрался на осыпь и медленно карабкался вверх по казавшейся совершенно гладкой стене.

В ущелье сгустилась тишина. Из-под ноги Гриши оборвался камень, нога скользнула — и всеобщий захлебнувшийся вдох нарушил молчание. Но Гриша удержался и продолжал нащупывать новую опору. Снова пристроил ногу — и снова прошуршал оборвавшийся выступ. Стена не поддавалась, на ней не было видно ни единой морщины, невообразим казался теперь и спуск — высота набралась уже порядочная.

Экскурсовод нервно закурил. Володя тронул за плечо Вартана, и они пошли к стене, чтобы попытаться подхватить Гришу, когда он оборвется. Вовик бросился следом, а за ним еще несколько мужчин. Люда глядела с неподвижно-светлым лицом. Кошкин курил, и в глазах его была сложная смесь иронии, презрения и жалости.

Гриша замер на стене, как наколотый, только нога его по-прежнему ощупывала камень.

— Отталкивайся и прыгай назад! — крикнул Володя.

Гриша не ответил и еще через минуту, нащупав что-то уже не ногой, а рукой, двинулся по стене — уже не вверх, а вбок. Метров через пять он снова пополз вверх, осыпь здесь заострялась и с трудом выдерживала даже одного человека. Все же Володя, балансируя, забрался туда, а остальные расположились ниже, хотя Грише от этого теперь не могло быть никакой пользы.

Он упорно продолжал взбираться и, наконец, встал на микроскопический карниз, по нему можно было добраться до площадки, на которую показывала Кошкину Люда.

Утвердившись на площадке лицом к стене, он раскинул руки и стал шарить ладонями, стараясь оторвать где-нибудь кусок камня, чтобы использовать его в качестве резца. Что-то ему подвернулось, и, стоя в очень неудобной позе, он начал царапать. Снизу, затаив дыхание, глядели, как появляются на стене четкие, красивые буквы:

«22 июля...»

— ...единственный рыцарь двадцатого века Григорий Капустин сверзился с этой стены,— закончил Кошкин.— И эпоха рыцарства окончательно закрылась на переучет своих героев и мучеников.

— Леня, как тебе не стыдно,— сказала Марина.

Люда оставалась безмятежна.

«...Люда Иванова».

— Твоя мечта сбылась! — сказал Кошкин.

Люда не шевельнулась.

Строго посередине под именем Гриша быстро и не отрывая руки нарисовал ее профиль. Затем еще раз прошелся по всем цифрам и буквам и раза три-четыре по профилю, пока не уверился, что все сделано не на день, выпустил из рук свой резец и двинулся в обратный путь.

Но обратного пути не было.

Кое-как Гриша добрался до карниза, оттуда, сделав какие-то головокружительные движения, спустился еще метра на три, но дальше у него уже ничего не получалось.

— В таком же положении оказался некогда достойный отец Федор. Только он вопил: «Снимите меня!» — снова вставил Кошкин.

Люда снова промолчала. Она была бледна.

— Ты не можешь найти другое время для своих острот?— с яростью накинулась на Кошкина Марина.

— Кричать надо было раньше,— холодно ответил он.— Пропусти меня.

Галдели все наперебой. Кошкин заставил всех замолчать. У него было счастливое качество: его слушались.

— Слушай, старик! — крикнул он Грише. Кира закрыла глаза ладонями, а Люда, спотыкаясь, задрав голову, пошла к нему.— Передвинься немного вправо. Можешь? Попробуй. Хорошо, старик, молодец... Ну, еще немного! Не идет? Ну ничего. Слушай внимательно. Под тобой осыпь, до нее метров семь. Стена почти отвесная, но все же надо оттолкнуться. Обожди, не спеши. Оттолкнуться надо ногами, очень сильно, а руками слегка. Учти. Понял. Ну как, сможешь?

— Смогу,— прерывисто сказал Гриша.

— И сразу собери тело, готовь ноги к приземлению...

Он не успел окончить.

Гриша как-то судорожно шевельнулся и оторвался от стены. Женщины закричали. Гриша глухо шлепнулся на осыпь, возле него мгновенно оказался Володя и почти тотчас же Люда и Кошкин. Смертельно бледный и неловко улыбающийся Гриша поднялся и увидел перед собой мир, а в этом мире нечто такое, чего никогда в жизни еще не знал: он почувствовал себя каким-то другим, большим, очень важным и нужным в этой жизни человеком. Он засмеялся и, в упоении собственной дерзостью, не отвел взгляда от испуганных глаз Люды: в этот миг он был готов к борьбе на самом высшем уровне — на уровне зубов и ногтей.

Это был миг, один только миг во всей его жизни, потому что вскоре он понял: в наше время уже ничего невозможно удержать с помощью ногтей и зубов...

Потом была суета, экскурсовод и шофер ругались, один интеллигентно, второй как бог на душу положил, Гришу отряхивали, промывали его руки с содранными, обломанными ногтями, заливали йодом из походной аптечки. Было очень больно, но он улыбался.

Нагоняя график, автобус понесся, а на серпантине горной дороги это испытание оказалось по плечу не каждому вестибулярному аппарату, и очень скоро нервное напряжение экскурсантов, возбужденных недавней встряской в Юпшарском ущелье, улеглось, затем сменилось вялостью и, наконец, сонной апатией. Кое-кто стал проявлять зловещие признаки, монотонный голос экскурсовода только способствовал укачиванию. Люда отобрала у него микрофон и своим хрипловатым голосом стала запевать популярные песни. Подпевали ей недружно.

Потом аудитория совсем обмякла, но Люда упорно старалась ее расшевелить, рассказывала анекдоты и исполняла песни зарубежных стран на английском и итальянском языках с русским речитативным переводом, словно содержание могло кого-то заинтересовать.

Но настал момент, когда и она перестала петь и просто сидела в кресле экскурсовода, повернувшись к салону, с микрофоном в опущенной руке и молча глядела на Гришу. И он так же молча глядел на нее. После недавнего потрясения окружающее воспринималось им немного сомнамбулически, и, придвинутое каким-то оптическим обманом к самим глазам, блистало перед ним ее лицо, покрытое ровным загаром, голубоглазое, с кукольным носиком и ртом и с белыми, до плеч, волосами. И с того дня это лицо перед ним постоянно, во сне и наяву, и все, что происходит в реальном бытии и в воспоминаниях,— все проходит на фоне этого лица с очень земными, запанибратскими и зовущими к откровению глазами...

Кося-Юра действительно сделал попытку подложить «фугас» под ресторан «Рица». Прибыв на место, он после беглого осмотра пейзажных красот принялся за изготовление кулебяки. Вартан, с сомнением почесывая бороду, помогал ему. Остальные ушли кататься по озеру на моторках.

Вернувшись с катания, геологи увидели, что Кося каким-то непостижимым образом сумел разделать тесто, привезенное в полиэтиленовом мешке, и теперь, сетуя на отсутствие вязиги — классической начинки,— начинял кулебяку черт знает чем. В дело пошел какой-то консервированный плов, мелко накрошенные яйца и колбаса, недоеденные в

пути котлеты и другие пищевые смеси. Кулебяку положили на плоский камень, покрытый листом писчей бумаги, которую предварительно смазали жиром. Потом вокруг кулебяки из таких же плоских камней соорудили закрытый очаг, завалили его хворостом, подожгли и, приплясывая от нетерпения, стали ждать.

Ожидалось, что мероприятие возбудит аппетит, но и то благо, а пообедать можно и в ресторане, ничего страшного, приходилось питаться и хуже.

Когда камни отвалили, хлынула волна ароматов и раздался единодушный восторженный вопль: кулебяка удалась.

Вино развязало языки. Но по мере того, как количество его уменьшалось, общий беспорядочный и оживленный разговор все чаще прерывался паузами, наступавшими после реплик Кошкина. Они делались все язвительнее, это был едва ли не единственный признак того, что Кошкин пьян. Да еще глаза его стали меньше, но они всегда становились меньше, когда Леня язвил...

Он язвил в адрес Люды, но обращался не к ней.

— Ничего, старик, ты не смущайся. Родовые общины могли существовать только на основе промискуитета, отсутствие ревности давало им возможность не распадаться и сообща кокошить мамонтов.

Гриша не знал, что такое промискуитет, но по наступившему неловкому молчанию понял, что это что-то нехорошее.

— Рубай, Кошкин,— с набитым ртом посоветовал Кося-Юра. Он единственный из всех никогда не подвергался нападениям Лени, от его спокойствия отскакивало все.— Рубай. Продукт на исходе.

— Уговорил. Налей-ка еще... Да... Не помню, какие дикари, не помню, на каких островах получают право на женщину только после того, как бросятся вниз головой со стометровой вышки. Правда, их подстраховывают: привязывают лианами за ноги. А ты, старик, даже не подстраховался, твое право, таким образом, безгранично.

Непривычно притихшая Люда на колкости не отзывалась.

— Алешенька, подай мне хлеба,— сказала она.

— Подай, Алешенька, подай,— поддержал Кошкин.— Хлеб твой насущный... Надолго ли его хватит...

Когда уставшие от впечатлений экскурсанты забрались в автобус, предвкушая обратный путь в вечерней прохладе, Люда объявила геологам, что останется с Гришей наблюдать закат и вернется позже, с каким-нибудь последним автобусом.

Отрезвевший Кошкин, криво ухмыляясь, негромко посоветовал:

— Стреножь художника, а то он заберется в такие заоблачные выси, что никакая пожарная команда не достанет.

Люда швырнула об землю свой рюкзачок и сказала звенящим голосом:

— Слушай, Кошкин!.. Сказать все, что я о тебе думаю?

— Все не надо, скажи половину... Подъем, ребята!..

Люда с Гришей не уехали с озера после заката. Они уехали только после восхода.

На следующий день на набережной Гриша нос к носу столкнулся с парнем с их завода, наладчиком, знакомство их было шапочным, просто знали друг друга в лицо, не раз встречались у проходной.

— Привет, земляк,— сказал наладчик, поглядывая на израненные Гришины руки.— Тут про тебя уже легенды ходят. Говорят, из-за какой-то лялечки в пропасть сигал? Неудачная любовь?

Гриша застенчиво улыбнулся, ничего не ответил и, постояв какое-то время с земляком, двинулся по своим делам. Пальцы с содранными ногтями болели нестерпимо, болела и стопа, видимо, подвернул. Но он мужественно терпел, понимая, что боль не отменишь никакой, даже самой сильной волей, ее надо вытерпеть, пока сама не уймется...

До начала работы экспертной комиссии оставалась неделя, а Родионов так и не решил, как отозваться на просьбу Мельникова: был тот редкий случай, когда имелось две правды, и обе были понятны и близки ему, но он не знал, какую из них отстаивать, чтобы получилось по закону, как он считал, высшей справедливости.

Была суббота. Они сидели вдвоем с Мельниковым в кафе, пили остывший уже кофе, не спеша прикасались к рюмкам с коньяком, в которые были налиты символические дозы. Искали компромиссное решение. Писать министру бесполезно: он — лицо заинтересованное в увеличении добычи руды, мыслит категориями глобальными, меньше всего захочет вникать в то, что будут ущемлены какие-то интересы какого-то микрорайона в каком-то городе. Такую мысль внушил им мэр, когда втроем они обсуждали эту проблему.

— А что, если мы напишем мотивированную докладную на имя первого секретаря обкома? — спросил Мельников.

— Вопрос ведомственный, захочет ли он влезать в это дело?

— Не скажи. Человек он местный, нужды города знает.

И как член ЦК — сила довольно внушительная. Нужно только лаконично и убедительно, с впечатляющей цифирью.

— И ни в коем случае не компрометировать саму установку, ее эффективность,— сказал Родионов.

— Разве я тебя об этом просил? Вопрос только, за чьими подписями пойдет эта докладная?

— Твоя безусловно.

— А ты подпишешь? — спросил Мельников.

— Это бессмысленно. Кто я? Главный технолог завода, который должен выполнять заказ. Чью позицию, в данном случае, будет отстаивать моя фамилия? Тут нужна подпись вашего секретаря парткома и хорошо бы мэра города. Я же постараюсь не спешить, как ты сказал, с дифирамбами в адрес установки. Конечно, в пределах разумного. Так что вы с бумагой поторопитесь...

С этим вроде покончили, и, допивая кофе, Мельников вдруг сказал:

— Старуха Анастасьева умерла.

— Да что ты?! Сколько же ей было?

— Семьдесят девять.

— Да-а...— покачал головой Родионов и подумал, что ему, Родионову, уже пятьдесят седьмой. Степка Анастасьев был его одноклассником, погиб в сорок четвертом. А теперь вот умерла его мать. Матери наших погибших и пропавших без вести ровесников все еще ждут своих сыновей. Но уже начали умирать и мы,— вспомнил он своих сверстников, тех, кто, вернувшись с войны, умер от болезней и старых ран спустя двадцать—двадцать пять лет. А матери многих из них еще живы, но тут уж у них не может быть никакой надежды, что сыновья вернутся. А те, другие, как Анастасьева, все еще будут ждать и надеяться... Парадоксы...

Они посидели еще какое-то время, что-то повспоминали и разошлись. Родионов отправился к скверу, где договорился встретиться с Капустиным.

Осеннее солнце нестойко. Хоть облака были высокими и белесоватыми, солнце они все же скрыли, и вокруг стало по-осеннему голо и хмуро.

В тиши и пустоте сквера ничто не мешало Гришиной исповеди. Они бродили по асфальтированным дорожкам, и Гриша говорил так, словно его слушали только деревья: бормотал, уставя взгляд прямо перед собой. И так же безмолвно, как деревья, слушал его Владимир Иванович. Тихий рассказ Гриши был связен, и ни уточнять, ни переспрашивать не было нужды.

Вышли на аллею, обсаженную каштанами, и под моно-

тонный Гришин рассказ Владимир Иванович подумал, что разочарование, которое вынес Гриша из своей неудачной любви, было преподнесено ему не как случайное, а как всеобщее. Под его страдание Людой и Кошкиным была подведена теоретическая база. Ему доказывалось, что человек рождается в одиночестве, в одиночестве живет и так же умирает, и что исправить этого никто и ничто не может, это всеобщий закон.

Устойчивая Гришина подавленность была вызвана даже не столько происшедшим, сколько этой мыслишкой, внушенной ему этими двумя людьми. А против такого бороться надо не словами, нет...

Гриша всматривался в оголенный парк. Единственное, чем он мог бы заглушить сейчас свое настроение,— это немедленно сесть писать осенний пейзаж. В этом пейзаже должно быть нечто пронзительно-печальное и вместе с тем примиряющее. Пастельные тона при бессолнечном дне — это уже настроение, а краски осени не беднее, а богаче летних для тех, кто умеет видеть.

Есть деревья, листва которых не желтеет, а становится черно-фиолетовой. А на иных листья погибают смеясь. На других же не меняясь в лице. Но на фоне желтизны зелень выглядит чопорно. Еще хуже в такой туманный день выглядят большие облетевшие деревья: спадают листья и становится виден их скелет. Вот два каштана... первый, раздвоенный от самых корней, так мучительно тянется кверху, стволы его винтообразно скручены один вокруг другого, и как будто чувствуешь то усилие, с которым они вырываются из тяжелой и твердой земли... А второй словно воздел руки с вывернутыми наружу черными ладонями... По аллейке удалялась сгорбленная бабка с крохотным мальчуганом, малыш держал за ниточку надутый шарик, но в серости дня даже яркий шарик казался бесцветным.

— Утешиться ты можешь только одним,— сказал Родионов.— Тем, что молод. Прости за банальность. Но я готов поменяться с тобой местами,— усмехнулся Родионов.— И все твои печали забрать себе. Но так, Капустин, не бывает. У времени есть железный закон: оно понижает болевой порог...— Родионов похлопал Гришу по плечу.— То, что случилось с тобой, в истории человечества уже бывало. Тебе, конечно, от этого не легче.

Капустин кивал головой, соглашаясь, при этом понимал, что найдись человек даже добрее Родионова, и тот не смог бы отыскать слова, которые вот так осторожно снимали бы с души тяжесть...

Геологи уезжали на три дня раньше Гриши, и он уже заранее немел и глох при мысли о расставании с Людой и откладывал объяснение со дня на день, но тянуть дальше стало некуда, и тогда он осмелел поневоле и накануне отъезда в облюбованном ими укромном местечке (нужно было здоровое сердце и крепкие ноги, чтобы туда добраться) задыхающимися и жалкими словами пытался выяснить у Люды, когда они встретятся снова. Люда удивленно посмотрела на него и усмехнулась:

— Алешенька, не заставляй меня жалеть о своей глупости. Ты же взрослый человек и... у каждого из нас своя жизнь.

— Ну да, поэтому я и хочу, чтобы... чтобы у нас была общая жизнь...

— На основе?

— Что?

— На какой основе? Ты станешь геологом или мне стать домашней хозяйкой?

— Ну-у, мы это... решим как-нибудь.

— Ничего мы не решим, Алешенька. Жизнь подарила нам две недельки — спасибочки ей за это, теперь айда по домам.

— Но почему?

— Почему? Пойдем к нашим, там я тебе объясню, почему. Ты что, действительно веруешь в вечную любовь? Какой ты у меня дурачок! Пойдем.

И нежно поцеловала Гришу в нос.

— Я не пойду!

— Ну-ну-ну... Глупенький... Завтра придем сюда еще раз... если хочешь. В последний раз. «Прощай, свободная стихия! В последний раз передо мной ты катишь волны голубые...»

— Неужели нельзя ничего придумать?..

— Зачем? «Ты ждал, ты звал... я был окован; вотще рвалась душа моя: могучей страстью очарован, у берегов остался я».

— Перестань!..

Они пришли к палаткам. Кошкин снова сидел на скатанных одеялах (операция по спасению Гриши не прошла даром) и что-то выяснял с Вартаном о геосинклиналях. Кира и Марина готовили ужин, Вовик у самого обрыва что-то рассказывал Володе и Косе-Юре. Люда подсела к ним, а Гриша поплелся за ней. Он был оглушен и соображал с трудом.

Его позвал Вартан:

— Гриша, давай сюда. Курить есть? Ах, какой молодец! Вот спасибо, большое спасибо!

— Ты что-то потерял, старик? — бодро осведомился Кошкин. После ночевки Гриши и Люды на озере он неизменно был бодр. Не весел, а именно бодр. И подтянут. Выбрит. Лаконичен. Язвил меньше, да и вообще разговаривал меньше. Много работал. Вовик едва ли не ежедневно бегал за книгами в районную геологическую экспедицию.— Ну, что скажешь?

Гриша пожал плечами и устало сел на траву. Кошкин пристально поглядел на него, глубоко затянулся сигаретой и повернулся к Вартану:

— По некоторым имеющимся данным все эти гипотезы носят чисто спекулятивный характер. Наверняка мы сможем что-то сказать только тогда, когда исследуем разницу в интрузивных областях.

— Ну, дорогой, ты собираешься бурить на такие глубины в интрузиях... это, знаешь ли...

Гриша слушал непонятные слова и смотрел на Люду. Густели сумерки. Надеяться было уже не на что, надо было незаметно уходить и больше здесь не появляться, тем более, что это дорогое для него понятие — «здесь»— обречено было существовать ещё каких-то там тридцать шесть часов.

Но он продолжал сидеть рядом с Кошкиным, слушал разговор со множеством непонятных слов, и в душе его тоже было что-то непонятное, мутное и бесформенное, как тьма неограниченного пространства.

В этом состоянии он согласился остаться ужинать, что-то чистил, что-то клал в рот, жевал, глотал...

Разговор начала Люда. Ее непринужденности хватало на все.

— Люди, как вы думаете, вечная любовь существует?

Кошкин перестал жевать, лицо его напряглось, затем он повернулся к Вартану и сказал:

— Соседей об этом тоже надо будет спросить... чтобы собрали сведения о своих интрузиях.

— Кошкин, твоя наглость беспредельна,— сказала Люда.

— Именно это мне хотелось сказать тебе. Но я себе этого не позволил. Ведь ты, несмотря ни на что, женщина...

— Да, ты позволил себе только что перебить женщину...

— С удовольствием применил бы этот глагол в ином его значении... по отношению к женскому роду вообще.

Предложенную Людой тему неосторожно поддержал Вовик. Он отстаивал вечную любовь, и Люда получила возможность развивать негативный тезис в удобных условиях — споря со слабым противником.

— Вечная любовь под периной! — издевалась она.— Единственное, что могут себе позволить маленькие душонки.

Сильным тоже нужна любовь, но они имеют хотя бы достаточно мужества признать, что ее не существует. Разве не так, Кошкин?

— Ты специалист, тебе виднее.

— Конечно, не так! — возмутился Вовик.— Если бы так, все в мире уже развалилось бы, потому что семья... семьи бы уже не существовало и вообще... Ну, короче говоря, статистика против тебя.

— Какая статистика, ребеночек? Статистика боязливых? А ты возьми другую статистику — нашу.— Она озорно глянула на Вартана, он неспокойно завозился и уперся руками в землю, собираясь встать, но не успел.— Вот тебе семейный человек, жил в городе, работал в минералогическом музее, дом, дети, телевизор и жена — сильная личность. Вот она-то и заставила его самого стать сильным...

— Людочка, может довольно?

— Ничего, Вартанчик, здесь все свои... Конечно, он предпочел бы ничего не видеть, он любил детей, спокойствие, благополучие, но жена оказалась действительно сильной личностью, она ничего не скрыла... Вартан, тебе повезло, а то гнил бы всю жизнь возле телевизора. Разве теперь тебе не лучше?

— Мне совсем хорошо, дорогая, когда ты не замечаешь моего существования,— сухо сказал Вартан и ушел к обрыву.

— Или вот... Володя. Еще один пример. Тоже благополучная жизнь, аспирантура, писал диссертацию, жена — химик, казалось бы, есть с кем поговорить. О чем? О тряпках? А здесь каждый с удовольствием обсуждает любую его новую идею. Правда, Володенька? Не задеваю уже нашего дорогого Кошкина.

— И правильно делаешь,— отозвался тот.

— И что меня не задеваешь — тоже правильно делаешь,— вставил Кося-Юра.

— Или Кира... Какая же статистика, котеночек?— Она обращалась к Вовику, но Грише и всем остальным было понятно, кому это адресовано.— Все эти разговорчики — анахронизм. Вечная любовь, верность до гроба — это все для каменного века...

— Ты плохо знаешь историю,— холодно перебил Кошкин.— Прости, что прерываю. Именно в каменном веке индивидуальная верность и не требовалась, даже наоборот — была вредна. Верность, ревность... Там нужна была иная верность — коллективная.

— Ну пусть не каменного, пусть какого-то там другого... все равно устарело. Теперь каждый может прокормиться

самостоятельно, одинокой женщине с ребенком помогает государство... И все. Значит, самая главная необходимость в семье — экономическая — отпала.

— Ты полагаешь, главное это? Интересная мысль. По крайней мере, интересная своей абсурдностью. А как же родительский инстинкт?

— Тысячи отцов бросают детей, и инстинкт им, как видишь, не мешает.

— Да, но всего отцов сотни миллионов.

— И матери бросают.

— Хочешь создать стройную теорию на исключениях?

— А я тебе говорю, что семья в ее нынешнем виде устарела! Вот такая семья, как у нас,— это я понимаю! Общая работа, общие интересы... а общие финансы у нас даже где-то на третьем плане. Так ведь?

Кошкин не ответил, только усмехнулся, словно этой усмешкой обнаруживал все контрдоводы, несчетное их количество, трудно отыскиваемые и еще труднее формулируемые, но уничтожающие Людино построение от конька крыши до самого фундамента. Вместо Кошкина возразил Володя:

— Людочка, даже наша семья, хотя и без ущерба для целого, все же тяготеет к установлению индивидуальных связей.— Тут же он смешался.— Не истолкуй меня банально...

— Да, я понимаю, в вашем представлении я способна истолковывать такие вещи только банально...

И разговор остался неоконченным. Он ничего не прояснил, и даже сама Люда ничего от этого разговора не выгадала, она, желавшая выглядеть сильной, тоже оказалась только женщиной. Отвергала идеалы, но не могла допустить, чтобы ей поверили слишком всерьез и до конца. Потому что это не было правдой до конца. Потому что никто не хочет очень уж отличаться от людей, такое не доставляет особой радости. Потому что радости в подобном действительно нет.

Если бы Гриша был сторонним наблюдателем, он бы это отметил. Но все происходящее слишком касалось его, холодной логике не было места, он способен был думать лишь о том, что остается всего только один завтрашний день, и как он сложится — неизвестно, и, быть может, сегодняшнее свидание было последним, и нового никогда больше не будет...

От этой мысли сделалось не по себе, потом стала сильно болеть голова, он подумал, что перегрелся.

Но он напрасно испугался за завтрашний день. О нем-то еще можно было не тревожиться...

Бабушка с внуком дошли до конца аллеи и вернулись обратно, она села на скамейку, малыш забрался с ногами и стоял, перевалившись через решетчатую спинку, глядя на поблекшую траву, усыпанную листьями, и сжимая в ручонке ниточку от шарика. Ветер рвал шарик у него из рук.

Родионов и Гриша сели на скамейку напротив. Владимир Иванович глядел на шарик, курил и пытался как-то направить мысли, но они перескакивали с предмета на предмет, и он все никак не мог понять, о чем ему еще говорить с Гришей. История оказалась самой банальной, каких сотни; такая же история может щелкнуть по лбу и собственного сына, да и вообще всякого идеалиста, которого по-доброму не предостерегли при подходе к тому возрасту, с которого начинается активная жизнь...

Вот какой случай...

И ведь не спросишь даже у него — неужто в двадцать три года эта красавица у него первая?

Да, в общем, незачем и спрашивать. Пусть не первая, тут дело не в количестве... Ну, допустим, и было что-то наспех...

Ветер гнал над головой клочья облаков, рвал из рук мальчугана воздушный шарик.

Гриша сидел, уставясь на этот же шарик, но видел совсем другое... Он видел Люду, которую никто не очернит в его глазах. И разве есть за что чернить? За то, что она такая, как есть? Разве человек виновен в том, что он таков, каков есть? Виновны преступники. А за любовь нельзя быть в ответе, потому что — любовь.

Они снова увиделись в своем укромном уголке, пришли туда не сговариваясь. Гриша явился позже и, увидев сидящую Люду, кинулся к ней, шептал сумасшедшие слова. Она молча гладила его волосы, поникшие, как перепутанные травинки, и на его мольбы качала головой. Сейчас их связывала нежность, и Грише казалось, что этого достаточно навсегда. Но Люда была опытнее и знала, что ей этого хватит ненадолго. Было больно, что чувство к нему не кончилось с отпущенным для него сроком, но оно кончится неизбежно. Ну еще неделя, ну месяц... в конце концов, даже год. Год тоже ничего не решает. А после расставания ссадины заживают легко. Она это знает наверняка. Да и у него заживет. Жаль его, но и себя жаль... А Кошкина разве не жаль? Всех жаль, что поделаешь, так устроена жизнь...

...Так устроена жизнь,— думал Владимир Иванович.— А мы ей еще и помогаем, и вот... Бывает, и зрелым людям выпадает такое испытание. Но зрелых к жизни привязы-

вает не одна только любовь, у них много всяких нитей, и, если даже рвется одна, делу не конец.

А Гриша... что его привязывает? Работа нелюбимая? Рисование, которому он отдаться не может? Разве что любовь к родителям, он ведь человек долга, а сыновняя любовь вообще такая вещь, что... Кто его знает, может, и вытянет.

Пусть посидит, подумает, это в любом случае хорошо...

Черт возьми, материалы же надо готовить главному инженеру в Москву! Ну да бог с ним, обождет, там ничья жизнь от этого не зависит.

Гриша был так расстроен, что безропотно дал Люде увести себя из их укромного места. Когда они отошли шагов на двадцать, Люда обернулась, с полминуты глядела на таинственные переплетения зеленых веток, потом сказала:

— Если приедешь еще в Сочи, не води сюда никого. Хорошо? А впрочем... ерунда все это...

Она не захотела идти в лагерь, и весь этот последний вечер они тихо просидели у моря, у печального красного солнца; иногда Люда что-нибудь рассказывала с преувеличенным оживлением, а Гриша молчал и, стиснув челюсти, мелко вздрагивал: с моря дул ветерок и было прохладно, но он дрожал не от прохлады...

Утром, на заре, он уже был в лагере. Геологи, позавтракав, скатывали палатки. Не было шуток, не было привычного оживления: все деловито, кратко, слаженно. Они снова вступали в привычную полосу — не праздные курортники, а рабочий механизм, детали которого великолепно пригнаны друг к другу. Девушки убирали мусор с места стоянки. Вартан и Володя, уминая коленями, паковали один тюк, Кося другой. Над обрывом стоял газик районной геологической экспедиции. Кошкин, сидя на сложенных палатках, писал благодарственную записку ее начальнику. Вовик таскал в газик связки книг. Затем каждый бросил с обрыва в море по монетке. Вартан бросил две — за себя и за Кошкина. Потом они двинулись к морскому вокзалу — точно такие же, какими увидел их Гриша двадцать дней назад: бородатые Вартан и Кося, смешливый Вовик, деликатный Володя, непоколебимый Кошкин, так же экзотически выглядели их небрежные наряды. Но не для Гриши. Он видел теперь не романтическое целое, а каждого отдельно, и только отдельно, даже тех, кого не успел разгадать, как Марину или Косю, и, видя их отдельно, он плелся рядом с ними и не верил, что сейчас они уедут — и больше никогда

он их не увидит... никогда больше не увидит Люду... и Кошкина... и Киру с ее тревожными глазами... и спокойного мудреца Вартана... и опять Люду... и сто тысяч раз Люду...

— Дай-ка закурить, старик,— сказал Кошкин.— Спасибо. А ты когда едешь? Значит, еще три дня? М-да... многовато...

Они дошли до морвокзала, автобус-экспресс в аэропорт уже ждал. Геологи стали прощаться с Гришей. Первым подошел Вартан, протянул руку — и вдруг обнял его и поцеловал. Так по очереди прощался Гриша со всеми, и все целовали его. Остались только Люда и Кошкин. Кошкин хмуро отступил в сторону и кивнул Люде. Она сняла с себя белую в голубой горошек косынку, повязала ее на шею Грише, погладила по щеке и крепко поцеловала в губы.

— Прощай, Алешенька.

И поднялась по ступенькам. Оцепеневший Гриша молча стоял у двери.

Подошел Кошкин и энергично тряхнул его за руку.

— Прощай, старик. Займись рисованием всерьез, даже если тебе придется туго. Хоть я в этом, честно говоря, ничего и не понимаю, но есть в тебе что-то... какой-то свой аромат. И еще... уезжай сегодня же. На самолет ты билет не достанешь, а на поезд запросто. Нечего тебе уже здесь делать.

Он вошел в автобус и сел рядом с Косей. Через открытые форточки Гриша услышал, как он сразу же сказал Люде что-то едкое. Люда молча поднялась и пересела к окну, возле которого стоял Гриша. Она глядела на него сквозь пыльное стекло без улыбки, склонив лицо, прямые белые волосы закрывали ее щеки, растопыренной ладошкой она упиралась в стекло.

Автобус тронулся. Люда не подняла руки, только поворачивала голову по мере того, как автобус медленно выруливал к повороту. Гриша попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло. Люда нахмурилась и закусила губу. Автобус громче взревел мотором и прибавил ходу. Люда растаяла за мутным стеклом. Навсегда.

Гриша вздрогнул, Родионов повернулся к нему, несколько секунд они глядели друг другу в лицо — каждый из них, они это поняли, думал о недосказанной концовке. Гриша нисколько не был уверен, что Владимир Иванович додумал ее такой, какой она была в действительности, но это и неважно, он ведь и сам недопонял всего, что произошло, а важным вдруг он ощутил то, что Владимир Иванович был возле него, хоть и не понимая — был. И быть может,

самым решающим доводом в продолжающемся заочном споре с Людой, доводом, опровергающим ее тезис о вечном одиночестве всякого живого существа, явилось это угрюмое упорство пожилого человека, который был возле него, был с железной надежностью.

Потом Гриша подумал, что даже для безмолвного присутствия нужно очень много души и что Владимир Иванович из сказанного и недосказанного понял, вероятно, гораздо больше, чем это может показаться.

А Родионов, с отвращением посасывая сигарету, размышлял о том, что ничего не умеет понять в человеческой душе. Вот она как будто распростерта — а что в ней видно? Почти ничего. А свои дети? Как-то доступнее надо с ними быть, проще...

— Ты вот что,— сурово начал Владимир Иванович и осекся: опять этот повелительный тон, авторитетность, всезнание...

Тяжелая рука стиснула Грише колено, он удивленно поднял глаза.

— Дитя ты, Капустин, дитя... Ну, ладно... С переживанием своим если хочешь остаться — оставайся, но знай: не по-мужски это. А если хочешь с ним расстаться — иди к людям, не таись. Ты хлопец умный, с тактом, не мне тебя учить, как в трех словах все объяснить. Тебя любят, значит, поймут. И лишнего не спросят.

Гриша молчал.

На состоявшемся в пятницу профсоюзном собрании отдела главного технолога многие недовольно высказывались в адрес Родионова: он усугубил тесноту, неизвестно для какой цели освободил от обитателей крохотную комнатенку группы товаров народного потребления, а всю эту группу в пять человек переселил в общую залу. В комнатенке маляры срочно делали ремонт, а электрики монтировали мощный рассеянный свет. Цель этих манипуляций для всех оставалась тайной.

Первым выступал Бревко. Он рубил воздух ладонью, а физиономия его, обычно вялая, выражала самое горячее негодование. За Бревко начали подниматься женщины. Тема тесноты и обиды стала превращаться в доминирующую, угрожая деловому ходу собрания, которое планировалось вовсе не ради этого, а ради обсуждения недостатков в работе и трудовой дисциплины. Поэтому Родионов без промедления попросил слова.

Ясно было видно, что он не готов к объяснению: вторично выйдя к ораторскому пятачку, Владимир Иванович с

минуту стоял молча и потирал ладонью подбородок. Наконец сказал:

— В этой комнате будет располагаться группа сопроводительной технической документации, ей без отдельного помещения не обойтись...

— А мы, значит, обойдемся? — спросила Нина Матвеева, начиная подниматься со стула.

Матвеева человек опасный не только как член цехкома, ответственный за охрану труда, но и как женщина неистовая, собственной волей изгнавшая первого мужа, вовсе не алкоголика, а просто веселого, иногда выпивающего человека, и железной рукой державшая второго, который у нее даже пикнуть не смел. Поэтому когда Владимир Иванович увидел ее медленно распрямляющуюся фигуру и устремленные на него светлые немигающие глаза, он заторопился в наивной надежде обернуть дело шуткой.

— Вот какие вы...— сказал он, ненатурально усмехаясь и качая головой.— Премию за экспорт получать хотите, а поступиться немного ради сопроводительной документации...

— Хоть немного? — Матвеева уже стояла в полный рост.— Условия работы — это, по-вашему, немного?

Женщины одобрительно зароптали. Владимир Иванович, перед лицом стихии теряя последнюю надежду утихомирить ее, сказал, что редакторам и художникам в общей зале работать просто невозможно.

— Каким редакторам, каким художникам? — голос Матвеевой обретал силу.— Набираете всяких, создаете им условия, а своим и так сойдет?

— Да никого мы не набираем,— раздражаясь, сказал Родионов.

— Ну а кто же будет сидеть в этих апартаментах? — нападала Матвеева.— Мы два года просим о ремонте — и все бесполезно, а здесь в два дня навели такой лоск! Кто же там сидеть будет, что за счастливцы?

— Счастливец Капустин,— громко сказал Бондарь и дурашливо прикрыл ладонью макушку. Капустина на собрании не было.

— А ты молчи, умник,— огрызнулась Матвеева и с обиженным лицом повернулась к Родионову.— Так кто же все-таки?

— Ну Бондарь будет, Капустин,— повторил Родионов.

Наступила пауза.

Матвеева вдруг села и сказала плачущим голосом:

— Вечно вы, Владимир Иванович... Сказали бы сразу...— И, так как Родионов по-прежнему стоял, ожидая еще во-

просов, добавила: — Председатель, ты что, уснул? До ночи нам здесь сидеть? Веди собрание!

Работа над каталогом началась, как только Гришу, Бондаря и самую опытную на заводе копировщицу Юлю вселили в их новую комнатенку. Бондарь длительно и со смаком устраивался на новом месте, восхищался видом из окна на поросшую лесом лощину за оградой завода (прежде, из залы, они видели только заводскую котельню с приземистой и толстой кирпичной трубой), потом стал увешивать стены изречениями и картинками из жизни кинозвезд и животных и долго мотался между кабинетом замдиректора, отделом снабжения и складом, добывая себе какое-то особое кресло, вращающееся и регулируемое по высоте.

Юля устроила в хорошем месте принесенный с собой цветок, нашла место электрочайнику и повесила зеркало.

А Гриша, едва внесли его стол и поставили к окну, смахнул с него пыль, сел на первый попавшийся стул и принялся за работу.

Но на этом исчерпалось все, что он сделал быстро.

С неторопливостью, которая, ввиду всеобщей спешки, особенно раздражала наблюдателей, Гриша зарисовал детали прибора в том положении, которое они занимают в работе. Затем он собрал эти детали в полурасчлененные узлы, сгруппировал мелкие детальки возле крупных, базовых.

Все это он выполнил в карандаше, а второй этап, кроме того, повторил в туши, тщательно исправляя малейшие ошибки по нетерпеливым замечаниям Елизара Ильича, который готов был все эти ошибки простить как несущественные, ради быстроты исполнения. Но тихий, послушный Гриша внезапно заупрямился и сказал, что халтурить не станет.

При этом присутствовал Родионов, и Елизар Ильич очень удивился и уставился на Владимира Ивановича, словно тот отвечал за дерзкое высказывание своего подчиненного.

Но Владимир Иванович никак на это не реагировал и сказал Грише, чтобы он не обращал внимания ни на советы, ни на понукания и работал так, как сам понимает.

Когда полурасчлененные узлы были нарисованы тушью, тени на них наведены и каждую деталь, казалось, можно потрогать, Гриша расположил листы с узлами в таком порядке, чтобы они образовали объемную схему собранного прибора, и пригласил заводского фотографа. Фотограф сделал снимок монтажа и напечатал его. На этом метровом отпечатке Гриша стал завершать работу.

Теперь его дни протекали в обществе доброжелательной

и сдержанной Юли и доброжелательного, но несдержанного Бондаря, который с помощью русско-испанского словаря нахально переводил названия деталей и узлов на испанский язык, подолгу консультировался по телефону с каким-то другом-лингвистом и почти непрерывно чертыхался. Едва в комнатенку заглядывал Владимир Иванович, Бондарь произносил монологи, заставляющие Гришу краснеть.

— Вот он стоит перед вами, скромный герой труда, в своем зачуханном халате и надраенных черных ботинках, с кистями и красками в перепачканных руках...— к краскам Гриша даже не прикасался, для этой работы они были не нужны.— ...многостаночник умственного труда, гроза халтурщиков из художественного и антихудожественного фондов, апостол внешнеторговых связей, сокращающих большие расстояния между народами и континентами...

— Михаил, прекрати,— оборвал Владимир Иванович.

— И непостижим этот человек, безвозмездно отдающий свой творческий труд, ибо радость его и плата — в высоком сознании выполненного долга и в умножении...— не унимался Бондарь.

— Прекрати, я тебе сказал.

— Сейчас... в умножении койкомест на северных и южных курортах страны, а также в детских садах и яслях. И когда наш скромный герой, проснувшись утром и поев каши, пойдет на работу, он будет радостно думать о том, что во всем, что охватывает глаз, есть частица и его вдохновенного... во, нашел нужное слово... его вдохновенного труда. Вот! А как по-испански «бугель»?

Чем дальше Бондарь уходил в работу, тем реже находил время для монологов. С бугелем, который, как подсказал по телефону друг-лингвист, был словом голландского происхождения, можно было не церемониться. Но дальше пошли техницизмы русские, и с ними пришлось туже. «Коромысло» обошлось Бондарю множеством скороговоркой набормотанных слов, неудобопроизносимых по-русски и непереводимых на другие языки. Но еще труднее дался перевод сравнительно простого слова «пята». Кроме бытового значения, иных указаний в словаре не было.

— Не могу, не могу! — стонал Бондарь и осторожно шлепал себя кулаком по лбу.— Не могу халтурить при самом Григории Капустине. «Пята» имеет одно значение — и все. Хоть бы дополнили самым элементарным — дескать, орудие угнетения мужей. О, я несчастный!..

Родионов заглядывал во вновь созданное бюро по два-три раза в день. Он был доволен: не столько даже неправдоподобно быстрым, несмотря на внешнюю Гришину медли-

тельность, продвижением работы, сколько сосредоточенным спокойствием и деловитостью, царившими здесь. Юмор Бондаря был примитивен, но все же это был юмор, Владимир Иванович больше не обрывал Бондаря, даже когда тот нес чепуху. Веселая чепуха — и ладно.

После десяти дней работы без выходных дело стало близиться к концу. Бондарю осталось только скомпоновать текст, уже отредактированный с помощью знакомого лингвиста, а Грише кое-где растянуть композицию, наложить тени и еще раз пройтись по всему рисунку, чтобы выполнить все требования полиграфистов. Поэтому нисколько не странно прозвучало желание Гриши остаться работать ночью, тем более, что у Бондаря дел было еще часов на пятнадцать и он заявил, что ему надоело тянуть это удовольствие.

Копировщица Юля окончила работу и около семи вечера ушла, позаботившись о том, чтобы снабдить мужчин едой, питьем и куревом по меньшей мере на два дня. (И правильно сделала: к утру они все съели и почти все выпили).

Владимир Иванович, уходя домой, запротестовал было против этого аврала и попытался убедить авральщиков, что лучше нормально работать два дня. Но они заявили, что их стремление увидеть сей труд завершенным слишком велико, чтобы откладывать такое удовольствие на целые сутки. А Бондарь кроме того нетерпеливо подмигнул начальнику, словно намекая на некие воспитательные цели.

Родионов с несвойственной ему нерешительностью послонялся по комнатке, убедился, что от окна не дует, оставил зачем-то Бондарю и Грише свои спички и лишь после этого ушел.

Перед тем как уснуть вспомнил благодарный Гришин взгляд, когда топтался в комнатке, ища перед уходом, чем бы еще снабдить авральщиков, чтобы не терпели ни в чем нужды...

Утром он спешил на завод больше обычного, но при входе наскочил на главного инженера, который увлек его за собой в штамповочный цех, так что в отдел Владимир Иванович попал уже в десятом часу. Не заходя к себе, он открыл дверь бюро сопроводительной технической документации и замер: со стены повыше Гришиной головы, с женского портрета, с уже знакомого ему ангельского лица, обрамленного ровно спадающими белыми волосами, на него смотрели безмятежно голубые глаза.

Гриша поднял голову, скосил взгляд наверх и зябко повел плечом. А Бондарь, коротко стрельнув зрачками, пропел:

— Вот, закругляемся. Ну, не молодцы ли мы?

— Молодцы,— буркнул Владимир Иванович, осторожно выкашливая ставший в горле ком.— Еще какие. Дай вам бог здоровья. Как закончите — заходите ко мне оба,— только и сказал он, выходя, и в дверях столкнулся с Бревко.

— Ух ты! — со всей своей непосредственностью восхитился Бревко.— Это кто ж такая?

Закрывая за собой дверь, Владимир Иванович слышал ядовитый ответ Бондаря:

— Это, Бревко, женщина, в которую каждый из нас был влюблен хоть однажды в жизни. Но ты со своей замечательной тупостью даже собственной любви ухитрился не заметить. Иди, не мешай работать.

Владимир Иванович одобрительно выпятил губы, выпустил дверную ручку и энергичным шагом двинулся по коридору. Как никогда ему хотелось работать весело и споро.

Через год, в сентябре, возвращаясь из очередной встречи с однополчанами, Владимир Иванович Родионов умер: заснул в купе поезда, взволнованный, умиротворенный и радостный, что повидал друзей, и не проснулся.

Хоронили его в прозрачный сентябрьский день, было еще солнечно и тепло, летала паутина, желтизна осени едва коснулась деревьев и травы. Народу на кладбище было много.

Гриша Капустин стоял в стороне и не мог сосредоточиться на словах, которые произносили у отверстой могилы выступавшие от завода, от ветеранов войны. Это были обычные хорошие слова о хорошем человеке, но ничего нового в них для Капустина не было, ничего нового о Родионове они ему не сказали; Капустину казалось, что он знал о Родионове нечто иное — большое и важное, чего не знали эти люди. Потом слово предоставили фронтовому товарищу Родионова — писателю Евгению Аникееву. Он приблизился к свеженаваленной земле, на которой стоял гроб, и, глядя куда-то мимо, сказал:

— Вот... умер Володя Родионов...— как-то странно развел руками, пожал плечами, снял очки, за которыми оказались маленькие, очень близорукие глаза, и молча, не стесняясь, заплакал, размазывая слезы по щекам и, махнув рукой, отошел.

Капустин почувствовал, как перехватило горло, хотел глубже вздохнуть и не смог: что-то сдавило грудь. Осторожно выбравшись из толпы, он подался прочь. Потом никак не мог вспомнить, где бродил и что видел, домой заявился ночью, тихонько разделся и завалился спать...

А еще через год Гриша Капустин поступал в художественное училище. На собеседование, где должен был проходить конкурс рисунка, он пришел с большим черным футляром, в каком обычно носят чертежи.

Когда его пригласили к столу, где восседала комиссия, он так и подошел с этим черным футляром.

— С чем же вы к нам пожаловали, молодой человек? — спросил его плотный лысый мужчина в коричневом замшевом пиджаке.

Гриша открыл футляр и извлек оттуда два листа. Один, уже пожелтевший от времени, затолкал обратно, второй протянул экзаменатору. Тот развернул, далеко отстранил в вытянутых руках и, наклонив голову, долго разглядывал портрет Родионова. Потом сказал:

— В общем неплохо, молодой человек... Неплохо... Но слишком ординарная натура. Понимаете? Нет в ней... как бы вам сказать... Личность, видимо, ординарная,— и он протянул Грише лист.— Покажите еще что-нибудь. Я видел у вас там еще что-то.

Гриша молча обвел взглядом рыхлое лицо человека в замшевом пиджаке, какое-то время посидел на краешке стула, затем поднялся.

— Нет... Нет у меня больше ничего...— он стал заталкивать свернутый трубочкой портрет Родионова в футляр.

— Как нет? А вот это что? — экзаменатор показывал на пожелтевший лист, торчавший из футляра.

— Это так... ничего... До свидания,— качнув головой, Капустин вышел из класса, в котором на стенах висели карандашные рисунки античных атлетов, их гипсовые изваяния стояли на полках...

— Ну что, Гришенька? — спросила мама, ожидавшая его в сквере.

— Опять провалился я, мама,— смущенно улыбнулся Гриша.

— Ты им все показал? И тот портрет... этой, как ее...

— Все, мама, все...

— Ты не огорчайся, сынок.

— Ну что ты, мама!..

И они пошли через сквер по дорожке, посыпанной мелким хрустящим гравием.

СОДЕРЖАНИЕ

Григорий Соломонович Глазов
ГОЛОСА ЗА СТЕНОЙ
Маленькие повести

Художественное оформление
Виктории Владимировны Ковальчук

Редактор *О. М. Козакевич*
Художественный редактор *И. П. Плесканко*
Технический редактор *З. Ф. Стецкив*
Корректор *М. И. Ткач*

Информ. бланк № 1154

Сдано в набор 23. 12. 83. Подписано к печати 29. 03. 84. БГ 04735. Формат 84×108 1/32. Бум. типогр. № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,34. Усл. кр.-отт. 12,18. Уч.-изд. л. 13,42. Тираж 30 000 экз.
Заказ 2108-3. Цена 1 р.
Издательство «Каменяр». 290006, Львов, Подвальная, 3.
Львовская книжная фабрика «Атлас».
290005, Львов, Зеленая, 20.

Глазов Г. С.
Г52 Голоса за стеной: Маленькие повести / Худож. оформ. В. В. Ковальчук.— Львов : Каменяр, 1984.— 216 с., ил.

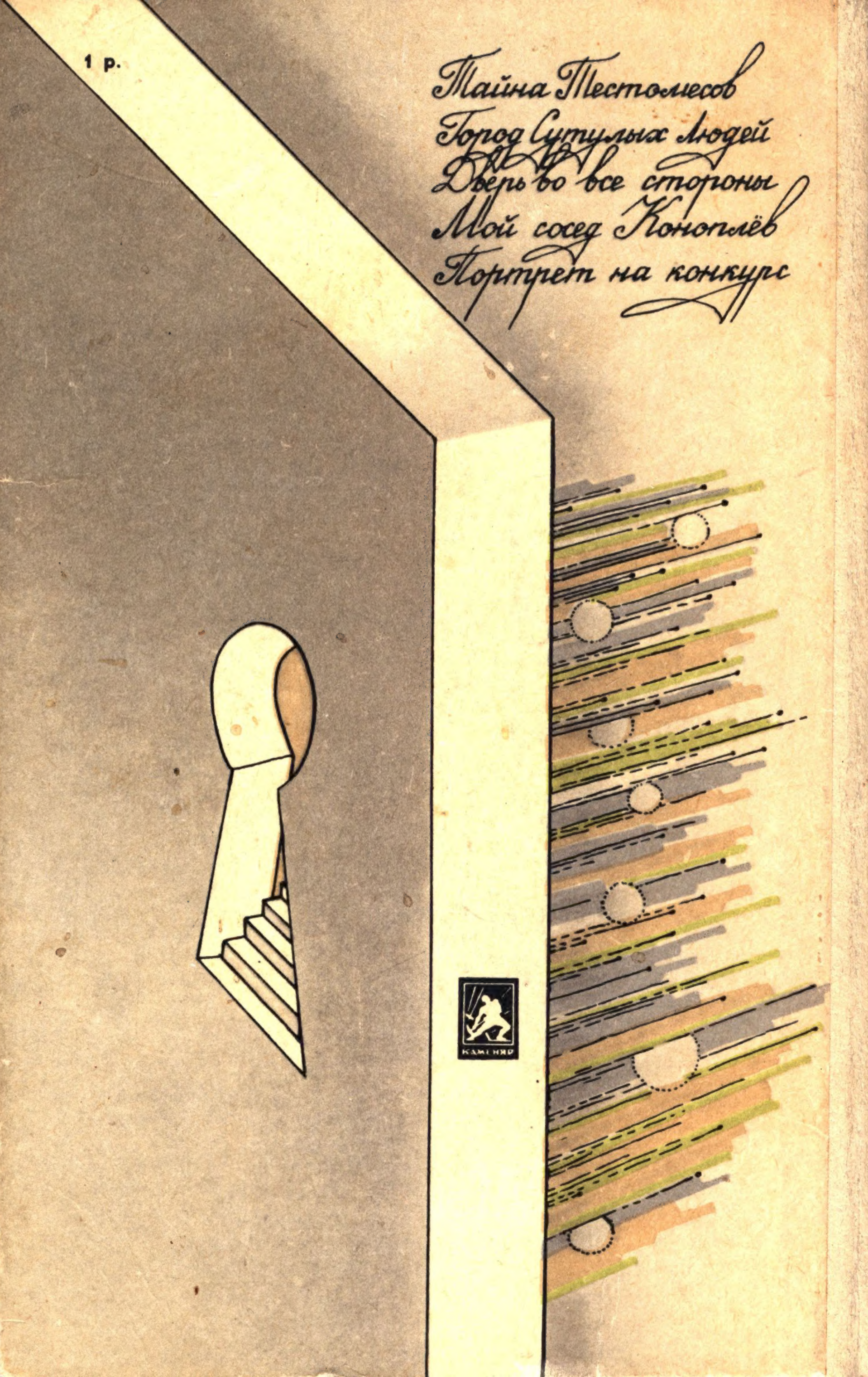
Новая книга современного русского писателя состоит из повестей, в которых действуют как реальные, так и сказочные герои. Произведения утверждают мысль, что человек не одинок, его окружает жизнь, требующая от каждого из нас высоты душевного полета, доброты, честности, справедливости и мужества в борьбе со злом.

Г $\frac{4702010200-029}{М214(04)-84}$ 40.84

ББК 84.Р7
Р2

1983

1 р.
Тайна Тестомесов
Город Сутулых Людей
Дверь во все стороны
Мой сосед Коноплёв
Портрет на конкурс
КАМЕНЯР

ГРИГОРИЙ ГЛАЗОВ ГОЛОСА ЗА СТЕНОЙ